

2023

Volume 9

No 3 (35)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2023

Том 9

№ 3 (35)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 31978. Формат 240×170. Объем 86 с. Тираж 40 экз. Свободная цена. Заказ № 23118. Дата выхода в свет 30.09.2023. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – The Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Anna A. Talitskaya – Yaroslavl State University (Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEPА (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Larisa V. Ukhova – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

С. В. Алоэ – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)

Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)

Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)

И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СИ РАН (Санкт-Петербург, РФ)

Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)

В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)

И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)

Т. К. Ростовская – д-р социол. наук, профессор, ФНИСЦ РАН (Москва, РФ)

И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)

А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)

Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. В. Ухова – д-р филол. наук, доцент, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)

М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Mamzelev I. A., Shterle A. V.**Features of the gubernatorial elections
in the Yaroslavl region in 2022..... 256**Palatnikov D. E., Osipova V. V.**Ways to implement the concept of "soft power" of the Russian Federation
with the help of information communications 270**Sukhonina N. A., Golovin Y. A.**

Islamic Revival in Dagestan: Dynamics, Scopes, and Consequences 280

SOCIOLOGY**Eparkhina O. V.**Methods of digital-sociology:
valuation of young researchers 290**Shustov A. V.**The Ukrainian migration crisis of 2022–2023:
dynamics, scale and consequences 300**PHILOLOGY****Kardanov M. L., Ezaova M. Y., Shugusheva J. Kh.**Semantic structure of word-formation nests based on one Adyghe root
in the Adyghe linguoculture..... 314**Talitskaya A. A., Zueva Y. E.**

Features of the nomination flower shops in Russia and the Czech Republic 324

ПОЛИТОЛОГИЯ**Мамзелев И. А., Штерле А. В.**Особенности выборов высшего должностного лица
в Ярославской области в 2022 году 256**Палатников Д. Е., Осипова В. В.**Способы реализации концепции «мягкой силы» Российской Федерации
с помощью информационных коммуникаций 270**Сухонина Н. А., Головин Ю. А.**

Исламское возрождение в Дагестане: динамика, масштабы и последствия 280

СОЦИОЛОГИЯ**Епархина О. В.**Цифровые методы прикладной социологии
в оценках молодых исследователей 290**Шустов А. В.**Украинский миграционный кризис 2022–2023 гг.:
динамика, масштабы и последствия 300**ФИЛОЛОГИЯ****Карданов М. Л., Езаова М. Ю., Шугушева Д. Х.**Семантическая структура словообразовательных гнезд
на основе одного адыгского корня в адыгской лингвокультуре 314**Талицкая А. А., Зуева Ю. Е.**

Особенности номинации цветочных магазинов России и Чехии 324

Features of the gubernatorial elections in the Yaroslavl region in 2022

I. A. Mamzelev¹, A. V. Shterle¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-256-269

Research article
Full text in Russian

The article describes the legal foundations and political features of the gubernatorial elections in the constituent entities of the Russian Federation. In particular, authors focus on the political situation before the elections of the Governor of the Yaroslavl region in 2022. They come to conclusion that in the Yaroslavl region, the election campaign took place in the absence of political competition primarily due to the use of the “municipal filter” in the gubernatorial election system of the region, providing the overwhelming advantage of in the use of administrative, informational and financial resources to the main candidate, as well as low activity of other candidates. In addition, there were other important elements of the election campaign of federal leaders of public opinion, in particular federal ministers and senior state officials. Finally, one of the key features of the gubernatorial elections in the Yaroslavl region was the possibility of self-nomination of candidates that provided a solid public distance between the main candidate and the widely criticized United Russia party. These conclusions are confirmed with the help of the analysis of the political situation in the Yaroslavl region before the start of the election campaign, the overview of actions and resources of the main contenders based on open sources, and the content analysis of mass media.

Keywords: gubernatorial elections; election campaign; political competition; political actors; municipal filter; mass media

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mamzelev, Ilya A. | E-mail: mamzel1207@mail.ru
Cand. Sc. (Politics)

Shterle, Anton V. | E-mail: ashterle29@gmail.com
Graduate

For citation: Mamzelev I. A., Shterle A. V. Features of the gubernatorial elections in the Yaroslavl region in 2022 // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 3. P. 256-269. (in Russ.)

Особенности выборов высшего должностного лица в Ярославской области в 2022 году

И. А. Мамзелев¹, А. В. Штерле¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-256-269
УДК 324

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье характеризуются правовые основы и политические особенности выборов глав субъектов Российской Федерации. В частности, анализируются особенности политической ситуации перед выборами губернатора Ярославской области в 2022 году. Авторы делают вывод о том, что избирательная кампания по выборам губернатора области проходила в условиях отсутствия политической конкуренции между кандидатами ввиду использования в системе выборов высших должностных лиц региона «муниципального фильтра», обеспечивающего подавляющее преимущество основного кандидата в использовании административного, информационного и финансового ресурсов, а также низкой активности других кандидатов. Кроме того, важными элементами избирательной кампании по выборам главы субъекта Федерации становятся визиты в регион федеральных лидеров общественного мнения в лице федеральных министров и высших должностных лиц государства. Помимо этого, одной из ключевых особенностей губернаторских выборов в Ярославской области называется возможность самовыдвижения кандидатов, которая позволяет инкубенту дистанцироваться от партии «Единая Россия». Эти выводы подтверждаются анализом политической ситуации, сложившейся в Ярославской области перед началом избирательной кампании, анализом действий и ресурсов основных политических акторов на основе открытых источников, анализом сообщений в средствах массовой информации.

Ключевые слова: выборы губернаторов; избирательная кампания; политическая конкуренция; политические акторы; муниципальный фильтр; СМИ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мамзелев, Илья Александрович | E-mail: mamzel1207@mail.ru
Кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий

Штерле, Антон Викторович | E-mail: ashterle29@gmail.com
Магистрант

Для цитирования: Мамзелев И. А., Штерле А. В. Особенности выборов высшего должностного лица в Ярославской области в 2022 году // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 3. С. 256-269.

Введение

В современном мире приверженность демократическим принципам является одним из критериев развитого государства, характерным признаком которого является право граждан на участие в политической жизни. Не секрет, что одним из видов участия общества в политической жизни государства являются выборы, занимающие особое место среди всех форм политической активности. В России выборный процесс проходит постоянно, поэтому за последние три десятилетия был накоплен значительный опыт проведения выборов. С помощью выборов избираются политические акторы, определяющие политический курс нашей страны. Вследствие этого выборы играют большую роль в жизни нашего общества. Одним из важнейших типов выборов в жизни любого региона в России является избрание высшего должностного лица субъекта РФ, который является представителем региона в отношениях с федеральными органами государственной власти, органами власти других субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и, наконец, определяет основные направления государственной политики региона. Именно поэтому изучение особенностей выборов высших должностных лиц субъектов Российской Федерации становится действительно актуальным и необходимым, а определение их особенностей в Ярославской области, в свою очередь, может помочь определить стратегию работы политических партий и кандидатов со своим электоратом.

Изучением теоретических основ выборов высших должностных лиц в России занимались многие учёные. К примеру, А. В. Кынев в своей работе подробно описал особенности выборов и назначений высших должностных лиц регионов Российской Федерации начиная с момента распада Советского Союза по 2018 год [1]. Е. В. Сироткина и С. А. Карандашова изучали роль формальных и неформальных конфликтов, влияющих на исход губернаторских выборов. Они сделали вывод о преобладающей значимости неформальной конкуренции по сравнению с формальной в электоральных автократиях [2]. И. А. Мамзелев анализировал изменение процедуры избрания высших должностных лиц субъектов РФ на основе открытых данных о ротации глав регионов и электоральной статистики в 2012–2018 гг. [3]. А. А. Бунтов и И. О. Пятунин описывали ключевые особенности PR-кампаний кандидатов в губернаторы Ярославской области в 2017 году в печатных, электронных СМИ и сети Интернет [4]. Таким образом, особенности выборов высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в целом изучены достаточно подробно в российской политической науке.

Методика исследования

В данной научной работе мы посредством анализа нормативно-правовых актов и открытых данных о губернаторских выборах рассмотрим правовые основы и политические особенности выборов глав регионов по состоянию на июнь 2023 года. Затем мы подробно остановимся на анализе основных характеристик политической ситуации перед выборами губернатора Ярославской области в 2022 году.

Согласно определению А. С. Ахременко, которое даётся в учебном пособии «Политический анализ и прогнозирование», политическая ситуация рассматривается как «сочетание особых условий и обстоятельств политической жизни». Как любая система, политическая ситуация характеризуется структурой, связями элементов и является обособленной единицей политического процесса. Соответственно, политическая ситуация обладает пространственными и временными границами.

В России в 2022 году состоялось 15 губернаторских выборов, из которых только 1 высшее должностное лицо избирали посредством голосования в региональном парламенте (Адыгея). В остальных субъектах глав регионов избирали напрямую, в том числе и в Ярославской области. Именно пространственными границами Ярославской области будет ограничена исследуемая политическая ситуация. Для определения основных характеристик политической ситуации перед выборами губернатора Ярославской области в 2022 году нами были использованы два метода: ситуационный анализ и контент-анализ сообщений СМИ и сообщений в социальной сети «ВКонтакте».

В процессе ситуационного анализа нами было выделено несколько ключевых критериев ситуации: основные политические субъекты, принимавшие участие в избирательной кампании; их основные действия; финансовые и информационные ресурсы, которые использовали политические акторы; сделаны выводы о структуре политической ситуации. Основной акцент был сделан на деятельности политических акторов в процессе выборов, так как любая избирательная кампания в первую очередь представляет совокупность действий каждого кандидата для получения поддержки избирателей. В связи с этим, по нашему мнению, выделенные критерии будут способствовать объективной оценке ситуации.

Контент-анализ, в свою очередь, позволил дополнить знание о выделенных ранее критериях на основе сообщений в средствах массовой информации и социальных сетях. Для анализа нами были взяты четыре самых цитируемых СМИ Ярославской области за 2022 год, по данным сервиса «Медиалогия»: два телевизионных канала («Первый Ярославский» и «ГТРК «Ярославия») и два интернет-ресурса («76.ru» и «Yarновosti.com» (издание включено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента) [5]. В качестве единиц контент-анализа в СМИ нами были взяты отдельные новостные сообщения, в социальной сети «ВКонтакте» – отдельные посты. Для анализа СМИ нами было выделено два критерия: количество сообщений, посвящённых деятельности М. Я. Евраева и других кандидатов в рассматриваемых источниках; и ключевые события, отражённые в публикациях. Кроме того, нами были проанализированы страницы кандидатов в социальной сети «ВКонтакте». В качестве критериев для анализа были выбраны количество сообщений и их тематика (предвыборная деятельность кандидатов, наличие критики других кандидатов или их программ).

Временными границами исследования выступил период с 24 мая 2022 года, когда временно исполняющий обязанности губернатора Ярославской области М. Я. Евраев заявил о намерении баллотироваться на должность губернатора, до 11 сентября 2022 года – единого дня голосования в России.

Научная новизна нашего исследования определяется использованием и анализом данных о последних на данный момент выборах губернатора Ярославской области, состоявшихся в 2022 году. В свою очередь, методы, использованные в исследовании, обусловлены характером объекта исследования – избирательной кампании – и использованием аналогичных методов в других научных работах [1].

Правовые основы выборов высшего должностного лица субъектов Российской Федерации

Правовую основу выборов в России составляют Конституция РФ, федеральные законы и законы субъектов Федерации. Так, в части 3 статьи 3 Конститу-

ции РФ референдум и свободные выборы определяются как высшее непосредственное выражение власти народа. В частях 1 и 2 статьи 32 Конституции РФ говорится о возможности граждан принимать участие в управлении государством, в том числе посредством представителей, а также о праве избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года¹.

В России регламентированы в законодательстве и регулярно проводятся федеральные, региональные и муниципальные выборы. На региональном уровне формируются законодательные органы государственной власти субъектов Федерации и избираются главы субъектов Федерации. В рамках данной работы научный интерес представляют выборы глав регионов.

Выборы глав субъектов Федерации проводятся в соответствии с Федеральным законом № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»², Федеральным законом № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», в Главе 3 которого изложены принципы избрания высшего должностного лица субъекта Российской Федерации³, Федеральным законом № 498-ФЗ «О политических партиях»⁴, а также уставами регионов и региональными законами о выборах.

Выборы глав субъектов в подавляющем большинстве регионов России являются схожими. Так, модель прямых всенародных выборов используется в 75 субъектах Российской Федерации [6, с. 72]. В десяти субъектах Федерации проходят не прямые выборы, когда глав регионов избирают региональные законодательные собрания. Такой порядок распространен в республиках Северного Кавказа, включая Дагестан, Ингушетию, Адыгею, Северную Осетию, Карачаево-Черкесскую и Кабардино-Балкарскую республики. Кроме того, такой порядок применяется и в республике Крым [7]. Общим условием для всех российских регионов является избрание губернатора сроком на пять лет, независимо от модели выборов.

Согласно Закону Ярославской области от 02 июня 2003 г. № 27-з «О выборах в органы государственной власти Ярославской области и органы местного самоуправления муниципальных образований Ярославской области», выборы губернатора Ярославской области осуществляются «по избирательному округу, включающему в себя всю территорию Ярославской области». Кандидаты на должность губернатора Ярославской области, в свою очередь, могут быть выдвинуты как политическими

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.05.2023).

² Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 20.05.2023).

³ Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 20.05.2023).

⁴ Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 20.05.2023).

партиями (либо их соответствующими региональными отделениями, имеющими право принимать участие в выборах), так и в порядке самовыдвижения⁵.

Политические особенности выборов высших должностных лиц субъектов Российской Федерации

Одной из политических особенностей выборов высших должностных лиц субъектов Федерации становится снижение тенденции участия кандидатов, поддерживаемых федеральным центром, в качестве самовыдвиженцев. Если в предыдущие годы наблюдалось расширение круга регионов, где самовыдвижение было разрешено, то в настоящее время «самовыдвиженцы» уходят в прошлое [8, с. 100]. Так, из 14 регионов, в которых в 2022 году проводились выборы глав субъектов Российской Федерации, только в Ярославской области была предусмотрена возможность самовыдвижения кандидата [9]. В отдельных случаях самовыдвижение позволяет инкумбенту дистанцироваться от партии власти, когда её низкий рейтинг может негативно влиять на рейтинг основного кандидата [10, с. 59].

Следующей особенностью выборов глав регионов Российской Федерации становится наличие «муниципального фильтра». Кандидатам на данную должность, помимо стандартной процедуры сбора подписей граждан, в обязательном порядке предписывается заручиться поддержкой местных депутатов и глав [11, с. 85]. Использование «муниципального фильтра» вызывает неоднозначное отношение как со стороны экспертного сообщества, так и со стороны действующих политиков. По мнению некоторых исследователей, в связи с доминированием выдвиженцев от «Единой России» в местных органах власти и высокой степенью зависимости органов местного самоуправления от региональных органов исполнительной власти самостоятельно заручиться поддержкой кандидату не от партии власти становится довольно сложно, что вынуждает согласовывать своё выдвижение с руководством региона [3, с. 27].

Наконец, важной особенностью, по нашему мнению, является тренд на назначение из федерального центра временно исполняющими обязанности глав регионов политиков, ранее не имевших непосредственного отношения к регионам. Зачастую ещё до того, как стартуют выборы, действующий глава региона уходит в отставку, а на его место Президент назначает временно исполняющего обязанности губернатора. Впоследствии именно это лицо становится основным претендентом на победу на выборах. Согласно данным электоральной статистики, в 2012–2018 гг. половину от всех кампаний составили выборы, в которых приняли участие назначенцы федерального центра, пребывающие в должности не больше года [3, с. 31].

Кроме того, важным элементом избирательных кампаний становятся встречи инкумбентов с Президентом России. Так, согласно данным статистики, с апреля по август 2014 года состоялись встречи Президента РФ с исполняющими обязанности губернаторов в 27 из 30 регионов, в которых в сентябре были запланированы губернаторские выборы. Можно сказать, что накануне выборов встречи Президента РФ с кандидатами от власти проходят почти в ежедневном режиме [2, с. 848].

Таким образом, правовая основа выборов в России – это Конституция РФ, федеральные законы и законы субъектов Федерации. На выборах высших должностных

⁵ Областной закон от 02 июня 2003 г. № 27-з «О выборах в органы государственной власти Ярославской области и органы местного самоуправления муниципальных образований Ярославской области» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/934012772> (дата обращения: 20.05.2023).

лиц глав регионов в большинстве российских регионов используется модель прямых всенародных выборов, общим условием является избрание главы региона сроком на пять лет. К политическим особенностям данного типа выборов можно отнести снижение тенденции участия кандидатов, поддерживаемых федеральным центром, в качестве самовыдвиженцев, наличие «муниципального фильтра», тренд на назначение из федерального центра временно исполняющим обязанности глав регионов политиков, ранее не имевших непосредственного отношения к регионам, и встречи инкубентов с Президентом РФ перед выборами.

Основные характеристики политической ситуации перед выборами губернатора Ярославской области в 2022 году

12 октября 2021 года Президент РФ В. В. Путин подписал указ, согласно которому губернатор Ярославской области Д. Ю. Миронов ушел в отставку. Временно исполняющим обязанности (далее – «врио») губернатора Ярославской области был назначен М. Я. Евраев. В соответствии с российским законодательством, в случае досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта РФ выборы проводятся с учётом сроков назначения выборов в ближайшее второе воскресенье сентября после такого досрочного прекращения полномочий. В соответствии с данным положением, 07 июня 2022 года на заседании Ярославской областной Думы выборы губернатора Ярославской области были назначены на 11 сентября 2022 года.

В процессе анализа нами было выделено 5 основных политических субъектов, принимавших участие в выборах губернатора Ярославской области в 2022 году:

1. Евраев Михаил Яковлевич, врио губернатора Ярославской области, самовыдвиженец.
2. Парамонов Михаил Константинович, первый секретарь Ярославского областного комитета КПРФ, был выдвинут КПРФ.
3. Смирнов Владимир Алексеевич, депутат Ярославской областной Думы седьмого созыва на непостоянной основе, был выдвинут ЛДПР.
4. Милорадов Игорь Анатольевич, заместитель главного врача частного учреждения здравоохранения «Клиническая больница «РЖД-Медицина» г. Ярославль», был выдвинут партией «Коммунисты России».
5. Тукаев Константин Валерьевич, на момент регистрации числился безработным, был выдвинут политической партией «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость».

Указанные кандидаты смогли преодолеть так называемый «муниципальный фильтр» и зарегистрироваться для участия в голосовании. Одним из участников, которому не удалось преодолеть «муниципальный фильтр», стал С. А. Балабаев, кандидат от партии «Яблоко». По словам кандидата, ему удалось собрать лишь 28 подписей из 50 [12]. О других потенциальных кандидатах долгое время наблюдалась лишь противоречивая информация. К примеру, в СМИ появлялась информация о возможном участии в избирательной кампании Д. В. Добрякова, бывшего мэра Рыбинска. О желании принять участие в выборах высказывался А. Н. Грешневиков, депутат Государственной Думы РФ от партии «Справедливая Россия» [13]. Однако указанные кандидаты так и не выдвинули свои кандидатуры.

Далее мы охарактеризуем действия и ресурсы каждого из выделенных политических субъектов. Начнём с врио губернатора Ярославской области М. Я. Еврае-

ва. Перед началом избирательной кампании рейтинги М. Я. Евраева были довольно низкими. Подтверждением являются результаты исследования «Клуба социологов». Авторы проекта ежеквартально готовят рейтинг публичной политики Ярославской области. Так, по результатам первого квартала 2022 года инкубент не смог занять ни одного первого места из 10 номинаций рейтинга. По оценке исследователей, таких негативных результатов на второй квартал после своего назначения не показывал ни один из предыдущих руководителей региона [14]. Вследствие этого можно говорить о достаточно низкой эффективности работы по освещению деятельности М. Я. Евраева в СМИ перед началом избирательной кампании.

Среди известных личных проектов главы региона в начале избирательной кампании можно выделить проект благоустройства территорий «Наши дворы»; создание рабочей группы «Губернаторский контроль» (данная группа призвана контролировать качество реализации губернаторских проектов, реагировать на обращения жителей и в целом контролировать качество реализации поручений губернатора). Довольно масштабным было проведение кадрового конкурса «Ярославский резерв», который был призван внедрить победителей в управленческий резерв региона. Среди других проектов можно выделить акции «Привет, малыш», в рамках которой предполагалось приобретение подарков для новорождённых, и «Первый раз в первый класс», по которой для первоклассников приобретались некоторые школьные принадлежности. Вместе с этим многие аналитики выделяли высокую активность М. Я. Евраева в сравнении с предыдущим губернатором. К примеру, глава региона совершал интенсивные поездки в муниципальные районы, не боялся выступать публично и встречаться с жителями [15].

С началом избирательной кампании деятельность М. Я. Евраева стала освещаться более активно (данные об освещении деятельности М. Я. Евраева в региональных СМИ представлены на рис. 1). Одним из значимых инфоповодов стала отмена ковидных ограничений в Ярославской области. Продолжилось освещение в СМИ визитов главы региона и «Губернаторского контроля» в муниципальные районы Ярославской области, освещение реализации губернаторских проектов.

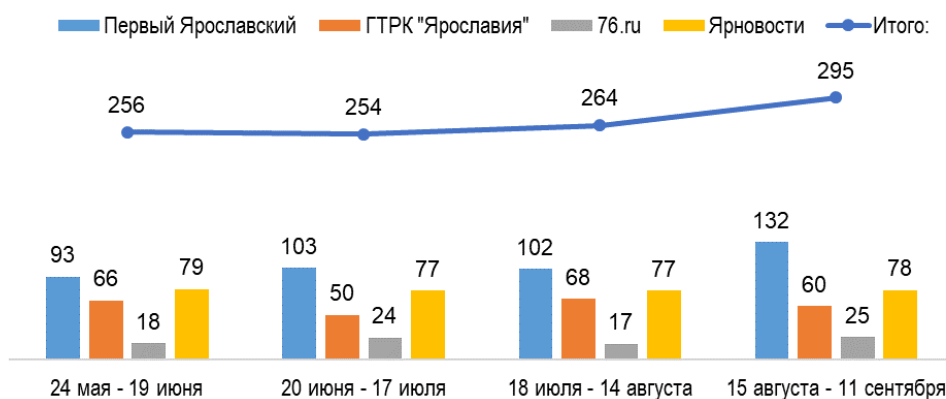

Рисунок 1. Освещение деятельности М. Я. Евраева в региональных СМИ.

Появились и новые проекты, инициированные губернатором. Среди таких проектов можно выделить «Шаг к здоровью», в рамках которого в различных точках ре-

гиона начали появляться мобильные пункты медицинской помощи, где жители могли получить консультативно-диагностическую помощь. Кроме того, регион активно начали посещать федеральные министры, а в начале августа 2022 года состоялась видеоконференция М. Я. Евраева с Президентом РФ В. В. Путиным, на которой обсуждалось строительство Карабулинской развязки и третьего моста через Волгу. Практически перед выборами, в сентябре 2022 года, регион посетил премьер-министр РФ М. В. Мишустин. В социальной сети «ВКонтакте» деятельность кандидата тоже освещалась довольно активно. Тематика сообщений касалась повседневной деятельности инкумбента, реализации губернаторских проектов. При этом упоминаний других кандидатов и их программ на странице врио губернатора зафиксировано не было.

Во многом благодаря активным действиям со стороны М. Я. Евраева вырос рейтинг главы региона. Так, по результатам рейтинга публичной политики Ярославской области во втором квартале 2022 года показатели известности, одобрения деятельности и готовности голосовать за М. Я. Евраева серьезно выросли, однако, по мнению аналитиков, все ещё не отмечались устойчивостью [16].

Обозначим ресурсы, которые использовались в избирательной кампании командой главы региона. М. Я. Евраев участвовал в выборах губернатора Ярославской области как самовыдвиженец. По нашему мнению, в связи с неудовлетворительными результатами партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы РФ в Ярославской области возможность самовыдвижения позволила инкумбенту дистанцироваться от партии власти [17]. Вместе с тем М. Я. Евраева уверенно можно называть провластным кандидатом: во-первых, врио главы региона был назначен из Администрации Президента РФ, во-вторых, его выдвижение практически сразу было поддержано партией власти [18]. Вследствие этого можно говорить о том, что административный и информационный ресурс был полностью в руках команды М. Я. Евраева.

С одной стороны, повседневная деятельность инкумбента активно освещалась всеми СМИ региона (как телевизионными каналами, так и интернет-ресурсами), в особенности подконтрольными. С другой стороны, можно предположить, что «сушка» явки избирателей стала одним из направлений работы избирательного штаба врио губернатора. Так, на агитационных плакатах М. Я. Евраева отсутствовала какая-либо информация о дате выборов [19]. Финансовые ресурсы главы региона были в десятки раз выше, чем у других кандидатов. Согласно итоговому финансовому отчету М. Я. Евраева, в его избирательный фонд поступило 87 миллионов рублей. Около 20 миллионов были потрачены на организацию сбора подписей избирателей и прохождение «муниципального фильтра», около 30 миллионов было израсходовано на оплату работ и услуг политических консультантов, 10 миллионов – на предвыборную агитацию на листовках, плакатах, рекламных щитах. Остальные средства были направлены на различные способы агитации на встречах с избирателями и ряд других услуг, оказанных различными юридическими лицами [20].

М. К. Парамонов, кандидат от партии КПрФ, так же отметился довольно активной избирательной кампанией. К примеру, использовалось довольно большое количество агитационных материалов, которые можно было заметить практически в любой точке региона. Кроме того, деятельность кандидата от КПрФ отмечалась и активным проведением встреч с избирателями во многих муниципальных районах

Ярославской области, в том числе с привлечением Р. М. Лябихова, депутата Государственной Думы ФС РФ от КПРФ [21].

Ресурсы, которые использовались в избирательной кампании командой М. К. Парамонова, были значительно ниже, чем у главы региона. Несмотря на то, что кандидат от КПРФ провел довольно большое количество встреч с избирателями в разных муниципальных округах региона, их освещение производилось преимущественно на официальном сайте Ярославского областного комитета КПРФ, что, в свою очередь, говорит о низком информационном ресурсе кандидата. На странице М. К. Парамонова в социальной сети «ВКонтакте» помимо постов, посвященных встречам с избирателями, отмечалась незначительная критика формата трехдневного голосования и партии власти. Вместе с этим в процессе предвыборной кампании КПРФ практически не критиковала основного кандидата. Финансовые поступления в избирательный фонд М. К. Парамонова составили всего 1,3 миллиона рублей. Практически вся сумма была потрачена на выпуск и распространение печатных и иных агитационных материалов [20].

В. А. Смирнов, кандидат от партии ЛДПР, депутат Ярославской областной Думы седьмого созыва, провел довольно блеклую избирательную кампанию. К примеру, на официальном сайте ЛДПР отсутствуют какие-либо упоминания о проведенных встречах кандидата с жителями во время избирательной кампании [22]. Во многом выборная кампания ограничивалась лишь выпуском печатных и других агитационных материалов, на который было потрачено 1,99 миллионов рублей из 2 миллионов, поступивших в избирательный фонд кандидата [20]. В социальной сети «ВКонтакте» на странице В. А. Смирнова активно размещалась лишь информация о повседневной деятельности кандидата, об основных этапах избирательной кампании в виде прохождения муниципального фильтра и регистрации на выборах. В сообщениях часто упоминались кандидаты в депутаты муниципалитета г. Ярославля.

И. А. Милорадов и К. В. Тукеев не проводили какой-либо значимой агитационной кампании. При этом средств в избирательный фонд обоих кандидатов поступило 15 и 16 миллионов рублей соответственно. Интерес вызывает тот факт, что избирательные кампании обоих кандидатов финансировались из одного и того же источника [Там же]. Большую часть суммы оба кандидата направили на консультации политтехнологов и сбор подписей избирателей и прохождение «муниципального фильтра». Вместе с тем оба кандидата проявляли активность в социальной сети «ВКонтакте». Зачастую указанные кандидаты с помощью постов лишь информировали о своем участии в избирательной кампании, никак не комментируя деятельность других кандидатов.

Освещение избирательной кампании политических субъектов в СМИ и социальной сети «ВКонтакте». Во всех анализируемых СМИ региона активно освещалась повседневная деятельность М. Я. Евраева: личные приемы граждан; визиты в регион федеральных министров, премьер-министра РФ; встречи главы региона с руководителями промышленного сектора, НКО, образовательных организаций; реализация большого количества губернаторских проектов и т. д.

Деятельность других кандидатов практически не находила отражения ни в телевизионных источниках, ни в интернет-ресурсах. Практически все публикации, освещающие деятельность остальных кандидатов, посвящены официальным этапам избирательной кампании. К таким публикациям можно отнести регистрацию и выдвижение кандидатов, публикацию общей информации о проводимых выборах и их

предварительных итогах. Одним из немногих агитационных мероприятий, в которых приняли участие все кандидаты, стали дебаты, в которых каждый из участников кратко рассказывал о себе и отвечал на вопросы «от редакции» [23]. Данные о количестве сообщений о кандидатах в региональных СМИ представлены на рис. 2.

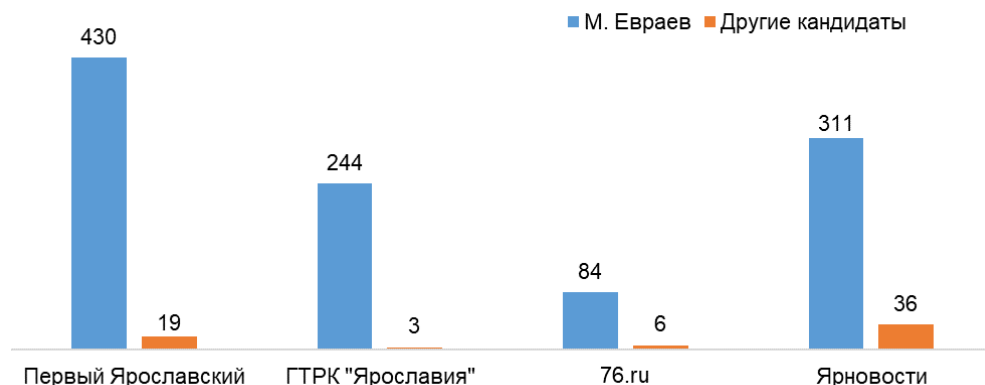

Рисунок 2. Количество сообщений о кандидатах в региональных СМИ.

В социальной сети «ВКонтакте» наиболее активно освещалась повседневная деятельность на странице М. Я. Евраева. Вместе с тем активность других кандидатов была выше, чем в телевизионных источниках и интернет-ресурсах. Наравне с публикацией итогов выдвижения и регистрации оппозиционные кандидаты выкладывали посты о проведенных встречах с жителями, визитах в муниципальные районы Ярославской области, поздравлениях с официальными праздниками и т. д. Однако количество сообщений не идет ни в какое сравнение с активностью инкумбента. Кроме того, все кандидаты были сосредоточены на своей деятельности, никак не комментируя работу других кандидатов. Оппозиционные кандидаты, в свою очередь, практически не использовали протестных тем в отношении инкумбента: критика кандидата от КПРФ, к примеру, была направлена лишь на формат проводимого голосования и партию власти. Данные о количестве сообщений на страницах кандидатов в социальной сети «ВКонтакте» представлены на рис. 3.

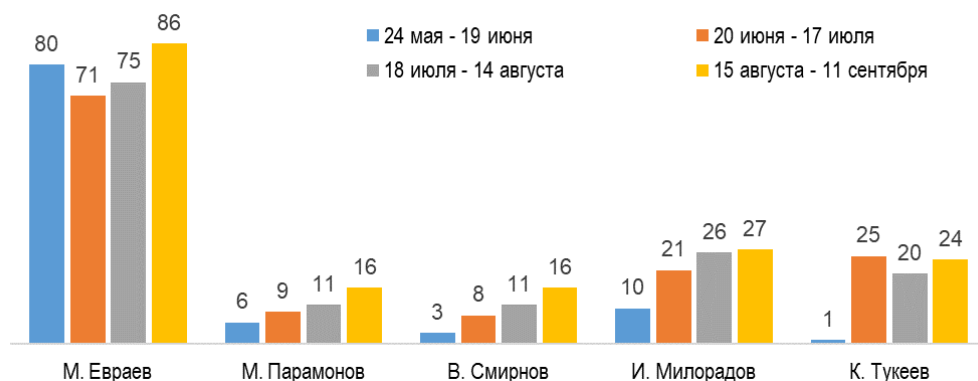

Рисунок 3. Количество сообщений на страницах кандидатов в социальной сети «ВКонтакте».

Основные характеристики структуры анализируемой политической ситуации. Под структурой политической ситуации мы будем понимать совокупность устойчивых связей между её элементами – политическими акторами. Кроме того, важным в данной научной работе представляется определение термина «политическая конкуренция». Под политической конкуренцией мы понимали любое соперничество в сфере политики, в том числе и конфликтное, когда политический конфликт видится как форма конкурентного взаимодействия, соперничества между кандидатами в процессе избирательной кампании [24, с. 180]. Конкуренция в нашем исследовании подразумевала сопоставимые объемы финансовых ресурсов кандидатов, их активность как на телевизионных каналах и интернет-источниках, так и в социальных сетях, показателем конкуренции являлось и наличие взаимной критики между кандидатами.

По типу отношений между выделенными акторами политическая ситуация носила нейтральный характер. В процессе избирательной кампании не наблюдалось конкуренции между кандидатами, их кампании проводились автономно друг от друга, ни на одном этапе выборной кампании взаимной критики не наблюдалось. У кандидатов наблюдались несопоставимые объемы ресурсов. Административный, финансовый и информационный ресурс были на стороне инкумбента, что, по нашему мнению, и привело к отсутствию активного соперничества между кандидатами.

С нашей точки зрения, отсутствие политической конкуренции, активного соперничества между кандидатами во многом привело к снижению явки избирателей на губернаторских выборах, итоговое значение которой составило 26,66 %. Интерес вызывает тот факт, что другие регионы, в которых проводились выборы высших должностных лиц субъектов РФ, показали значительно более высокие цифры явки избирателей, чем Ярославская область.

Выводы

Таким образом, можно говорить о том, что активное использование информационных, финансовых и административных ресурсов, отсутствие значимых политических конкурентов на выборах главы региона в Ярославской области в 2022 году и, конечно, высокая активность и работоспособность М. Я. Евраева обусловили победу на выборах с довольно высоким результатом – 82,3 %.

Значимой особенностью выборов высшего должностного лица в Ярославской области стала возможность выдвижения кандидата на выборы самовыдвиженцем. Так, из 14 регионов, в которых проводились выборы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в 2022 году, только в Ярославской области была предусмотрена такая возможность, которой и воспользовался М. Я. Евраев. По нашему мнению, самовыдвижение помогло инкумбенту дистанцироваться от критикующей в регионе партии власти.

Помимо этого, одержавший победу кандидат был назначен из федерального центра почти за год до выборов и не имел ранее никакого отношения к региону. Работа врио губернатора даёт кандидату использовать весь региональный информационный ресурс как в СМИ, так и в социальных сетях, что, без сомнения, даёт огромное преимущество главе региона перед другими кандидатами на предстоящих выборах. Важным элементом кампании в Ярославской области стали визиты в регион и встречи с федеральными лидерами общественного мнения в виде федеральных министров и высших должностных лиц государства.

Наконец, важной характеристикой является использование в системе выборов высших должностных лиц региона «муниципального фильтра», который приводит к снижению уровня политической конкуренции в период избирательной кампании. Так, по типу отношений между выделенными акторами исследуемая политическая ситуация носила ярко выраженный нейтральный характер. В процессе избирательной кампании не наблюдалось конкуренции, активного соперничества между кандидатами, что, по нашему мнению, является одним из ключевых индикаторов легитимных выборов. С нашей точки зрения, отсутствие политической конкуренции во многом и привело к снижению явки избирателей на губернаторских выборах.

Ссылки

1. Кынев А. В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1030 с.
2. Сироткина Е. В., Карандашова С. А. Лояльность элит и выборы глав регионов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 76–91.
3. Мамзелев И. А. Губернаторские выборы 2012–2018 годов в России: становление, состояние, перспективы // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Том 5. № 1. С. 20–35.
4. Бунтов А. А., Пятунин И.О. Медийные PR-кампании в ходе выборов губернатора Ярославской области // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 4. С. 300–311.
5. ТОП-10 самых цитируемых СМИ Ярославской области – 2022 год // Медиалогия: сайт. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/11990/> (дата обращения: 14.05.2023).
6. Марков Р. С. Прямые выборы высших должностных лиц субъектов РФ в контексте федеративных отношений // Материалы XXVII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2020». М., 2020. С. 72–81.
7. Как менялись законодательные основы выборов глав субъектов России // ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/info/12514329> (дата обращения: 17.03.2023).
8. Арутюнов А. Г. Особенности региональных выборов в современной России (по материалам пяти субъектов Российской Федерации) // Власть. 2021. № 3. С. 99–103.
9. Самовыдвиженцы уходят в прошлое // Коммерсантъ: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5369438> (дата обращения: 20.05.2023).
10. Дресвянин Д. А. Муниципальный фильтр: проблемы и практика применения // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 4 (11). С. 83–95.
11. Карандашова С. А. Российские особенности электорального авторитаризма: новые практики обеспечения победы инкубентов на губернаторских выборах // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 1 (29). С. 51–67.
12. «Яблоко» далеко падает: выборы ярославского губернатора пройдут без кандидата от объединенных демократов // Ярновости: сайт. URL: <https://yarnovosti.com/news/yabloko-daleko-padaet-vybory-yaroslavskogo-gubernatora-proyduť-bez-kandidata-ot-obedinennyh-demokratov/> (дата обращения: 29.05.2023).
13. Экс-глава Рыбинска Денис Добряков может пойти на выборы губернатора Ярославской области // Ярновости: сайт. URL: <https://yarnovosti.com/news/eks-glava-rybinska-denis-dobryakov-mojet-poyti-na-vybory-gubernatora-yaroslavskoy-oblasti/> (дата обращения: 14.05.2023).

14. Рейтинг публичной политики Ярославской области. Версия 01.22 // Проект «Клуб социологов»: сайт. URL: <https://sociologyclub.ru/news/analitika/rppyr-versiya-01-22/> (дата обращения: 14.05.2023).

15. Иллюзия выборов // Проект «Клуб социологов»: сайт. URL: <https://sociologyclub.ru/news/analitika/illyuziya-vyborov-/> (дата обращения: 14.05.2023).

16. Рейтинг публичной политики Ярославской области. Версия 02.22 // Проект «Клуб социологов»: сайт. URL: <https://sociologyclub.ru/news/analitika/rejting-publichnoy-politiki-yaroslavskoy-oblasti-versiya-02-22/> (дата обращения: 14.05.2023).

17. Итоги выборов в Госдуме-2021. Интерактивная карта // Коммерсантъ: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4994681> (дата обращения: 26.06.2023).

18. «Единая Россия» поддержит Михаила Евраева на выборах губернатора // Ярославский регион: сайт. URL: <https://yarreg.ru/articles/edinaya-rossiya-podderjit-mihaila-evraeva-na-vyborah-gubernatora/> (дата обращения: 28.05.2023).

19. Скучно, аж жуть... или когда победителей всё-таки судят // Проект «Клуб социологов»: сайт. URL: <https://sociologyclub.ru/news/analitika/skuchno/> (дата обращения: 28.05.2023).

20. Итоговые финансовые отчёты кандидатов на выборах губернатора Ярославской области // Избирательная комиссия Ярославской области: сайт. URL: <http://www.yaroslavl.izbirkom.ru/vybory/edinyu-den-golosovaniya-11-09-2022/vybory-gubernatora-yaroslavskoy-oblasti/index.php> (дата обращения: 28.05.2023).

21. Встреча депутатов КППФ с жителями Тутаева // Ярославское областное отделение КППФ: сайт. URL: <https://yarkprf.ru/встреча-депутатов-кпф-с-жителями-тутаева/> (дата обращения: 14.05.2023).

22. Новости с тегом «Ярославская область» // Официальный сайт ЛДПР. URL: <https://yaroslavl.ldpr.ru/tags/Ярославская%20область> (дата обращения: 28.05.2023).

23. Ярославские дебаты, или Сказка о потерянном времени: кандидаты в губернаторы обменялись предвыборными обещаниями // Ярновости: сайт. URL: <http://www.yaroslavl.izbirkom.ru/vybory/edinyu-den-golosovaniya-11-09-2022/vybory-gubernatora-yaroslavskoy-oblasti/index.php> (дата обращения: 28.05.2023).

24. Рылкина А. П., Шилов В. Н. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). С. 176–184.

Ways to implement the concept of "soft power" of the Russian Federation with the help of information communications

D. E. Palatnikov¹, V. V. Osipova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-270-279

Research article
Full text in Russian

In the modern world, the process of confrontation in the international arena is regularly complicated, it is becoming increasingly difficult for countries to maintain the role of leading powers and balance their international authority due to the emergence of various crises and threats. «Soft power» is a new way in modern geopolitics, designed to reduce the role and using of forceful methods of confrontation in favor of non-traditional methods – using of the non-state sector, the attractiveness of culture, traditions and political values in order to influence the societies of other countries, thereby increasing the image level. In the Russian foreign policy course, the concept of «soft power» occupies one of the important places in the priorities of developing of the level of authority and state image, however, for Russia, as a democratic state, the application of the methodology under consideration is a conceptually new vector, as a result, certain problems arise in practice. This article discusses the informational support of the «soft power» methodology of the Russian Federation. Problem areas are identified with methods of political analysis in this issue by comparing with the information support of the «soft power» of the United States and China.

Keywords: "Soft power"; foreign policy; international relations; media; image of the state; Russia

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Palatnikov, Denis E., | E-mail: palatnikov@yarregion.ru
Cand. Sc. (Philosophy)

Osipova, Vlada V. | E-mail: vlada.osipova2707@yandex.ru
Graduate

For citation: Palatnikov D. E., Osipova V. V. Ways to implement the concept of "soft power" of the Russian Federation with the help of information communications // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 3. P. 270-279. (in Russ.)

Способы реализации концепции «мягкой силы» Российской Федерации с помощью информационных коммуникаций

Д. Е. Палатников¹, В. В. Осипова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-270-279
УДК 32.019

Научная статья
Полный текст на русском языке

В современном мире процесс противостояния на международной арене регулярно осложняется, странам все труднее сохранять роль ведущих держав и балансировать свой международный авторитет ввиду появления различных кризисов и угроз. «Мягкая сила» является новым веянием современной геополитики, призванным снизить роль и применение силовых методов противостояния в пользу нетрадиционных методов – использования негосударственного сектора, привлекательности культуры, традиций и политических ценностей с целью оказания воздействия на общества других стран, чтобы повысить уровень имиджа. В российском внешнеполитическом курсе концепция «мягкая сила» занимает одно из важных мест в приоритетах развития уровня авторитета и имиджа государства, однако для России как для демократического государства применение рассматриваемой методики является концептуально новым вектором, вследствие чего в практике применения могут образоваться определенные проблемы. В настоящей статье рассматривается информационное сопровождение методики «мягкой силы» Российской Федерации, с помощью методов политического анализа на конкретном примере определяются и анализируются проблемные зоны в этой сфере через сравнение с информационным сопровождением «мягкой силы» США и Китая.

Ключевые слова: «мягкая сила»; внешняя политика; международные отношения; СМИ; имидж государства; Россия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Палатников, Денис Евгеньевич | E-mail: palatnikov@yarregion.ru
Кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических теорий

Осипова, Влада Валерьевна | E-mail: vlada.osipova2707@yandex.ru
Студент

Для цитирования: Палатников Д. Е., Осипова В. В. Способы реализации концепции «мягкой силы» Российской Федерации с помощью информационных коммуникаций // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 3. С. 270-279.

«Мягкая сила» – инструмент, который необходим любому современному демократическому государству, в особенности имеющему статус сильного игрока, мировой державы, в реалиях нового международного порядка. Современному государству выгодно использовать привлекательность разных сфер, развиваемых вну-

© ЯРГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

три страны, для привлечения сторонников на мировой арене и внутри государств, нежели чем использовать военную силу, например. На сегодняшний день вследствие развития глобальных коммуникационных технологий утвердился тезис об эффективности использования методик «жесткой силы» и «мягкой силы» комплексно для успешно реализованного курса внешней политики. Нынешние реалии социально-экономических изменений делают «мягкую силу» неотъемлемой составляющей политики развитых современных государств, в том числе и России. Однако, поскольку «мягкая сила» как методика была разработана в рамках политической конъюнктуры США, применение ее в России происходит видоизмененным, со своими особенностями, которые необходимо постоянно отслеживать и реконструировать для того, чтобы методика работала в пользу России.

На сегодняшний день не установилось четко закрепленного понятия «мягкой силы», несмотря на его постоянное использование в практике международной политики. Вот уже более тридцати лет данное понятие активно рассматривается специалистами отечественной и зарубежной политологии и геополитики, и за этот период изучаемый термин прочно закрепился в списке наиболее востребованных тем исследований для политического анализа, а также в специализированной литературе и даже был зафиксирован в Концепции внешней политики Российской Федерации [1].

Классическая трактовка «мягкой силы» представляет методику в виде специфической формы воздействия и определенного вида власти, который образовался с началом информационной эпохи, с ростом объема циркулирующей в обществе информации, а также со скоростью и широтой ее распространения в результате развития современных коммуникационных технологий. Основная цель «мягкой силы» – это создание привлекательной власти, с помощью которой можно оказывать существенное влияние на людей, при этом практически незаметно для них самих. Благодаря инструментам «мягкой силы» сторона, использующая их, может изменять в свою пользу нормы мышления, представления о тех или иных вещах, образы и каноны поведения у той стороны, на которую первая оказывает воздействие.

А. А. Громько предложил посмотреть на это понятие следующим образом: «мягкая сила» – это метод оказания влияния, основывающийся на культурных и образовательных достижениях прошлых поколений, на духовных и нравственных ценностях, а также на трепетном отношении, которое выражается в толерантности и принятии, к традициям и культуре всех стран и народов [2].

При этом же Ю. П. Давыдов отмечает важную, на наш взгляд, особенность «мягкой силы», утверждая, что эта методика тесно переплетена с «жесткой силой» и при различных политических контекстах, в разных конъюнктурах даже может преобразовываться, уходя от своей «мягкой» специфики к «жесткой» (в частности, в ситуации, когда одно государство использует «мягкую силу» для подрыва стабильного политического или общественного уклада другого государства) [3].

«Мягкая сила» концептуально связана с информацией, как указывает на это А. В. Агеева [4]. Информация и СМИ сейчас занимают важное место в контексте международной политики, да и вообще в контексте политики как таковой, ввиду чего одним из эффективных инструментов «мягкой силы» можно считать и СМИ – самый популярный источник информации для большинства людей по всему миру. В. Д. Таказов и К. С. Загоскина раскрывают в своей работе значение СМИ в роли участника формирования имиджа страны: они поясняют, что масс-медиа сегодня представ-

ляют собой инструмент формирования общественного мнения путем обработки информационного ресурса государств и создания таким образом положительного имиджа собственного государства [5]. Очевидно, что на сегодняшний день главные позиции в списках международных медиа занимают в основном западные, то есть американские и европейские, издания. Ввиду данного факта многим государствам (например, России, Китаю, Индии и т. д.) приходится встраиваться в мировую систему с доминирующими западными СМИ, внедряя в международное вещание свои каналы информации.

Российское руководство сравнительно недавно пришло к пониманию того, что и нашему государству следует также четко обозначить свое присутствие в международной медиасреде, так как это в первую очередь открывает новые каналы артикуляции своего мнения в международных отношениях, а также способствует улучшению имиджа страны в мире. В связи с этим в 2000 году в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Владимир Путин обозначил следующее: «Важным направлением внешнеполитической деятельности должно стать содействие объективному восприятию России. Достоверная информация о событиях в нашей стране – это сегодня вопрос и ее репутации, и национальной безопасности» [6].

Таким образом, в рамках реализации заявленных приоритетных направлений в 2005 году появился канал Russia Today, задача которого состояла в трансляции мировой аудитории, преимущественно западной, позиций и мнений российской стороны по тем или иным событиям, происходящим в мире. Сегодня RT (сокращенно от Russia Today) имеет широкий охват вещания – свыше 100 стран, трансляции ведутся уже не только среди англоязычной аудитории, но и на нескольких других языках. Помимо этого, данный российский новостной канал регулярно участвует в различных международных премиях [7]. Однако, несмотря на положительные стороны, у канала имеются и негативные, главной из которых является то, что западные представители медиасферы активно критикуют данный информационный канал, комментируя это тезисами об отсутствии независимости и непредвзятости канала, а также о наличии в его повестке черт государственной пропаганды.

Следующий российский информационный ресурс, о котором следует упомянуть, – это Russia Beyond the Headlines. Данный проект был зарегистрирован в 2007 году с целью публикации материалов у себя на портале, а затем и в изданиях западных стран. Тематика публикаций самая разная, однако в основном это статьи о культуре, спорте и образовании, традициях России. Далее информационная составляющая «мягкой силы» России продолжила свое развитие: был создан такой проект, как «Россия сегодня», являющийся в нынешний момент крупным новостным холдингом страны.

В 2022 году нами было проведено исследование, цель которого состояла в анализе информационного сопровождения методики «мягкой силы» Российской Федерации. Применение ситуационного анализа, смысл которого заключается в подробном разборе ситуации, поэтапной характеристике, выявлении акторов, а также мотивации и методов их действий, помогло раскрыть характер исследуемой политической обстановки, выявить скрытые факторы и мотивацию акторов, которые при первичном анализе не так очевидны, в информационных публикациях российских СМИ (Russia Today), представленных и осуществляющих трансляцию за рубежом.

В конце 2017 года на фоне обвинений российских спортсменов в использовании допинга на олимпийских играх стало известно о решении Международного Олимпийского Комитета официально отстранить российскую сборную от участия в Олимпийских Играх в Южной Корее в 2018 году. Данное событие было воспринято российским обществом категорически отрицательно, это вызвало волну недовольства в среде профессиональных спортсменов, а к политической повестке добавилась еще одна тема к дебатам о русофобии и попытках изоляции России. Неудивительно, что решение МОК (Международного Олимпийского Комитета) вызвало такую реакцию с российской стороны, и, по сути, разговоры об изоляции России и использовании спорта в качестве инструмента политического давления на нее были не так уж беспочвенны, ведь с требованиями полностью отстранить российских спортсменов от участия в Играх в Корее выступили крупные антидопинговые организации 17 ведущих мировых держав, среди которых Франция, США, Великобритания и прочие.

МОК (Международный Олимпийский Комитет) поспешил выступить с объяснительными заявлениями на тему причин принятого решения, и главным аргументом являлся якобы подтвержденный факт наличия регулярных манипуляций с исчезновениями так называемых позитивных проб (Disappearing Positive Methodology) именно российских спортсменов, а также в целом пренебрежение антидопинговыми правилами и несовершенство антидопинговой системы в России в период Олимпийских игр в Сочи. Аргумент базировался на выводах специального отчёта, который подготовил Самуэль Шмид в соответствии с поручением о проверке доклада Ричарда Макларена на наличие подтвержденного государственного вмешательства в работу антидопинговой системы. Следует также отметить, что, в свою очередь, доклад Ричарда Макларена не базировался на каких-либо официальных документах и проверках.

Такой громкий скандал в одной из важных культурных сфер жизни человека – в спорте, – конечно же, не мог не освещаться в средствах массовой информации. Отечественные и зарубежные СМИ тщательно следили за повесткой по данному событию и подготавливали репортажи. Российский информационный канал Russia Today, целью которого является трансляция российской позиции в международное сообщество, в период проведения Олимпийских игр 2018 регулярно выпускал статьи с комментариями Президента России В. В. Путина по поводу обвинений российских спортсменов в использовании допинга [8], а также с комментариями от российских спортсменов [9; 10] и государственных служащих [11].

В защиту российской позиции выпускались также материалы с обсуждением немецкого документального фильма «Топ-секреты допинга: как Россия производит своих победителей». Российская сторона критически подошла к оценке аргументов, которые раскрывались немецкими тележурналистами: в частности, давались комментарии с мнением зарубежных спортсменов о сложившейся ситуации и с их поддержкой по отношению к российским спортсменам [12], мнением зарубежных СМИ о недопущении некоторых спортсменов России к участию в Олимпиаде 2018 года [13] и даже с обвинением в сторону Ричарда Макларена по созданию целой кампании отстранения России от участия в Играх в Корее в 2018 году [14]. Всего за исследуемый период на портале Russia Today было опубликовано более чем 1200 информационных сообщений на анализируемую тему в пользу российской стороны.

Анализ показал, что публичная дипломатия как один из ведущих инструментов «мягкой силы», которая была представлена в международном медийном поле российскими СМИ, различными общественными деятелями, чиновниками и юристами, а также самими спортсменами, не смогла умалить падения доверия международного сообщества к российскому спорту, а также к российской власти в целом, ввиду чего авторитет последней уменьшался, а имидж страны был подпорчен. Несмотря на усилия российской стороны, общественность западных стран поверила выводам Ричарда Макларена, при том что они были подкреплены только словами информаторов ВАДА (Всемирное антидопинговое агентство).

Это связано с тем, что, несмотря на активные попытки России донести свою позицию в данном вопросе, ее представительство в международных организациях невелико. Например, в Исполнительном комитете МОК (Международный Олимпийский Комитет) нет ни одного члена от России, а из 28 Комиссий только одну возглавляет российский гражданин – Александр Жуков. Всего в высших органах Международного олимпийского комитета насчитывается 4 российских представителя. Конечно, это мешает четкой артикуляции своего мнения в высшее руководство международных организаций, а также достижению того, чтобы международная организация позволяла давать комментарии западным СМИ российским представителям.

Еще один очевидный минус стратегии российской стороны использования СМИ в данной ситуации – это то, какой канал для трансляции был выбран. Russia Today является самым успешным и узнаваемым российским СМИ за рубежом, при этом это все же государственное СМИ, поэтому, как указывает В. А. Корнеев, для иностранных СМИ и граждан оно в любом случае несет в себе оттенок государственной пропаганды, следовательно, порождает скорее недоверие и предубеждение, чем отношение к информации как к достоверной [15].

Итак, ситуационный анализ развития конфликтной ситуации, связанной с решением официально отстранить российскую сборную от участия в Олимпийских Играх в Южной Корее в 2018 году, и демонстрацией российской позиции в информационных публикациях российских СМИ (Russia Today), представленных за рубежом, выявил основных акторов, их интересы и ресурсы через хронологию событий. В результате анализа стало ясно, что данная ситуация не является однозначной, можно увидеть как прямые интересы акторов событий, так и скрытые. Также мы убедились в том, что российская сторона активно использовала информационную составляющую тактики сохранения достойного имиджа страны и спортсменов: транслировала свою позицию в международное сообщество с помощью российских СМИ, например, с помощью Russia Today. При этом кампания по доказыванию невиновности с участием российских спортсменов, российских чиновников, представителей РУСАДА (Российская национальная антидопинговая организация) и представителей Олимпийского комитета России, а также с участием Министерства спорта России оказалась неудачной. В ходе анализа было выявлено несколько причин неудачи: отсутствие достаточного представительства российской стороны в МОК (Международный Олимпийский Комитет) и ВАДА (Всемирное антидопинговое агентство), что помешало донесению аргументов России и российских спортсменов внутри организаций, а также выбранный канал для трансляции своей точки зрения, так как канал представляется зарубежным СМИ как государственный, а не независимый.

Одной из задач нашего исследования являлась демонстрация с помощью контент-анализа особенностей информационного сопровождения методики «мягкой

силы» Российской Федерации с помощью характеристики риторики в информационных материалах, публикуемых российским зарубежным СМИ Russia Beyond The Headlines. И для наглядного сравнения мы взяли для исследования СМИ нескольких стран: России, Китая и США, с помощью контент-анализа выделили особенности «мягкой силы» у каждой страны и провели сравнение. Ресурсной базой для исследования являются информационные публикации на официальном сайте портала Russia Beyond The Headlines, информационные публикации на официальном сайте телеканала CGTN и информационные публикации на официальном сайте телеканала CNN International, а исследуемый период обозначается с 01.02.2019 года по 01.02.2022 года.

Для исследования необходимо выделить структурно-семиотические единицы, которые формируют следующие категории: культура, образование, спорт, медицина (таблица 1):

1. Культура – категория структурно-семиотических единиц, в которой отражаются публикации информационного портала страны о культуре: язык, традиции, национальные праздники, национальная кухня.

2. Образование – категория структурно-семиотических единиц, которая отражает публикации информационного портала страны об образовании в стране: начальное образование, высшие учебные заведения, сотрудничество в теме образования, участники международных образовательных программ и т. д.

3. Спорт – категория структурно-семиотических единиц, раскрывающая публикации информационного портала страны в теме спорта: достижения в спорте, спортсмены страны, участие в международных организациях по спорту и антидопингу, спорт и молодежь и т. д.

4. Медицина – категория структурно-семиотических единиц, раскрывающая публикации информационного портала страны в теме медицины: сотрудничество с другими государствами по разработкам лекарств, международные фармкомпании, разработка вакцин, борьба с Covid-19.

Мы можем видеть в указанных в таблице 1 данных, что в большей степени на примере тех СМИ, которые мы взяли для исследования, потенциал «мягкой силы» использует США, что подтверждает теоретическую часть исследования. По данным на 2020 г., в рейтинге по уровню «мягкой силы» Китай занимал 9 место, а Россия – 10, что также подтверждается практической частью исследования.

Russia Beyond The Headlines – российский информационный портал для зарубежной аудитории, является при этом независимым СМИ, в то время как, например, Russia Today зарубежные специалисты часто характеризуют как пропагандистский. Однако Russia Beyond The Headlines в сравнении со СМИ Китая и США несколько проигрывает по показателям информационных публикаций на темы, которые раскрывают методiku «мягкая сила». Самыми часто публикуемыми на изучаемом российском информационном портале являются категории Культура (544), Спорт (149), Медицина (107) и Международные отношения (82). В китайском СМИ эти категории, например, тоже являются доминирующими, однако раскрываются более глубоко в плане показателей. В СМИ США в большей степени раскрываются категории Культура (2615) и Международные отношения (3417), и эти цифры вполне легко подтверждаются не только путем исследования, но и просто наличием фактов: американская культура – одна из самых популярных культур в мире, новшества во многих сферах жизни к нам приходят именно из США; в глобальной политике США занима-

ют статус крупного игрока, старающегося влиять на серьезный процент политических решений в международных отношениях.

Таблица 1

Структурно-семиотические единицы контент-анализа¹

Категория	Государство		
	Россия	Китай	США
Культура:	Количество		
	544	2540	2615
Русский язык/Китайский язык/Английский язык	197	1777	2356
Традиции	171	69	137
Народные праздники	112	128	33
Национальная кухня	64	22	89
Спорт:	149	1946	1245
Достижения в спорте	11	375	317
Спортсмены	42	1321	287
Участие в международных организациях по спорту и антидопингу	84	78	352
Спорт и молодежь	12	172	289
Образование:	32	986	1070
Школьное образование	6	13	481
Высшие учебные заведения	12	674	235
Международные образовательные программы	5	183	143
Сотрудничество	9	116	211
Медицина:	107	776	1615
Разработка лекарств	12	48	504
Сотрудничество в разработке лекарств	2	21	87
Вакцина	22	140	292
Covid-19	71	567	732
Международные отношения:	82	1956	3471
Участие в международных организациях	55	1193	2066
Подписание международных договоров	27	763	1405
Бизнес:	46	155	547
Частное предпринимательство	34	89	427
Льготы для бизнеса	12	64	89
Сотрудничество в сфере бизнеса	0	2	31

¹ Источники: [16; 17; 18].

Получается, что недостатком «мягкой силы» России является то, что, с одной стороны, российское СМИ Russia Today, хорошо известное для зарубежных аудитории и СМИ, имеет негативный окрас и специфику восприятия в плане недоверия к публикуемой информации, а с другой – СМИ, которое не уличено в государственной пропаганде, такое как Russia Beyond The Headlines, например, не в полную силу используется в качестве инструмента «мягкой силы». России не хватает крупных независимых СМИ, которые бы имели выход на международное вещание. Следовательно, менее известные можно стимулировать до разрастания штата сотрудников и обзора и публикации большего материала, чем публикуется на данное время.

Итак, мы видим попытку России обозначить свою зону влияния в нише международной журналистики, так как это необходимо для трансляции позиции страны международному сообществу. Однако результаты ситуационного анализа кейса по обвинению российских спортсменов в допинге, а также результаты проведения контент-анализа российских зарубежных СМИ продемонстрировали нам то, что России не удастся достаточно эффективно информационно сопровождать свою «мягкую силу». Российское СМИ Russia Today, хорошо известное для зарубежных аудитории и СМИ, имеет негативный окрас и специфику восприятия в плане недоверия к публикуемой информации, также имеется СМИ, которое не уличено в государственной пропаганде, такое как Russia Beyond The Headlines, например, но при этом не в полную силу используется в качестве инструмента «мягкой силы». России не хватает крупных независимых, признанных в стране легальными, международных СМИ. Для решения проблемы можно предложить увеличивать количество независимых СМИ, которые бы выходили на международную трансляцию информации, путем стимулирования через гранты для НКО, связанных со СМИ, через бизнес-повестку, вести линию негласного поощрения свободы слова и свободной журналистики.

Ссылки

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным // МИД России. 12.02.2013. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 03.06.2022).
2. Громыко А. А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 3–19.
3. Давыдов Ю. П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1. С. 69–80.
4. Агеева А. В. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике России // Власть. 2018. № 4. С. 59–63.
5. Загоскина К. С., Такозов В. Д. СМИ как инструмент продвижения политики «мягкой силы» // Вестник ВГУ. Серия: филология. Журналистика. 2022. № 3. С. 148–151.
6. Путин В. В. Выступление на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации // Президент Российской Федерации. 09.07.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902> (дата обращения: 03.06. 2022).
7. Информация о канале Russia Today // Russia Today. URL: <https://ru.rt.com/fa73> (дата обращения: 01.06.2022)

8. Путин В. В. Комментарий Президента РФ в отношении информатора Всемирного антидопингового агентства (WADA) // Russia Today. 30.01.2018. URL: <https://ru.rt.com/a6vc> (дата обращения: 01.06.2022).
9. Журова С. С., Маринин М. В. Комментарий в интервью каналу Russia Today // Russia Today. 26.01. 2018. URL: <https://ru.rt.com/a5zc> (дата обращения: 01.06.2022).
10. Публикация открытого письма от 22 олимпийских чемпионов по фигурному катанию президенту Международного Олимпийского Комитета // Russia Today. 30.01.2018. URL: <https://ru.rt.com/абу8> (дата обращения: 01.06.2022).
11. Тягочев Л. В. Публикация комментария на пресс-конференции о недопуске спортсменов в Пхёнчхан // Russia Today. 29.01.2018. URL: <https://ru.rt.com/a6qq> (дата обращения: 01.06.2022).
12. О том, что думают иностранцы о последних решениях Международного Олимпийского Комитета // Russia Today. 01.2018. URL: <https://ru.rt.com/a5xl> (дата обращения: 03.06.2022).
13. Публикация обзора статьи французского издания Ski-Nordique // Russia Today. 24.01.2018. URL: <https://ru.rt.com/a5i0>(дата обращения: 03.06.2022).
14. Публикация пакета документов хакерами Fancy Bears в отношении Международного Олимпийского Комитете //Russia Today. 10.01.2018. URL: <https://ru.rt.com/a1t5> (дата обращения: 03.06.2022).
15. Корнеев А. К. Проблема восприятия телеканала Russia Today в ФРГ и его перспективы на немецком медиарынке // Век информации. 2019. № 2 (7). URL: [https://doi.org/10.33941/age-info.com32\(7\)0002](https://doi.org/10.33941/age-info.com32(7)0002) (дата обращения: 03.06.2022).
16. Russia Beyond // Russia Beyond The Headlines. URL: <https://www.rbth.com/> (дата обращения: 03.06.2022).
17. CGTN на русском – Официальный сайт Глобальной телевизионной сети Китая // CGTN. URL: <https://russian.cgtn.com> (дата обращения: 05.06.2022).
18. Breaking News, Latest News and Videos // CNN International. URL: <https://edition.cnn.com> (дата обращения: 07.06.2022).

Islamic Revival in Dagestan: Dynamics, Scopes, and Consequences

N. A. Sukhonina¹, Y. A. Golovin¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-280-289

Research article
Full text in Russian

This article examines the dynamics of Islamic revival in the Republic of Dagestan. The author considers various stages of this process, starting from the end of the Soviet period to the present, where various Islamic movements and organizations influence the political and social aspects of the region. The article analyzes the conflict between traditional and fundamentalist forms of Islamic revival, as well as the impact of this phenomenon on youth and society. Special attention is given to the influence of the Salafist faction, also known as «Wahhabism» and its struggle against traditional Sufism. The article also examines the efforts of Dagestan authorities and Islamic figures to promote inter-Islamic dialogue and cooperation in combating radicalism and extremism. Based on the analysis of the issue, the author concludes that Islamic revival in Dagestan has a complex nature and plays a significant role in shaping the cultural and religious diversity of the region. However, the necessity to counter radicalism and extremism requires efforts to coordinate and find consensus among different Islamic groups and organizations. The author emphasizes the importance of continuing dialogue and resolving internal disagreements to ensure peaceful coexistence and stability in the region.

Keywords: Dagestan; Islam; Islamic revival; Salafism; Sufism; Wahhabism; security

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sukhonina, Nina A. | E-mail: evametal@mail.ru
Postgraduate

Golovin, Yury A | E-mail: yagolovin@rambler.ru
Doc. Sc. (Politics), Professor

For citation: Sukhonina N. A., Golovin Y. A. Islamic Revival in Dagestan: Dynamics, Scopes, and Consequences // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 3. P. 280-289. (in Russ.)

Исламское возрождение в Дагестане: динамика, масштабы и последствия

Н. А. Сухонина¹, Ю. А. Головин¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-280-289
УДК 323

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье исследуется исламское возрождение в Республике Дагестан. Автор рассматривает различные этапы этого процесса, начиная с конца советского периода до современности, когда исламские течения и организации начали оказывать активное влияние на общественную и политическую региона.

Анализируется конфликт между традиционными и фундаменталистскими формами исламского возрождения, а также воздействие этого явления на молодежь и общество. Особое внимание уделяется влиянию салафитского направления в исламе, также известного как «ваххабизм», и его борьбе с традиционным суфизмом. Рассматриваются усилия властей Дагестана и исламских деятелей по развитию межисламского диалога и сотрудничества в борьбе против радикализма и экстремизма. Автор приходит к выводу, что исламское возрождение в Дагестане имеет сложный характер и играет важную роль в формировании культурного и религиозного разнообразия региона. Тем не менее необходимость противостоять радикализму и экстремизму требует согласования усилий и поиска консенсуса среди различных исламских групп и организаций. Подчеркивается важность продолжения диалога и урегулирования внутренних разногласий различных исламских течений для обеспечения их мирного сосуществования и стабильности в регионе Северного Кавказа.

Ключевые слова: Дагестан; ислам; исламское возрождение; салафизм; суфизм; ваххабизм; безопасность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухонина, Нина Анатольевна | E-mail: evametal@mail.ru
Ассистент кафедры социально-политических теорий,
аспирант

Головин, Юрий Алексеевич | E-mail: yagolovin@rambler.ru
Доктор политических наук, профессор

Для цитирования: Сухонина Н. А., Головин Ю. А. Исламское возрождение в Дагестане: динамика, масштабы и последствия // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 3. С. 280-289.

Конец 1980-х гг. – это время бурного возрождения ислама на Северном Кавказе. После долгого периода советской атеистической политики и подавления религиозной активности развитие гласности и демократических преобразований во второй половине 1980-х годов способствовало возрождению религиозной жизни. Ислам как основная религия в регионе был признан одним из символов дагестанской культуры и идентичности, что стало фактором его активного распространения.

Кроме того, возрождение ислама с самого начала оказалось политизировано. На территории одного только Дагестана возникло почти 200 политических партий, многие из которых заявляли о приверженности исламским ценностям. Появились, возродились или вышли из подполья различные направления и течения ислама. Для подавляющего большинства населения Дагестана ислам стал одной из основ новой формирующейся дагестанской идентичности.

В то же время исламский фактор сыграл важную роль в нестабильности и эскалации конфликтов в этом регионе наряду с этнической принадлежностью. Однако насилие сопровождало исламское возрождение в Дагестане с самого начала. После отделения от Духовного управления мусульман Северного Кавказа ДУМ Дагестана продолжил свою фрагментацию по национальному признаку: возникли отдельные Управления аварцев, кумыков, лезгинов, даргинцев. К 2016 г. под контролем дагестанского муфтията находилось не более 30-40 % общин [1]. Большинство дагестанских мусульман не признают духовную власть ДУМ Дагестана.

Религиозные деятели заменили лидеров этнических национальных движений постсоветского периода и стали играть все более заметную роль как в местных общинах – джамаатах, – так и на республиканском уровне. Это усилило противоречие между традиционными и фундаменталистскими вариантами «исламского возрождения», которые свелись к формуле «суфизм против салафизма» [2]. Этот антагонизм порождал конфликты между поколениями, внутри семей, в мечетях и на республиканском уровне.

Кроме того, исламское возрождение в Дагестане не было однородным. Оно затронуло северо-западную часть республики, населенную аварцами, даргинцами и кумыками, в гораздо большей степени, чем центральную и южную части, населенные лакцами, лезгинами и табасаранцами. Большинство вновь открытых мечетей и медресе находились в северной и западной частях страны. Изначально здесь находились самые сильные тарикаты, а местные жители были в большей степени религиозны, чем в других областях Дагестана.

Таким образом, возрождение ислама в Дагестане в 1990-е годы было сложным и многоаспектным процессом, влиявшим на общественную жизнь региона. Оно содействовало формированию новой идентичности и культурного самосознания, но также спровоцировало конфликты и вызовы, связанные с различными интерпретациями ислама.

Исламское возрождение стало предметом изучения современных российских ученых практически сразу после начала этого процесса. Проблемы российского ислама рассмотрены в работах известных арабистов – Р. Г. Ланды, А. В. Малашенко, А. А. Игнатенко, В. О. Бобровникова, А. А. Кудрявцева и др. Впрочем, с 1990-х гг. исламоведение начинает обособляться от арабистики и среди ученых происходит смещение фокуса с ислама глобального на ислам «внутренний», российский, особенного в регионах Северного Кавказа. Вышеназванные исследователи высказывают раз-

личные точки зрения на феномен исламского радикализма и на влияние внешних факторов на радикализацию ислама в России.

В работах А. В. Малашенко исламский радикализм рассматривается как практическое проявление фундаментализма, борющегося против как традиционалистов, так и модернистов. Малашенко подробно изучает причины возрождения ислама на Северном Кавказе, а также выступает против излишней политизации этого процесса [3]. Схожие тезисы прослеживаются в работах В. О. Бобровникова – ученого, обладающего огромным опытом архивной и полевой работы. Он также рассматривает исламское возрождение с точки зрения междисциплинарного подхода, уделяя большое внимание религиозному дискурсу и практикам мусульман в современной России [4]. В. О. Бобровников, А. А. Ярлыкапов, А. В. Кудрявцев заложили основы практики научного исследования современных политических форм ислама.

Вопрос политизации ислама обширно исследован в работах исламоведа Р. Г. Ланды. Он описывает историю, динамику и противоречия становления политического ислама не только на Северном Кавказе, но и в контексте всего мусульманского мира. По мнению ученого, это явление стало возможным вследствие традиций неотделимости религии от политики в исламе [5]. Но в то время как традиционный ислам – это главным образом теория, идеология, исламизм же (политический ислам) – это практика, связанная с желанием использовать религиозные идеи для достижения политических целей и обусловленная не только теологическими, но и историко-культурными факторами. Также Ланда отделяет умеренный политический ислам от исламского радикализма и экстремизма и призывает к диалогу с приверженцами первого направления.

Стоит отметить, что во многих отечественных исследованиях затрагивается в большей степени политическая, нежели теологическая сторона исламского возрождения на Северном Кавказе, в частности в Дагестане (исключение составляют, например, работы В. О. Бобровникова), вопросы распространения радикализма и экстремизма среди мусульман. Из-за этого «исламское пробуждение» чаще описывается в отрицательном контексте и рассматривается как гипотетическая угроза и оппозиция не только для светского режима, но и для традиционного ислама.

История ислама в Дагестане

Распространение ислама в Дагестане было неравномерным и продолжалось веками. Приобщение различных этнических групп к исламу, начавшееся в VII веке, по существу, завершилось к концу XVI века. В последующие XVII–XIX вв. религиозные, правовые и культурные идеи и традиции ислама окончательно укрепили свои позиции и влияние во всех сферах повседневной жизни дагестанского общества.

В XIX в. имамы Дагестана возглавили народное сопротивление Российской империи. Оно разворачивалось под исламскими лозунгами. Шамилю, третьему имаму Дагестана и Чечни, удалось создать теократическое государство – Имамат, – где он умело использовал особенности организации иерархического суфийского сообщества, которые основаны на безропотном подчинении учеников-мюридов учителям-муршидам. Ислам «служил маркером идентичности, который отличал мусульман Северного Кавказа от царского режима и связывал этнически разнородных и изолированных горцев вместе как единое сообщество с общей идентичностью, стоящее перед общей угрозой» [6].

Поражение и пленение Шамиля в 1859 году во многом решили исход кровопролитной Кавказской войны. Однако сама война и последовавшие за ней кровавые восстания (особенно восстание 1877 года в Дагестане) вынудили царские власти проводить весьма гибкую религиозную политику. В итоге суфийский орден Накшбандийа сохранил свое влияние, богослужение было разрешено, строились мечети, мектебы и медресе. В Дагестане развитая система исламского образования позволила обеспечить высокий уровень грамотности населения.

Таким образом, переход Дагестана под власть Российской империи не изменил статус ислама, в том числе и потому, что местная система исламского образования успешно конкурировала с российской системой. Даже серьезный модернизационный прорыв, осуществленный советской властью, не смог полностью устранить влияние религии – Дагестан сохранил свою исламскую систему образования и традиции, которые стали основой для последующего исламского возрождения после распада Советского Союза.

В раннюю советскую эпоху в Дагестане все еще насчитывалось около 2500 мечетей и сотни религиозных школ, что, вероятно, является самым высоким показателем плотности исламских учреждений во всем Советском Союзе. Тысячи мулл обеспечивали широкую богословскую базу. После того как советские власти начали наступление на религиозные, в том числе и исламские, институты с конца 1920-х годов, религия существовала в основном неофициально и параллельно. В 1944 году традиционные конфессии, в том числе и ислам, были частично легализованы. Государство «признало «мусульманское духовенство», включив его в систему региональных муфтиятов» [2].

К 1970-м гг. «официальный ислам» в Дагестане был ограничен двумя десятками мечетей и пятьюдесятью муллами, находящимися под надзором государства. Но религия и традиции все равно сохранялись в повседневных ритуалах и семейных обрядах, а также в существовании зийратов («святых мест»), включая гробницы выдающихся суфийских шейхов, которые стали местами паломничества. В то же время в поздний советский период появились течения, призывающие к строгому соблюдению шариата, отвергающие все, что явно не упоминается в Коране и Сунне, как незаконные нововведения. В этой среде традиционные практики, такие как паломничество к святым гробницам, считались языческими. Здесь мы видим признаки разрыва между традиционным и фундаменталистским исламом, что впоследствии переросло в открытый конфликт в современном Дагестане.

К концу 1990-х гг. в Республике Дагестан насчитывалось уже около двух тысяч мечетей и десять исламских колледжей. Надзор за ними стал осуществлять Муфтият Республики Дагестан (ДУМД), который возник в 1990 году наряду с другими этническими и республиканскими муфтиятами из Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК). ДУМД и официальное духовенство отвечали прежде всего за организацию паломничеств в Саудовскую Аравию, в которых приняли участие многочисленные мусульмане-дагестанцы. Из всех паломников в Мекку из России 65–70 % являются выходцами из Дагестана, хотя мусульмане-дагестанцы составляют лишь около 15 % от общего числа мусульман в России. В Дагестане действует от 1600 до 2300 мечетей, 600 мектебов и 25 медресе, 13 исламских университетов [4]. Около 95 % населения – мусульмане (большинство сунниты, до 4 % – шииты).

Возрождение ислама

Можно выделить несколько этапов реисламизации Северного Кавказа и Дагестана. Первым этапом был переход от советской эпохи к постсоветской (1989–1994) [2], который был связан, как указано выше, с напряженностью между традиционными и фундаменталистскими формами исламского возрождения. Активизируются этнические движения, образуется множество исламских организаций. В этот период религиозные лидеры из Дагестана сыграли заметную роль в создании исламских партий во все еще существующем Советском Союзе и в России. Общероссийская Исламская партия возрождения, возглавляемая врачом Ахмедом-Кадимом Ахтаевым, аварцем из родного региона имама Шамиля, представляла умеренное исламистское течение. Союз мусульман России возглавил дагестанец Надиршах Хачилаев. Параллельно начинается процесс «джихадизации» кавказского ислама, зародившийся в восточной части Северного Кавказа (прежде всего в Чечне). Джихад России был объявлен ваххабитами, суннитскими фундаменталистами, которых считают наиболее политизированной частью салафизма [7].

На втором этапе (1995–1999) противоречия между суфийским течением и ваххабитами нарастают и достигают апогея. Растет влияние последних. К концу 1990-х годов ваххабиты укрепили свои позиции в Дагестане, основав свои собственные общины (джамааты), захватив контроль над местными мечетями и нападая на «языческие» церемонии, суфийские гробницы и святые места. Политический ислам все больше попадал под влияние Чечни и иностранных организаций, поддерживающих там вооруженное восстание.

В 1998–1999 гг. видные чеченские и иностранные полевые командиры непризнанной Чеченской республики Ичкерия, такие как Шамиль Басаев и араб Ибн аль-Хаттаб, призвали к распространению джихада на Дагестан, стремясь к созданию исламского государства, выходящего за пределы не только Чечни, но и Северного Кавказа. Эскалация насилия стоила жизни председателю Духовного управления мусульман Дагестана Абубакарову Сайидмухаммаду Хасмухаммадовичу, убежденному приверженцу традиционного ислама и суфизма.

В августе 1998 года ряд населенных пунктов, преимущественно даргинские деревни в западном и центральном Дагестане (т. н. Кадарская зона), был объявлен отдельной «исламской территорией», управляемой шариатом. Ваххабизм стал распространяться здесь еще с 1994 г., когда в даргинском селе Кармахи начал проповедовать иорданский миссионер Мухаммад Али. Салафиты Кармахи участвовали в первой чеченской войне на стороне Ичкерии. В джамаат Кармахи в поисках «чистого ислама» стекалась дагестанская молодежь.

Военным лидером Кадарской зоны стал сподвижник чеченского полевого командира, террориста Хаттаба Джарулла Гаджибагомедов. В августе 1999 года джамаат, включавший Кадар, Кармахи и Чабанмахи, оказался опорной территорией во время вторжения боевиков под командованием Шамиля Басаева и Хаттаба в Дагестан.

Но большинство дагестанцев выступили против исламистов, сформировали ополчение для отражения агрессии со стороны соседней республики, и к 15 сентября федеральным войскам удалось очистить Дагестан от боевиков-ваххабитов. Цели Басаева и Хаттаба по распространению ваххабизма на территории Дагестана достигнуты не были.

События, произошедшие с 1999 года, когда начался третий период реисламизации (1999–2013), характеризовались эскалацией противостояния между государствен-

ными органами и исламистской оппозицией, а также между сторонниками традиционных и фундаменталистских течений в исламе. В этой ситуации государственные органы и официальное духовенство действовали сообща, чтобы противостоять исламистскому вызову. В сентябре 1999 года в Дагестане был принят закон против «ваххабизма», который наделил муфтият Республики Дагестан высшими надзорными полномочиями за религиозной деятельностью.

Таким образом, особенностью третьего периода можно назвать рост влияния ДУМД, которое было поддержано органами республиканской власти.

Однако официальное духовенство также оказалось радикализировано. Ссылаясь на суфизм и традиционализм, некоторые представители Муфтията относились к ваххабитам как к еретикам, с которыми нужно бороться. Еще в 1998 году муфтий Дагестана Сай-идмухаммад Абубакаров заявил: «Всякий мусульманин, убивший ваххабита, попадет в рай, как и мусульманин, погибший от рук ваххабитов» [7]. В России и мусульманских регионах постсоветского пространства «ваххабизм» стал синонимом воинствующего непримиримого отношения к инакомыслящим, уравнявшим мирных политических исламистов и террористов.

В Дагестане такое развитие событий все больше приводило в движение религиозно активные группы и часть молодежного подполья. И это, как правило, скорее расширяло, чем ограничивало возможности вербовки джихадистов. В молодежной среде росла неподконтрольная ДУМД исламская протестная субкультура [2].

В октябре 2007 года последний чеченский подпольный президент Доку Умаров провозгласил Кавказский Эмират. Теперь террористические атаки были направлены не только против представителей органов государственной безопасности и управления, но и против высокопоставленных представителей официального духовенства. Всего на Северном Кавказе в период с 2009 по август 2014 года было убито сорок высокопоставленных священнослужителей, последним из которых был заместитель муфтия Республики Северная Осетия Расул Гамзатов. В Дагестане от таких нападений пострадали видные суфийские шейхи, которые привлекли к себе внимание как идеологические противники ваххабитов или салафитов, например, Саид-афанди Чиркейский, Гаджи Алиев, Магомедкамил Гамзатов и другие. Сам Умаров был членом ордена Кунта Хаджи, прежде чем стать радикальным салафитом. Он считается одной из самых противоречивых фигур исламского сопротивления на Северном Кавказе.

Протестные мусульманские движения Дагестана

Ислам в Дагестане представлен большим количеством разных направлений, течений и группировок. Большая часть населения придерживается суннизма шафиитского и ханафитского мазхаба, шиизма и суфизма, который также представлен разными школами. Кроме того, в постсоветское время здесь все больше распространяются радикальные салафитские группировки, в том числе Ахлу-сунна, ваххабиты и пр. Таким образом, интегративная роль ислама значительно снижается за счет отсутствия единства в религиозном поле.

Вопрос о составе протестных мусульманских движений в Дагестане также неоднозначен. Оппозиция была представлена не только салафитами, ваххабитами и радикальными боевиками, но и достаточно лояльными суфиями, например некоторыми последователями суфийского шейха Саида-афанди Чиркейского, ограничившими контакты с нынешним правительством, последователи шейха Таджуддина Хасавюр-

товского, Али-Хаджи Акушинского и пр. Свои оппозиционные настроения они оправдывают нахождением власти в руках неверных. Стоит отметить, что, запретив своим последователям идти против правительства с оружием в руках, суфийские лидеры рекомендовали им свести к минимуму контакты с ним.

Что касается салафизма, то за последние 20 лет он также претерпел изменения. Многие салафитские лидеры либо были убиты, либо сбежали за пределы России и продолжили свою деятельность в составе радикальных группировок Сирии, Ирака или Саудовской Аравии. Однако салафитские общины есть на территории всего Дагестана. После широкой дискредитации в СМИ и гонений многие салафиты ушли в подполье.

Поиск консенсуса

Несмотря на применение силовых методов, оппозиционные светским и духовным властям республики мусульманские движения не были искоренены до конца. Зачастую сами репрессии против них способствовали политизации и радикализации даже самых умеренных направлений. Очевидно, что для стабилизации религиозно-политической обстановки необходимо пересмотреть меры, показавшие свою полную несостоятельность.

С 2010–2011 гг. со стороны властей Дагестана начинают предприниматься попытки развития межисламского диалога в республике. Президент Дагестана Магомедсалам Магомедов положил начало дискуссиям между различными исламскими группами.

Примером таких усилий стала встреча представителей Духовного управления мусульман Дагестана и Ассоциации ученых Ахлу-сунна, которая прошла 29 апреля 2012 года в Большой мечети Махачкалы. ДУМД представлял приверженцев суфизма, ученые Ахлу-сунны – салафитов. В мае была принята совместная резолюция, обращающаяся к верующим с призывом воздерживаться от насилия и не выдвигать необоснованных обвинений в вероотступничестве. Совместно с властями Дагестана Администрация Президента РФ организовала две международных богословские конференции в 2012 году, в которых приняли участие мусульманские ученые с Ближнего Востока. 26 мая 2012 года в Москве состоялась первая в истории России международная богословская конференция «Исламская доктрина против радикализма». Участники встречи – ведущие мусульманские ученые и духовные лидеры России – приняли «Московскую Богословскую Декларацию мусульманских ученых», которая объединила несколько фетв, осуждающих радикализм, экстремизм и насилие под религиозными лозунгами [8]. Резолюция второй конференции, состоявшейся в Махачкале в ноябре 2012 года под названием «Дагестан – территория мира», стала религиозной фетвой, осуждающей насилие [9].

Однако в августе 2012 года примирение и налаживание диалога было омрачено трагическим инцидентом: террористка-смертница убила выдающегося суфийского шейха Саида Афанди Чиркейского, считавшегося самым влиятельным деятелем на Северном Кавказе.

Конечно, не со всеми оппонентами «традиционного ислама» можно найти общие точки соприкосновения. Ваххабизм был объявлен «вне закона» из-за радикальных и экстремистских тенденций. Куфр, или неверие, по мнению ваххабитов, выводит человека из религии, а значит, все, кто не разделяет идеологию ваххабитов, являются вероотступниками. Это дает право ваххабитам лишать их жизни. Такой

«радикальный ислам» стал причиной большого количества террористических актов на территории Российской Федерации: захват школы в Беслане, теракт на Дубровке, взрыв на рок-фестивале «Крылья», взрыв в поезде Кисловодск – Минеральные Воды и многие другие.

Заключение

Ислам, будучи мировой религией, стремится к культурному объединению. На примере Северного Кавказа видно, что «традиционный ислам» успешно интегрируется в местную культуру и обычаи, развивая свои уникальные формы. Таким образом, это укрепляет этническое и религиозное разнообразие региона и способствует его гармоничному развитию.

Исламское возрождение представляет собой многоаспектный процесс. Возникло множество исламских организаций, партий и общественных движений, стремившихся практиковать и распространять свои вероучения. Однако рост исламской активности сопровождался возникновением различных направлений и течений ислама, что порождало внутренние противоречия и конфликты.

Новые тенденции, связанные с вытеснением традиционного ислама и распространением ислама политического среди молодежи, создают новые проблемы для культурно разнообразных обществ. Исламский фундаментализм во многом формируется под давлением глобализации и зачастую агрессивной экспансии западных ценностей, негативных проявлений информационной войны во многих западных странах, направленной на демонизацию всего мусульманского мира, и появления устойчивых стереотипов исламофобии. В результате радикальные исламские движения могут легко найти благодатную почву для дальнейшего распространения экстремистских идей, направленных как против неверных, так и против самой идеи «многообразия в единстве».

В сегодняшней России на примере Дагестана мы видим серьезную напряженность внутри самих мусульманских общин, которая в основном усугубляется поиском «истинного» ислама, а также нерешенными проблемами в распределении ресурсов, политической власти и религиозными конфликтами. Преодолеть угрозу распространения крайних проявлений исламизма возможно лишь при сотрудничестве светских властей с представителями умеренных направлений как политического, так и традиционного ислама, поскольку исламский экстремизм и терроризм представляют опасность для всего российского общества.

Ссылки

1. Ярлыкапов А. А. Религиозные верования // Народы Дагестана. М.: Наука, 2002. С. 66–76.
2. Шахбанова М. М. Межнациональные отношения в республике Дагестан: состояние и тенденции // История, археология и этнография Кавказа. 2017. № 3 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhnatsionalnye-otnosheniya-v-respublike-dagestan-sostoyanie-itendentsii> (дата обращения: 18.07.2023).
3. Малашенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М.: Московский Центр Карнеги, 1998. 222 с.
4. Бобровников В. О. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать пять лет спустя // Islamology. 2017. № 1. С. 106–121.

5. Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: ИБВ, 2005. 286 с.
6. Сухонина Н. А. Влияние исламской религиозно-политической доктрины на военные конфликты на Северном Кавказе в период VII – начала XX века // PolitBook. 2021. № 3. С. 69–84.
7. Яхьяев М. Я. Фанатизм в исламской религии // Исламоведение. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fanatizm-v-islamskoj-religii> (дата обращения: 18.07.2023).
8. Московская богословская декларация по вопросам джихада, применения норм шариата и халифата // Ислам Минбаре. 2012. № 6 (199). URL: <https://idmedina.ru/minbare/?4568> (дата обращения: 23.07.2023).
9. Фетва о применимости термина дар ас-ильмваль-ислам («территория мира и ислама») к Дагестану и подобным ему областям // Интернет-СМИ «Новости Ислама». URL: <https://e-islam.ru/mainnews/?ID=7896> (дата обращения: 23.07.2023).
10. Апажева С. С., Мамсиров А. Х., Цолоев Т. С. Северный Кавказ: современная этнополитическая ситуация и перспективы ее стабилизации // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severnyy-kavkaz-sovremennaya-etnopoliticheskaya-situatsiya-i-perspektivy-ee-stabilizatsii> (дата обращения: 18.07.2021).
11. Карамурзов Б. С., Боров А. Х. Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Кавказология. 2017. № 1. С. 12–40.
12. Кемпер М. Ислам как общенациональное культурное наследие в послесталинском Дагестане: из иджтихада в Просвещение // История, археология и этнография Кавказа. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islam-kak-obschenatsionalnoe-kulturnoe-nasledie-v-poslestalinskom-dagestane-iz-idzhtihada-v-prosveschenie> (дата обращения: 17.07.2023).
13. Кисриев Э. Феномен стремительной реисламизации Дагестана // Россия и мусульманский мир. 2009. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-stremitelnoy-reislamizatsii-dagestana> (дата обращения: 17.10.2022).
14. Рахматуллин Р. Ю. Основные противоречия между салафизмом и суфизмом // Молодой ученый. 2014. № 12 (71). С. 409–411. URL: <https://moluch.ru/archive/71/12214/> (дата обращения: 26.06.2023).
15. Российский Кавказ. Проблемы, поиски, решения: научное издание / З. М. Абдулагатов [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2015. 600 с.
16. Magomedova M. The ethnoculture of the North Caucasus as a factor of counteraction to extremism among youth // Научный альманах стран Причерноморья. 2019. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-ethnoculture-of-the-north-caucasus-as-a-factor-of-counteraction>

Methods of digital-sociology: valuation of young researchers

O. V. Eparkhina¹

¹ YPSU named after K. D. Ushinsky, 108 Republikanskaya str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-290-299

Research article
Full text in English

Some methods of social research and social analysis were modified last years. Digitalization of economy and of the social governance create some new conditions for sociological practices. There were modified a respondent, an other objects of social research because of online relocation. There were modified an object, methodology, methods and technics of social research. At the same time, education and trainings of social scientists take into account new reality very bad. Some opinions of young social scientists and social students about factual situation and wishing situation in sphere of digital-competentions presented in this research. There were marked some reasons of important these competentions because of changes in social governance, changes in communication capabilities of society, changes in demands from clients, pace of life increasing, and some new social phenomenon, which could be analyzed by digital methods only. There were marked the most high-demand in practice methods and technics of social research in digital context, needs and capabilities for students education, institutional capabilities and limits of its development in Russia. The results of the research may be used for educational program's correction as a reflect of new challenges of social governance in Russia.

Keywords: social governance; digitalization; digital-sociology; methods of social research; methods of digital research; methods of online research

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Eparkhina, Olga V. | E-mail: gelaq@mail.ru
Cand. Sc. (Politics)

For citation: Eparkhina O. V. Methods of digital-sociology: valuation of young researchers// Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 3. P. 290-299.

Цифровые методы прикладной социологии в оценках молодых исследователей

О. В. Епархина¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
ул. Республиканская, 108, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-290-299
УДК 316.2

Научная статья
Полный текст на английском языке

В последние годы существенно изменились некоторые методы сбора и анализа социологической информации. Цифровизация экономики и социального управления создала новые условия развития социологической практики. Респондент и иные объекты социологического исследования изменились в связи с перемещением их активности в онлайн-среду. Изменился и объект, и методология, и методы, и техники социологического исследования. В то же время обучение и подготовка социологов зачастую слабо учитывают новую реальность. В исследовании представлены оценки фактической и контуры желаемой ситуации в сфере освоения компетенций digital-социологии со стороны молодых выпускников и студентов-социологов. Выявлены причины востребованности таких компетенций, связанные с изменениями в сфере социального управления, изменениями в коммуникативных возможностях общества, изменениями требований со стороны заказчиков, ускорением темпа жизни, а также с появлением новых социальных феноменов, изучение которых возможно только цифровыми методами. Выделены наиболее востребованные на практике методы и техники социологического исследования в цифровой среде, показаны потребности и возможности их освоения при подготовке студентов, институциональные возможности и ограничения их развития в РФ. Результаты исследования позволят корректировать программы обучения в соответствии с новыми вызовами социального управления в РФ.

Ключевые слова: социальное управление; цифровизация; digital-социология; методы социологического исследования; цифровые методы исследования; методы онлайн-исследований

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Епархина, Ольга Валерьевна | E-mail: gelaq@mail.ru
Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
и социологии

Для цитирования: Епархина О. В. Цифровые методы прикладной социологии в оценках молодых исследователей // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 3. С. 290-299. (на англ. яз.)

Введение

Начиная с 2000-х гг. социологическое сообщество столкнулось с новой реальностью. Появились новые методы сбора социологической информации, связанные с возможностями удаленной работы, онлайн-опросами, а также алгоритмическими и программными способами работы с большими данными. Изменился как сам респондент, так и прочие объекты социологического изучения: перемещение большей части

© ЯРГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

активности человека, в том числе и групповой, в онлайн-среду, в сетевой формат существенно расширило возможности методов наблюдения, нетнографических методик как одной из версий организации наблюдения в интернет-среде [1], дало новые возможности для антропологического и культурологического анализа и его совмещения с анализом социологическим. Также изменение социологического объекта существенно изменило роль социолингвистических методов, иных методов работы с текстовыми материалами, возрос уровень доступности экспертного сообщества, равно как изменилось и содержание экспертности как таковой: социолог стал меньше сталкиваться с труднодоступностью экспертов для опроса, но возникла проблема верификации экспертного знания в связи с его избыточностью, кроме того, стала востребована экспертность мультидисциплинарного характера.

Новая реальность меняет не только эмпирические, но и теоретические и методологические основания проведения исследований, происходит непрерывный синтез теоретического знания [2; 3; 4; 5]. Мировая социология совершает новый методологический рывок. В связи с этим актуальной становится проблема институциональных и практических возможностей для использования новых методов онлайн-социологии (опросных и неопросных методов сбора информации с помощью онлайн-инструментов и программного обеспечения) [1], digital-социологии (социологической субдисциплины, специализирующейся на изучении цифровых средств коммуникации как части повседневности и механизма выстраивания поведенческих моделей и моделей социальных отношений в современном социуме) [6], новых методологических подходов в РФ.

С нашей точки зрения, на сегодняшний день уровень развития цифровизации экономики, социальной сферы и государственного и муниципального управления позволяет использовать эти возможности в полной мере [2; 4; 6; 7; 8]. Тема расширения возможностей цифровизации для нужд социального управления активно разрабатывалась в отечественной научной литературе с 2014 года, ей посвящены работы Л. Киселевой, А. Сморгунова и ряда других авторов, выполненные в основном в рамках институционального или системного подходов [1; 9; 10; 11]. Однако в научном поле пока почти полностью отсутствует литература, посвященная обновлению методов социологического исследования, представлены лишь отдельные работы, подготовленные, например, специалистами РЭУ им. Г. В. Плеханова, ВШЭ, ВЦИОМ [6; 12; 13].

В связи с этим представляется необходимым провести серию исследований, посвященных оценке различными представителями социологического сообщества, в частности молодыми социологами, максимально включенными в процессы цифровизации в рамках своей профессии, возможностей и необходимости развития цифровых компетенций для успешной исследовательской и управленческой деятельности.

В качестве методологического основания таких исследований представляется целесообразным использовать функциональный подход Р. Мертона, рассматривающего возможности развития социологической науки с точки зрения функциональных альтернатив. В данном случае использование такого подхода обусловлено предположением Р. Мертона о том, что практика замещения институтов, методов и средств в рамках динамического развития системы на альтернативные институты, методы и средства, выполняющие те же функции, является вполне нормативной и не является дисфункциональной для системы и результатов ее активности. Использование методов онлайн-социологии, digital-социологии с точки зрения такого подхода представляется естественным этапом развития социологического методического и методологического

го знания, в то время как отбор методов и средств производится социологами с опорой на критерии функциональной значимости и соответствия запросам исследователя.

Методы

Объектом исследования выступили молодые люди, получившие/получающие высшее образование по направлению «Социология», предметом – оценка ими востребованности компетенций в сфере онлайн-социологии, digital-социологии в рамках социального исследования и управления.

Целью исследования выступает анализ востребованности расширения digital-компетенций в сфере социологии. В качестве задач исследования можно указать следующие: изучение различных аспектов востребованности digital-компетенций молодыми социологами, изучение потенциала использования ими таких компетенций в социальном управлении, выявление наиболее и наименее востребованных знаний, умений и навыков в сфере цифровой социологии, выявление институциональных условий их использования в российской социологической практике.

Исследование предполагало раскрытие следующих поисковых вопросов: насколько востребованы цифровые методы сбора данных и digital-компетенции различными представителями исследовательского сообщества; какие аспекты востребованности цифровых методов сбора социологических данных разными представителями профессионального сообщества можно выделить; какого рода информация о цифровых методах сбора данных и digital-компетенциях востребована в большей и меньшей степени; какие знания, умения и навыки в большей степени актуальны применительно к управленческой функции социологии; насколько, по оценкам опрошенных, в современном российском обществе присутствуют развитые институциональные условия для развития цифровой социологии. Предполагается, что основными дискурсами обсуждения станут дискурс власти, неформального общения, медиа, профессиональной солидарности/разобщенности. Основными фреймами, определяющими структурирование опыта респондентов, выступили пол, возраст, опыт работы в поле практических исследований. В качестве измерения организации индивидуального опыта в ситуации оценки новых профессиональных практик предполагалось, что основой станет структурная составляющая: опыт информантов структурирован по степени ознакомления с методами и техниками, степени и частоте их использования, степени включенности в социальные практики цифровизации.

В качестве метода исследования использовался экспертный опрос, техника опроса – серия глубинных интервью, проведенных с опытными социологами-прикладниками (стаж от 10 лет в отрасли), выпускниками-социологами и студентами-социологами ЯГПУ и ЯрГУ. Выборка составила 50 респондентов в возрасте от 18 до 33 лет (подвыборка социологов, имеющих стаж работы, – 15 респондентов, из них все имеют опыт работы органах власти различного уровня не менее 3 лет; подвыборка выпускников – 15 респондентов, из них 11 респондентов имеют опыт работы в органах власти различного уровня от 1 года; подвыборка студентов, продолжающих обучение в настоящее время, – 20 респондентов); средняя длительность интервью составляла около 1,5 часов. Территориально в выборке представлены молодые социологи 7 регионов (Ярославской, Костромской, Архангельской, Вологодской и Воронежской областей, Москвы, Санкт-Петербурга). Респонденты отбирались таким образом, чтобы были представлены и специалисты, в обучении которых не использовались/были слабо представлены дисциплины, демонстрирующие цифровые методы сбора данных в социологии, и студенты и выпускники, которые изучали специализированные

дисциплины. Для отбора респондентов использовался скринер. Критериями отбора выступили возраст, образование, опыт работы по специальности в сфере прикладных исследований, а также опыт работы, связанный с технологиями социального управления. Интервью проводилось с ориентацией на структурированный гайд, но с возможностью развития и свободной интерпретации респондентом отдельных тем (метод Ронзенталь) [14].

Результаты

В результате исследования выявлено, что большинство экспертов воспринимает как синонимы понятия «digital-социология», «онлайн-методы социологического исследования», в то время как понятие цифровой социологии воспринимается как теоретизированный конструкт. Описание результатов исследования будем проводить, опираясь на подобную операционализацию понятий.

Подавляющее большинство опрошенных отметили, что современная социологическая практика предполагает фактическую интеграцию социологии и социальной информатики, что существенно меняет требования к изучению методологии, методик и процедур в социологическом исследовании нового типа. При сохранении и даже доминировании количественных подходов, традиционных для российской исследовательской практики, заметно расширяется спектр методик качественного типа. Существенно меняются функции прикладного и эмпирического исследования, которые все больше ориентированы на диагностические процедуры в сочетании с аналитическими. Это приводит к уменьшению роли собственно познавательных функций и усилению роли управленческой, информационной, диагностической и технологической функций исследования [15].

Большинство опрошенных всех подгрупп однозначно высказалось о необходимости развития компетенций в сфере цифровых методов социологии и их необходимости для осуществления управленческой деятельности. О нехватке различных компетенций в сфере цифровых технологий применительно к социологической сфере высказались абсолютно все опрошенные, лишь 1 выпускник отметил, что не имел сложностей с профессиональной самореализацией в цифровой среде.

Основными причинами востребованности таких компетенций были названы общее изменение вектора социального управления за последние несколько лет в сторону цифровизации, изменение коммуникативных возможностей общества, изменение требований к исследованиям со стороны заказчиков, ускорение темпа жизни в целом и, как следствие, сжатие сроков исследований в частности. Также в качестве причин были названы появление новых социальных феноменов, изучение которых возможно исключительно с использованием новых методов на цифровой основе, а именно: онлайн-социализация личности, феномен электронных кочевников и абригенов, цифровая безопасность и цифровой суверенитет, цифровое благополучие, умные города, виртуализация государства, государство-платформа, сетевая политика, цифровое гражданство, цифровые войны, цифровое голосование, цифровые диктатуры, киберправо, нетикет, цифровые следы и цифровые останки, цифровые индексы личности, цифровая экономика и ее составляющие, социальные рейтинги, цифровые механизмы формирования социального доверия и пр.

В качестве наиболее востребованных умений и навыков были названы овладение такими методами исследований и техниками, как расчет выборки с помощью электронных сервисов, процедуры построения маршрута и схем отбора с помощью отечественных интернет-платформ, электронные ресурсы оптимизации выборки, созда-

ние анкет, опросников и тестов, а также потребительских панелей с помощью интернет-ресурсов, тесты реакции аудитории в режиме реального исследования времени, тренинги с ротацией выборки, ГИС и OLAP-технологии, технологии работы с большими данными, работа с компьютерными системами анализа СМК, т. е. систем массовой коммуникации (типа Крибрум, IQbure, YouScan, Яндекс.Метрика, GoogleAnalytics), проведение онлайн-фокус-групп и онлайн-интервью, включая автоматизацию транскрибирования, методы нетнографии (методы, обеспечивающие процесс и результат изучения виртуальных культур и сообществ, основанных на интернет-коммуникациях, т. е. вариант этнографического исследования, где исследователь является участником интернет-сообщества и использует метод интернет-наблюдения за этим сообществом в целях получения необходимой информации) [16]. Также почти все опрошенные имеют представление и активно используют на практике процедуры CATI (система компьютеризированного телефонного интервью в социологических опросах), CAWI (система и метод интернет-опросов, при котором респондент реализует сценарий с сайта), CAPI (метод индивидуального личного интервью с помощью централизованной компьютерной системы при автоматизированном контроле за ходом интервью и фиксации в базе данных), PAPI (метод непосредственного опроса с помощью бумажного носителя информации – анкеты).

Из перечисленных выше, по оценкам опрошенных, достаточно комфортно осваиваются лишь технологии проведения онлайн-фокус-групп и их модификаций (фокус-чатов и пр.), глубинных интервью онлайн, ГИС-технологии применительно к социологическому картографированию. Также довольно активно используются методы формата big data («большие данные») как серия подходов, инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных сверхбольших объёмов и многообразия для получения воспринимаемых человеком результатов в условиях непрерывного прироста этих данных. При этом большинство опрошенных понимает big data именно как неструктурированные данные, т. е. информацию, не имеющую структуры или/и не организованную в определенном порядке. Однако, используя довольно упрощенное представление о big data, опрошенные социологи заявили о достаточно активном использовании в практических исследованиях различных техник и методов анализа, применимых к big data. Так, за основу списка техник, предъявляемого респондентам в виде карточки, были взяты техники так называемого списка McKinsey, из которых были названы более 10 в качестве часто используемых в анализе данных, а именно: Data Mining (добыча данных из больших неструктурированных массивов информации) [15]; краудсорсинг; смешение и интеграция данных; искусственные нейронные сети; распознавание образов; прогнозная аналитика; имитационное моделирование; пространственный анализ; статистический анализ больших массивов; анализ настроений; анализ сетей; деревья классификаций; регрессионные модели; техники визуализации. Это объясняется тем, что объёмы неоднородной и быстро поступающей цифровой информации обработать традиционными инструментами невозможно. Подобный анализ данных позволяет увидеть незаметные закономерности, которые не может увидеть аналитик, но которые позволяют оптимизировать все сферы нашей жизни: от государственного управления до производства и телекоммуникаций.

С остальными методами сбора и анализа в цифровом формате выпускники испытывают сложности и говорят о необходимости знакомства с такими методами и техниками в ходе обучения. Что касается практического использования, почти все эти методы они вынуждены в той или иной степени применять в социологической практике,

поскольку система социального и государственного управления предполагает владение указанными инструментами исследования. Кроме того, активно используется практика замены методов на более традиционные либо предполагающие более низкий уровень цифровых компетенций исследователя либо заказчика: работает алгоритм функциональных альтернатив, когда при минимальной потере качества данных социолог выбирает менее современные и цифровизированные методики, чем доступные ему с точки зрения освоения цифровых компетенций, поскольку вторые требуют больших временных и материальных затрат, например, онлайн-опрос заменяется простейшими целевыми рассылками через мессенджеры.

К необходимым институциональным условиям развития digital-социологии, по мнению опрошенных, можно отнести следующие: уровень развития цифровых услуг, наличие крупных социологических центров-агрегаторов данных, наличие потребительских панелей, возможности формирования баз данных и обеспечения их конфиденциальности, наличие нормативной базы, регулирующей сбор и возможности использования персональных данных, а также информации, выложенной пользователем в свободный доступ, наличие этических правил и кодексов для проведения опросов и исследований в цифровой среде, наличие экспертных социологических сообществ для оперативного решения проблем, вызванных развитием технологий сбора и обработки данных.

Обсуждение

Таким образом, в результате исследования можно прийти к выводам о крайне высокой востребованности digital-компетенций молодыми социологами и большом потенциале использования таких компетенций для профессиональных нужд сообщества.

– мы сейчас видим, что социология стала настолько динамичной, что социологом может считаться кто угодно, кто не имеет профильного образования, но освоил технологии «добычи данных». IT-специалисты нас вытесняют, мы теряем экспертность, потому что мы изучали общество, а не цифровизацию этого общества. (женщина, 32 года, аналитик в сфере образования)

Молодые социологи говорят о необходимости изучения ими и внедрения в системы социального управления исследовательских техник, включающих электронные алгоритмы формирования выборок, их оптимизации, создания анкет, опросников и тестов, а также потребительских панелей с помощью интернет-ресурсов, тестов реакции аудитории в режиме реального времени, тренинги с ротацией выборки, ГИС и OLAP-технологии, технологии работы с большими данными, компьютерные системы анализа средств массовой коммуникации, онлайн-фокус-групп и онлайн-интервью, включая автоматизацию транскрибирования, нетнографии:

– ... заинтересованность органов власти в новых технологиях получения исследовательской информации оценю как низкую пока ... единственное, о чем знает заказчик, – это о возможности сделать онлайн-анкету в гугл-формах, и то технология его интересует только с точки зрения ускорения сбора информации. Я, по сути, тот, кто может проинформировать того же чиновника о более интересных инструментах. Но я должен его убедить, показать их на примерах, это важно. (женщина, 28 лет, специалист исследовательского агентства)

– когда я начала использовать алгоритм электронной выборки, ко мне стали направлять людей из других подразделений перенять опыт. Пришлось срочно погружаться в вопрос. Это можно сделать только через профсообщество. (женщина, 22 года, ведущий специалист центра маркетинговых и социологических исследований)

– ... моя работа презентуется только через ГИС-технологии, а меня им не учили, осваивала сама. (женщина, 25 лет, правоохранительные органы)

– ... онлайн-чаты провожу постоянно, но столкнулась с дефицитом информации – нет же учебников по таким методам. Поэтому важно общаться с коллегами, только так набираешь опыт. (женщина, 21 год, специалист маркетингового агентства)

Более опытные социологи делают несколько больший акцент на ГИС- и OLAP-технологии, технологии работы с большими данными, компьютерные системы анализа средств массовой коммуникации.

– Анализ больших данных для моего начальства – неизведанная территория. И здесь важно, чтобы это использовали ведущие центры, чтобы можно было показать кейс и просить переобучение или закупку ПО... (мужчина, 29 лет, госслужащий)

– Для консультации по анализу СМИ обращалась к IT-специалистам за свой счет. Хотя есть техническая возможность делать это самим в нашем центре, да и запрос есть. (женщина, 34 года, сотрудник НКО)

Значительная часть опрошенных всех подвыборок испытывает сложности с операционализацией понятий, используемых для анализа сетевой активности социальных объектов:

– ... понятия «цифровой суверенитет, цифровое гражданство, цифровое голо-сование, киберправо» не только не изучаются в курсах социологии, но и имеют крайне размытые трактовки. У нас даже словарей для таких социальных феноменов нет, это такие конвенциональные понятия, о которых исследовательское сообщество договаривается, что именно понимать под ними. Но научных однозначных определений нет. Это снижает исследовательские возможности. (мужчина, 30 лет, госслужащий)

К необходимым институциональным условиям развития digital-социологии, по мнению опрошенных, можно отнести определенный уровень развития цифровых услуг, наличие крупных социологических центров-агрегаторов данных, панелей, возможности формирования баз данных и обеспечения их конфиденциальности, наличие нормативной базы и этических норм, регулирующих сбор и использование персональных данных, наличие экспертных социологических сообществ для оперативного решения проблем, вызванных развитием технологий сбора и обработки данных.

– ... у нас есть ВЦИОМ, РОМИР, которые выступают популяризаторами таких методов. Но этого мало. Даже если я владею инструментами – на практике у нас это мало востребовано. Хотя они – такие мощные центры. (мужчина, 30 лет, госслужащий)

– ... взяли в штат специалиста по обеспечению конфиденциальности данных, а он нормативную базу вообще не знает! Она же есть. И ко мне, к социологу, обращаются с этими вопросами. Приходится решать, консультироваться с коллегами. (мужчина, 31 год, аналитик центра социологических исследований)

– ... у нас была ситуация, когда срочно потребовалось сделать исследование MAXQDA. Это значит, что наше руководство знает программу, а мы – нет. Но от нас требуют... (женщина, 22 года, сотрудник НКО)

Таким образом, наличие взаимодействия между государством, экспертным сообществом и data-компаниями позволит создать эффективную институциональную систему для развития digital-социологии в РФ в ближайшие несколько лет.

– ... мне кажется, в РФ сейчас вообще спад интереса к социологии на управленческом уровне, но это временное явление, и интерес будет расти, т. к. data-компании будут подсказывать чиновникам вектор роста. (мужчина, 30 лет, госслужащий)

– Россия так устроена: тренд должен идти «сверху». Перспективы уже намечаются... (женщина, 22 года, научный сотрудник)

Кроме того, проведенное исследование показало необходимость продолжения серии опросов на иных экспертных выборках, что позволит расширить диапазон рекомендаций по использованию методов digital-социологии в технологических комплексах социального управления.

Проведенное исследование подтвердило предположения о том, что цифровые методы сбора данных являются весьма востребованными среди различных представителей профессионального сообщества; при этом существуют некоторые различия в оценке необходимости освоения определенных умений и навыков между возрастными группами и группами более и менее опытных респондентов; выявлена востребованность знаний об онлайн-конструкторах опросного инструментария, низкий уровень востребованности знаний о качественных методах в цифровой среде и нетнологических/нетнографических методах. Полностью подтвердилось предположение о наличии в современном российском обществе институциональных условий для развития цифровой социологии.

Профессиональное восприятие меняющейся ситуации методологического и методического определения деятельности выстраивается респондентами вне зависимости от их статуса как коммуникативное событие, определяемое множеством скрытых дискурсов. В частности, в исследовании выявлены дискурс власти (... *начальство требует; ... заказчик считает, что я должна заменить собой парочку айтишников, я обязана говорить с ними на одном языке (женщина, 22 года, научный сотрудник)*), неформального общения (... *70 % новой информации по этим методам я получаю в кулуарных беседах с коллегами или заказчиками (мужчина, 30 лет, госслужащий)*), солидарности/разобщенности (... *только социолог поймет, какая методическая мясорубка происходит сейчас в наших головах, то это освоить, то там дополнить кейс, и общество, и заказчик видит верхушку айсберга, а методы – всегда под водой, а ведь они меняются со скоростью света (мужчина, 30 лет, исследователь-маркетолог)*), практически отсутствует дискурс медийности.

Основными фреймами, определяющими структурирование опыта респондентов, использующих новые методы, выступили пол, возраст: так, среди женщин-социологов мы можем видеть более четкий запрос на освоение конкретных компетенций, нежели у мужчин, более выраженную профессиональную рефлексию и готовность осваивать более широкий спектр методик, часто это связано с более острой конкуренцией в профессии для женщин; также чем старше информант, тем более обширен его опыт ознакомления с методами и техниками, но тем менее он используем на практике: используется достаточно узкий сегмент методов и техник, как правило, не более 2–3.

В качестве измерений организации индивидуального опыта наиболее актуальными оказались личностное, выражаемое в осознании собственных ценностей, и структурное, чаще всего проявлявшееся как результат включенности/исключенности из структур потребления информации или управления (... *чтобы адекватно использовать digital-инструменты, я должен не менее половины времени просто вариться в этой информации – конференции, коворкинги, иначе мне эту информацию в голове не уложить, не говоря уж об адекватном применении (мужчина, 30 лет, исследователь-маркетолог)*). В меньшей степени оказались задействованы межличностное и культурное измерения, в силу того, что культурные нормы почти всегда связаны с прошлым опытом социума и в абсолютно новых вызовах воспринимаются как уста-

решие, хотя для многих людей они продолжали являться стержнем, организующим личный опыт. Так, один из выпускников поясняет это на примере:

– ... мои преподаватели из университета, сами практикующие исследователи, ни в чем не могут мне помочь, они до сих пор пользуются «Рабочей книгой социолога» 60-х годов. Я сам ей пользуюсь, до сих пор там материал актуален, но объект изучения поменялся, это люди иной социологической культуры. Не знаю, хорошо это или плохо... (мужчина, 29 лет, госслужащий)

Полученные результаты имеют важное значение для исследования тенденций развития профессионального сообщества и его самоорганизации, а также для выявления тех управленческих структур и механизмов, которые могут быть востребованы, и максимально полной реализации их потенциала. Подобная информация может быть полезна для понимания возможностей развития цифровых компетенций для успешной управленческой деятельности, включения их в образовательный процесс при подготовке выпускников.

Ссылки

1. Киселева Л. С. Цифровое общество. Словарь-справочник. М.: Проспект, 2021. 152 с.
2. Нечаев В. Д., Дурнева Е. Е. Цифровое поколение: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2016. № 1. С. 36–45.
3. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость. М.: Аспект-Пресс, 2022. 351 с.
4. Плешаков В. В. Киберсоциализация человека: монография. М.: МПГУ «Прометей», 2012. 212 с.
5. Публичная политика. Институты. Цифровизация, Развитие / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект-Пресс, 2018. 319 с.
6. Маркетинговые исследования и ситуационный анализ / под ред. И. Скоробогатых, Д. Ефимовой. М.: КНОРУС. 2019. 570 с.
7. Платонова А. П. Социология онлайн и офлайн-коммуникаций: по материалам дискуссий на Грушинской конференции 2021 // Коммуникология: электронный научный журнал. 2020. Т. 6. № 1. С. 83–92.
8. Епархина О. В. Перспективы формирования стандартов качества политических опросов в условиях цифровизации // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы: Материалы IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16–18 декабря 2021 г. М.: Аспект-Пресс, 2021. С. 73–75.
9. Сморгунов Л. В. Политические сети. Теория и методы анализа. М.: Аспект-Пресс, 2018. 348 с.
10. Сотрудничество в публичной политике и управлении / Под ред. Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 274 с.
11. Управление публичной политикой. М.: Аспект-Пресс, 2015. 319 с.
12. Епархина О.В. Стандарты качества социологического исследования в условиях цифровизации: анализ международного и отечественного опыта // Управление в современных системах. 2022. № 2 (34). С. 55–60.
13. Оценка качества опроса в сложных реалиях сегодняшнего дня. Социальные медиа в исследованиях общественного мнения: отчет рабочей группы ААРОР о новых технологиях в исследовании общественного мнения / Пер. с англ. В. А. Силаевой, О. А. Оберемко. М.: АО «ВЦИОМ», 2017. 78 с.
14. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 530 с.
15. Цифровой мир: терминологический словарь-справочник в определениях официальных документов. М.: Проспект, 2022. 672 с.
16. Kozinets R. V. Netnography: Doing Ethnographic Research Online. London: Sage, 2010. 221 p.

The Ukrainian migration crisis of 2022–2023: dynamics, scale and consequences

A. V. Shustov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-300-313

Research article
Full text in Russian

The article examines the migration crisis of 2022–2023 caused by the sharp escalation of the military conflict in Ukraine at the end of February 2022. There are two stages in the development of the Ukrainian migration crisis. At the first of them, which included the end of February – beginning of April 2022, fighting was conducted both on the territory of eastern and southern, as well as northern and northeastern Ukraine, which posed a threat to the security of the population of a number of large cities and urban agglomerations, including Kiev. Therefore, the emigration of the population outside Ukraine, as well as its movement within the country at the first stage of the migration crisis reached its peak. The main recipient of Ukrainian refugees at this stage were the EU countries, which was due to the geography of hostilities and difficulties with leaving for Russian territory. At the second stage, which began in April 2022, the fighting moved to the territory of the southeastern regions of Ukraine, which led to a partial return of the population to their former places of residence in the north of the country, including Kiev, and a shift in the main direction of emigration towards Russia. The materials of the periodical press, migration and demographic statistics, as well as documents of the UNHCR for Refugees were used as sources.

Keywords: Ukraine; Russia; the European Union; military conflict; migration crisis; emigration; migrants; refugees

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shustov, Alexander V. | E-mail: a.v.shustov@yandex.ru
Cand. Sc. (History)

For citation: Shustov A. V. The Ukrainian migration crisis of 2022–2023: dynamics, scale and consequences // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 3. P. 300-313. (in Russ.)

Украинский миграционный кризис 2022–2023 гг.: динамика, масштабы и последствия

А. В. Шустов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-300-313
УДК 325

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается миграционный кризис 2022–2023 гг., вызванный резким обострением в конце февраля 2022 г. военного конфликта на территории Украины. В ходе развития украинского миграционного кризиса выделяются два этапа. На первом из них, включавшем конец февраля – начало апреля 2022 г., боевые действия велись на территории как северной, так и юго-восточной Украины, что создавало угрозу безопасности населения ряда крупных городов и городских агломераций, включая киевскую. Как следствие, эмиграция населения за пределы Украины, а также его перемещение внутри страны на первом этапе миграционного кризиса достигли своего пика. Главным реципиентом украинских беженцев на этом этапе стали страны ЕС, что было связано с географией боевых действий и сложностями с выездом на российскую территорию. На втором этапе, начавшемся в апреле 2022 г., боевые действия переместились на территорию юго-восточных регионов Украины, что привело к частичному возвращению населения в места прежнего проживания на севере страны, включая Киев, и смещению основного направления эмиграции в сторону России. В качестве источников использованы материалы периодической печати, миграционной и демографической статистики, а также документы УВКБ ООН по делам беженцев.

Ключевые слова: Украина; Россия; Европейский союз; военный конфликт; миграционный кризис; эмиграция; мигранты; беженцы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шустов, Александр Владимирович | E-mail: a.v.shustov@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии

Для цитирования: Шустов А. В. Украинский миграционный кризис 2022–2023 гг.: динамика, масштабы и последствия // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 3. С. 300–313.

Введение

Миграционный кризис, вызванный резким обострением 24 февраля 2022 г. военного конфликта на Украине, стал крупнейшим в Европе после Второй мировой войны. До него самой массовой миграцией считалось перемещение населения из-за изменения восточных границ Германии после 1945 г., охватившее около 17 млн чел. [1, с. 114]. В ходе украинского миграционного кризиса, по данным УВКБ ООН по делам беженцев, на середину июля 2023 г. было зафиксировано более 8 млн. беженцев [2]. Их количество оказалось в несколько раз больше, чем в период европейско-

© ЯРГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

го миграционного кризиса 2015 г., когда в страны ЕС за сравнительно небольшой промежуток времени нелегально прибыли 1,2 млн мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки [3, с. 4.]. Тем самым украинский кризис стал крупнейшим перемещением населения за последние 75 лет.

Миграционные потоки с территории Украины оказали сильное воздействие на все расположенные в непосредственной близости от нее страны. Во многих из них, особенно там, где и до войны украинская диаспора была одной из самых больших – Польше, Чехии, Словакии, государствах Прибалтики, – выходцы с Украины стали самым многочисленным национальным меньшинством, оказывая существенное влияние на демографическую и этническую ситуацию. На демографию самой Украины массовая эмиграция оказала катастрофическое воздействие, вызвав резкое сокращение численности населения, особенно детей, молодежи и возрастных групп, которые находятся в трудоспособном возрасте. Сокращение населения Украины вследствие массовой эмиграции и присоединения четырех юго-восточных регионов к России и оказалось, по-видимому, одним из самых масштабных в европейской истории новейшего времени.

Научная литература, посвященная украинскому миграционному кризису 2022–2023 гг., пока немногочисленна. О. Ю. Потемкина, анализирующая начальный этап украинского кризиса в течение конца февраля – марта 2022 г., вообще сомневается том, что это миграционный кризис, так как страны ЕС с притоком беженцев справлялись. Хотя подробно описанное ею введение ЕС «Директивы о временной защите» 2001 г. сомневаться в кризисном характере притока мигрантов на территорию Евросоюза не позволяет [4]. М. В. Ведерников, напротив, однозначно идентифицирует массовый приток украинских беженцев в Чехию в 2022 г. как миграционный кризис, который, в отличие от событий 2015–2017 гг., не вызвал у местного населения отрицательной реакции, не получив, впрочем, и одобрения [5]. Ван Цзяньган рассматривает украинский миграционный кризис 2022 г. в контексте других подобных кризисов – мексиканского (американского), европейского (2015), а также среднеазиатской иммиграции в Россию, отмечая схожесть их причин и проявлений в различных регионах современного мира [6].

Целью настоящего исследования является анализ масштабов, динамики развития украинского миграционного кризиса, а также его последствий как для самой Украины, так и для принимавших мигрантов стран. Источником данных послужили миграционная и демографическая статистика, документы УВКБ ООН, материалы периодической печати и результаты опросов украинских беженцев. В качестве методов исследования использованы анализ статистики, материалов прессы и вторичный анализ опросов.

Первый этап кризиса: конец февраля – начало апреля 2022 г.

Ввод российских войск на территорию Украины осуществлялся сразу по нескольким направлениям, охватив большую часть регионов левобережной и отдельные области правобережной части страны. Такая стратегия привела к охвату военными действиями обширной и густонаселенной территории, вызвав резкий рост эмиграции в соседние государства и внутри страны. На 1 апреля 2022 г., по данным ООН, в границах с Украиной страны прибыло 4 млн 465 тыс. беженцев. Чис-

ленность населения Украины на 1 января 2022 г. оценивалась украинским статистическим ведомством в 34,5 млн человек. Следовательно, в течение первых пяти недель развития миграционного кризиса эмигрировало около 13 % населения, или каждый восьмой житель Украины [7].

Еще более масштабным оказался внутренний миграционный кризис. По данным УВКБ ООН по делам беженцев, 6,5 млн. жителей Украины бежали от военных действий, не пересекая при этом границы с иностранными государствами, и стали внутренне перемещенными лицами. Эмиграции военнообязанного населения – мужчин в возрасте от 18 до 60 лет – препятствовал запрет на их выезд за рубеж, введенный украинскими властями 24 февраля 2022 г. В регионах Западной и правобережной части Центральной Украины, где оказалось большинство внутренне перемещенных лиц, весной 2022 г. возник еще один кризис беженцев. Около 13 млн чел., по оценкам ООН, находились в пострадавших от боевых действий районах, которые они не могли покинуть из-за угроз безопасности или разрушенной в ходе ведения боев транспортной инфраструктуры.

Направления миграции во многом определялись географией боевых действий и политикой украинских властей. Против оттока в Европу невоеннообязанных официальный Киев не возражал. Однако картина массового исхода населения в Россию с политической точки зрения была для него крайне невыгодна, поскольку разрушала активно создаваемый украинской пропагандой миф о государстве-агрессоре, якобы намеренно убивающем мирных граждан и разрушающем гражданскую инфраструктуру. В этом случае никаких миграционных потоков в направлении России быть не должно. В начале августа американский телеканал CNN показал сюжет о колонне беженцев, которая двигалась с контролируемых Украиной территорий в южную, российскую часть Запорожской области, тогда как в обратном направлении никто не ехал [8]. Вскоре после этого, в сентябре 2022 г., в Запорожской области был зафиксирован намеренный обстрел ВСУ колонны с беженцами, которая пыталась выехать на российскую территорию [9].

Большинство украинских беженцев на первом этапе миграционного кризиса пересекли западную границу Украины и оказались в приграничных странах Восточной Европы, откуда часть из них транзитом направилась далее. Из 4,5 млн беженцев в течение конца-февраля – марта 2022 г. 2 млн 405,7 тыс. (53,4 %) пересекли границу с Польшей. Второе место по количеству прибывших беженцев заняла Румыния, на территории которой оказалось 626,9 тыс. человек (14,1 %). В четырех остальных граничащих с Украиной странах число беженцев колебалось в пределах 350–400 тыс. В Молдавию прибыли 391,6 тыс. (8,8 %), Венгрию – 380 тыс. (8,5 %), Россию – 350,6 тыс. (7,9 %), в Словакию – 350 тыс. (6,6 %) [10]. При этом, по российским данным, границу с Украиной к 1 апреля 2022 г. пересекли 548,11 тыс. чел. (включая 110,29 тыс. детей) [11], что в полтора раза превышало оценки УВКБ ООН на 29 марта 2022 г. Всего 12,7 тыс. беженцев оказались в Белоруссии (0,5 %), что, по-видимому, было связано с боевыми действиями на севере Украины [10].

Одной из крупнейших стран-реципиентов на первом этапе украинского миграционного кризиса оказалась Германия, где на конец марта 2022 г. насчитывалось около 295 тыс. беженцев [12]. Значительные миграционные потоки направлялись в сторону Прибалтики, общей границы с Украиной не имевшей. По словам пре-

мьер-министра Литвы Ингриды Шимоните, на 31 марта 2022 г. в стране находилось около 40 тыс. беженцев с Украины. Поскольку далеко не все из них регистрировались в качестве беженцев, реальное количество иммигрантов могло быть выше [13]. В Турцию, как сообщил 21 марта 2022 г. глава МВД Сулейман Сойлу, с 24 февраля прибыли 58 тыс. украинских беженцев. Помимо них, Анкара эвакуировала с Украины 15 тыс. своих граждан. Впрочем, на фоне контингента сирийских беженцев, численность которого на 2022 г. составляла 3,75 млн чел., такое число мигрантов для Турции было не особенно заметным [14].

К концу марта число украинских беженцев, пересекающих границу со странами ЕС, заметно снизилось. Пик миграционного кризиса пришелся на первую половину марта, когда, по данным еврокомиссара по внутренним делам Йлвы Йоханссона, с Украины в Европу прибывало по 200 тыс. чел в день. К концу месяца их число снизилось до 40 тыс. [15]. По-видимому, это было связано с исчерпанием миграционного потенциала Украины в результате эмиграции большинства наиболее состоятельного населения, а также привыканием к ситуации тех, кто остался в стране. Тем не менее в ЕС усиливались опасения по поводу повторения миграционного кризиса 2015 г. Премьер-министр Швеции М. Андерссон в конце марта заявила о необходимости избежать повторения событий 2015 г., когда ее страна приняла 12 % всех прибывших в Европу беженцев [16].

Второй этап кризиса: апрель 2022 – ...¹

После вывода в начале апреля 2022 г. российских войск из северной и северо-восточной части Украины, снявшего угрозу военных действий для Киева и ряда других городов, началось частичное возвращение беженцев в столицу. По данным мэра Киева Виталия Кличко, до начала СВО в Киеве находилось 3,8 млн чел., тогда как в марте осталось менее 1 млн. После отвода российских войск численность жителей города стала быстро расти и спустя полгода практически восстановилась. Так, в июле население Киева составляло уже 2–2,5 млн чел., а в декабре 2022 г. – 3,6 млн включая 300 тыс. беженцев [17].

За рубежом тем не менее число украинских беженцев продолжало увеличиваться, хотя и более медленными темпами. Большую часть эмигрантов, в соответствии с первым законом миграции Э. Равенштейна («больше всего миграций осуществляется на короткие расстояния» [18, с. 11], по-прежнему принимали приграничные страны. По сравнению с ситуацией февраля–марта 2022 г. в приеме беженцев резко возросла роль России, что было связано с эвакуацией на ее территорию населения пострадавших от военных действий городов и населенных пунктов, а также оставленных российскими войсками осенью 2022 г. восточных районов Харьковской и западных – Херсонской областей².

К середине июля 2023 г. западную границу Украины, по данным УВКБ ООН, пересекли 21,7 млн., а обратно в страну въехали 15,3 млн чел. Тем самым отрица-

¹ В связи с незавершенностью украинского миграционного кризиса сроки окончания его второго этапа пока выглядят до конца не определенными.

² 5 октября 2022 г. Донецкая и Луганская народные республики, а также Запорожская и Херсонская области по итогам референдумов, состоявшихся в конце сентября, вошли в состав России.

тельное сальдо миграционного обмена со странами Европы для Украины без учета России и Белоруссии составило 6,4 млн. В качестве беженцев, пользующихся различными схемами защиты, в странах Восточной Европы на середину июля было зарегистрировано 2 млн 822,5 тыс. чел., а в остальных странах Европы – еще 2 млн 227,9 тыс. чел. В совокупности эта группа мигрантов насчитывала чуть более 5 млн. Самое большое число беженцев данной категории было зарегистрировано в Польше (1,6 млн), за которой шли Германия (961,7 млн), Чехия (539,1 тыс.), Испания (185,5 тыс.), Италия (183,7 тыс.), Болгария (164,5 тыс.), Румыния (138,3 тыс.), Словакия (121,3 тыс.) и Австрия (100,6 тыс.). Кроме того, 208,5 тыс. выходцев с Украины были зарегистрированы в качестве беженцев в Британии. На каждую из всех остальных европейских странах приходилось менее 100 тыс. беженцев [19].

В России, по данным ООН, на 31 декабря 2022 г. были зарегистрированы 1 млн 275,3 тыс. беженцев с Украины, а границу с ней на ту же дату пересекли 2 млн 852,4 тыс. чел. По Белоруссии аналогичные показатели составили 27,7 и 16,7 тыс. В совокупности же в обеих странах были зарегистрированы 1,3 млн, а границу с ними пересекли почти 2,9 млн. чел. [Там же]. Российские источники оценивают число украинских беженцев в РФ гораздо выше. По информации ТАСС, ссылающегося на силовые структуры, к 20 февраля 2023 г. в Россию прибыли 5,3 млн выходцев с Украины, включая 738 тыс. детей [20]. Но, поскольку сообщается лишь о числе прибывших, вычислить чистую миграцию невозможно. В качестве «компромиссной» оценки числа беженцев в России можно принять цифру по количеству тех, кто на конец 2022 г. пересек границу с РФ (2,9 млн).

Второе место по численности беженцев занимала Польша, где формирование украинской диаспоры началось задолго до начала кризиса. Ее росту способствовало не только приграничное положение, но и льготный миграционный режим, позволявший гражданам Украины легально находиться в Польше на протяжении 18 месяцев. При этом многие из них находились в стране без регистрации. В середине июня 2023 г. президент А. Дуда сообщил, что на территории Польши находится около 1,5 млн зарегистрированных, а фактически – около 2 млн выходцев с Украины. Причем интенсификация военных действий вела к тому, что поток украинских мигрантов в Польшу быстро нарастал. Так, начало контрнаступления ВСУ в июне 2023 г. и подрыв плотины Каховской ГЭС привели к тому, что въезжающих в Польшу с Украины стало в полтора раза больше ехавших в обратном направлении (32 тыс. против 23), хотя недавно эти потоки были равными [21].

Похожая ситуация складывалась и в других принимающих странах, где значительная часть украинских беженцев проживала без регистрации. Особенно характерным ее отсутствие было для мужчин призывного возраста, опасавшихся попасть под мобилизацию в ряды ВСУ даже за границей. Как следствие, в Латвии и Литве, которые вели учет прибывших с Украины мужчин призывного возраста, последние предпочитали не регистрироваться. В Эстонии же, которая такой учет не вела, беженцы призывного возраста на конец марта 2023 г. составляли 21,2 % их общего числа [22]. Поскольку с учетом России и Белоруссии за рубежом, по данным ООН, находились около 8–9 млн. беженцев, а от 1/5 до 1/4 из них могли проживать в странах иммиграции без регистрации, реальная численность украинских мигрантов вполне могла превышать 10 млн чел.

Социально-демографический портрет беженцев и планы по возвращению

Запрет на выезд с Украины мужчин призывного возраста, введенный 24 февраля 2022 г., привел к тому, что половозрастная структура мигрантов оказалась сильно искажена в пользу женщин и детей. Третий раунд опросов украинских беженцев в странах ЕС, проведенный УВКБ ООН совместно с исследовательской компанией Ipsos в декабре 2022 – январе 2023 г., показал, что 89 % из 3900 респондентов являются женщинами, а средний возраст опрошенных составляет 42,9 года [23]. Впрочем, низкая доля молодых мужчин среди респондентов могла объясняться их нежеланием обозначать свое присутствие в принимающих странах из-за опасений подвергнуться насильственной мобилизации.

Еще более любопытными являются данные об этнической принадлежности участников опроса. В качестве национальности все они без исключения указали «украинцы». При этом среди регионов их происхождения лидируют Киев (16 %), Харьковская (14 %), Днепропетровская (9 %), Донецкая (7 %) и Одесская (6 %) области [23], которые оказались в зоне военных действий либо в непосредственной близости от нее. Четыре из пяти этих регионов (за исключением Киева) относятся к юго-восточной Украине, где проживает достаточно многочисленное русское население. И полное отсутствие русских среди опрошенных объясняется, видимо, стремлением избежать возможных проблем.

При этом в Польше большинство украинских беженцев говорит именно по-русски. Вследствие их наплыва Варшава, по замечанию британской «The Guardian», превратилась, видимо, в самый русскоязычный город за пределами бывшего СССР. По оценкам издания, в Польше проживает свыше 3 млн. выходцев с Украины, составляющих около 8 % ее населения [24]. Традиционно на заработки в Польшу ехали выходцы с Западной Украины, многие из которых осели на ее территории еще до начала конфликта. Большинство же тех, кто прибыл в Польшу после 24 февраля 2022 г., являлись выходцами из русскоговорящих юго-восточных регионов Украины, что и привело к русификации украинской диаспоры.

В основной массе беженцы планировали возвратиться на Украину: 12 % опрошенных заявили, что рассчитывают вернуться в течение трех ближайших месяцев, причем абсолютное большинство из них – в то же место, где они жили до войны, 65 % намерены были в будущем вернуться, хотя конкретных временных рамок не имели, 18 % с перспективами возвращения не определились, и только 5 % не планировали и не надеялись вернуться. Планы по возвращению были более характерны для пожилых людей, а также имеющих на Украине неразрушенное жилье, родственников и сталкивающихся с проблемами интеграции на новом месте. Нерешительность в отношении возвращения проявляли одинокие люди, не имеющие на родине родственников, а также те, кто проживал в более отдаленных странах, не имеющих общей границы с Украиной.

В целом отсутствие планов по репатриации демонстрировали те группы населения, которые имели более высокие шансы адаптироваться в странах иммиграции: небольшие домохозяйства, молодежь, мужчины, имеющие техническое образование, а также те, кто уехал в первые месяцы войны и уже успел обжиться на новом месте [23].

Демографические последствия

По темпам сокращения населения Украина задолго до 24 февраля 2022 г. занимала первое место среди республик бывшего СССР. Главной причиной ее депопуляции стал кризис прежней индустриальной модели экономики, оказавшейся не способной прокормить столь значительное число жителей. К моменту распада СССР в конце 1991 г. население Украины составляло 51 млн 708 тыс. человек (на начало 1992 г.). По демографическому, как, впрочем, и экономическому потенциалу она являлась второй союзной республикой после РСФСР. Причем в 1992–1993 гг. население Украины под влиянием возвратной иммиграции из других стран СНГ продолжало увеличиваться, достигнув своего максимума к началу 1993 г. (51 млн 870 тыс. чел.). Однако с 1994 г. начался неуклонный процесс его сокращения, который продолжается вплоть до настоящего времени [25].

Показатели воспроизводства населения трех славянских стран СНГ – России, Украины и Белоруссии – были сопоставимыми, поэтому главным фактором ускоренной депопуляции стала эмиграция, которая в разные периоды постсоветской истории Украины протекала неодинаково. В 1990-е и 2000-е гг., когда она, в отличие от России, не переживала военных конфликтов, процесс депопуляции был достаточно плавным. Экономических возможностей для того, чтобы компенсировать падение численности населения за счет иммиграции, Украина, в отличие от России, не имела. Да и целесообразности в этом из-за дефицита рабочих мест и более высокой плотности населения украинские власти не видели, поэтому программы по стимулированию репатриации соотечественников, аналогичные тем, что действовали в Казахстане или России, на Украине отсутствовали.

Единственная всеобщая перепись, проведенная в 2001 г., зафиксировала на Украине 48 млн 457 тыс. наличного населения [26], что было на 6,3 % меньше числа жителей республики по данным последней всесоюзной переписи 1989 г. (51 млн 707 тыс. чел.) [27, с. 9]. В отличие от Украины России, также переживавшей в этот период глубокий демографический кризис, удалось компенсировать большую часть естественной убыли за счет иммиграции русского и русскоязычного населения из стран СНГ. Как следствие, население РФ между переписями 1989 и 2002 гг. сократилось всего на 1,2 % (со 147 до 145,2 млн чел.) [28]. Таким образом, снижение численности населения Украины в этот период происходило в пять с лишним раз быстрее, чем в России.

По темпам депопуляции лидировали наиболее индустриально развитые юго-восточные области Украины. В преимущественно аграрных западных регионах, где наблюдалась более высокая рождаемость, демографическая ситуация складывалась гораздо более благополучно. Самым густонаселенным регионом страны, как и в советский период, оставалась Донецкая область, где на 2001 г. проживало более 4,8 млн человек. Еще 2,5 млн проживало во втором регионе Донбасса – Луганской области, сопоставимой по численности жителей с Киевом, Львовской и Одесской областями. Более многочисленным было лишь население Днепропетровской (3,6 млн) и Харьковской (2,9 млн) областей, заметно уступавших тем не менее Донецкой. В Крыму, по данным переписи 2001 г., насчитывалось 2 млн 33,7 тыс., в Севастополе – 379,5 тыс. жителей [29].

В ходе политического кризиса 2013–2014 гг. (Евромайдана) Украина потеряла Крым и Севастополь, вошедшие в состав России по итогам референдума, а также часть территорий Донецкой и Луганской областей, оказавшихся под контролем народных республик Донбасса. По данным переписи 2014 г., в Крымском федеральном округе постоянное население Крыма и Севастополя составляло 2 млн 284,8 тыс. чел. На территории Донецкой народной республики на 1 марта 2022 г. начитывалось 2 млн 198 тыс. чел., Луганской – 1 млн 397 тыс. чел, а в совокупности – 3,6 млн чел. [30]. Таким образом, по итогам Евромайдана Украина потеряла около 5,9 млн чел., что сопоставимо с численностью жителей таких европейских стран, как Дания, Финляндия, Норвегии или Словакия, а также трех прибалтийских государств, вместе взятых³.

Тем не менее Украина продолжала указывать численность своего населения с учетом народных республик, которые до 22 февраля 2022 г. юридически считались ее территорией. На 1 января 2022 г. Госкомстат Украины оценивал ее население в 41 млн 130,4 тыс. чел. В 2019 г. украинские власти провели альтернативную перепись, результаты которой были опубликованы в январе 2020 г. Численность населения, подсчитанная по данным сим-карт мобильных операторов, государственного реестра физических лиц по налогоплательщикам и получателям социальных пособий, а также половозрастной структуре и миграции, оценивалась в 37 млн 289 тыс. человек. [31], что в целом укладывалось в предыдущие оценки без учета населения ЛНР и ДНР. В сентябре 2022 г. украинские СМИ сообщили о том, что Государственная служба статистики в рамках подготовки госбюджета оценила население страны на 1 января этого года в 34,5 млн чел. [7].

После 24 февраля 2022 г. началось резкое сокращение населения Украины, главной причиной которого стал лавинообразный рост эмиграции, а второй по значимости – «административная убыль» в результате присоединения четырех юго-восточных регионов в октябре 2022 г. по итогам референдумов к России. Третьей причиной депопуляции являлись военные потери и естественная убыль населения вследствие превышения смертности над рождаемостью, которая и в предыдущие годы была высокой. Но оценить размер этой убыли в связи с отсутствием достоверных данных по военным потерям и демографической ситуации за 2022–2023 гг. достаточно проблематично.

Число украинских беженцев за рубежом составляет около 8–9 млн, а с учетом тех из них, которые проживают без регистрации, – до 10 млн человек. Население новых регионов России подсчитать сложнее как из-за большого числа беженцев, так и неподконтрольности части их территорий. По данным украинской статистики, на 1 января 2022 г. население Луганской области составляло 2,1 млн чел., Донецкой – 4 млн, Запорожской – 1,6 млн, а Херсонской – 1 млн. Всего же в них проживало более 8 млн. человек. Однако Луганская область контролировалась РФ почти

³ По данным Федеральной миграционной службы, с апреля 2014 г. российско-украинскую границу пересекли и не вернулись обратно 1,1 млн чел. Однако часть из них, по всей видимости, впоследствии вернулась обратно, в том числе – на территорию ДНР и ЛНР. Об этом свидетельствует тот факт, что гражданство России в 2014–2019 гг. приобрели более 300 тыс. граждан Украины, что почти в четыре раза меньше положительного сальдо миграции. См.: Как Россия принимала украинских беженцев в 2014 году // РБК. 18.02.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/02/2022/620fade89a7947983ccf1b18> (дата обращения: 15.07.2023).

полностью, а Донецкая – примерно на 2/3. По данным республиканского ЦИК, число избирателей в ДНР составляет 1,704 млн чел. [32]. С учетом детей в ДНР, по-видимому, проживает около 2 млн чел. Учитывая, что на подконтрольной России части Запорожской области, по оценкам, проживает около 0,8 млн чел. [33], а в Херсонской области после оставления областного центра и частичной эвакуации его населения, видимо, около 0,5 млн⁴, население всех новых регионов России можно оценить приблизительно в 5 млн. человек.

На этом фоне оценки Украинского института будущего, согласно которым население страны к маю 2023 г. опустилось ниже отметки в 30 млн. человек [34], выглядят слишком оптимистичными. Если число жителей Украины на начало 2022 г. составляло 34,5 млн, то с учетом эмиграции (10 млн) и вышедших из ее состава регионов (5 млн) население, без учета военных потерь и естественной убыли, составляет менее 20 млн человек. Аналогичную оценку 18 мая 2023 г. в эфире YouTube-канала «Judging Freedom» озвучил полковник Дуглас Макгрегор, по словам которого численность населения Украины уже опустилась ниже 20 млн человек [35]. Если это действительно так, то количество жителей Украины с 2014 г. упало более чем в два, а с 1991 г. – в два с половиной раза, что свидетельствует о рекордных темпах сокращения ее населения⁵.

Заключение

В полной мере последствия украинского миграционного кризиса будут ясны лишь после его окончания. Во многом они будут зависеть от продолжительности военного конфликта, географии и ожесточенности боевых действий, вызывающих отток населения из охваченных ими районов, разрушение экономики, социальной и инженерной инфраструктуры. Чем больший масштаб и продолжительность будут иметь военные действия, тем более значительным окажется число беженцев и доля тех из них, кто адаптировался в принимающих странах и не планирует возвращаться. Существенное влияние на последствия кризиса окажут условия, на которых завершится военный конфликт. Сохранение новых регионов в составе России, а тем более – увеличение их числа крайне затруднит возвращение в места прежнего проживания проукраински ориентированного населения, к числу которого относится значительная часть городской интеллигенции, государственных служащих, а также сотрудники силовых структур.

С высокой долей вероятности можно прогнозировать сокращение в охваченных военными действиями районах доли детей и молодежи, значительная часть которых уже оказалась в эмиграции, а также мужского населения – как в резуль-

⁴ В январе 2023 г. врио губернатора Херсонской области Владимир Сальдо заявил, что под контролем России находится 75 % территории и значительно более половины населения региона. См.: Россия контролирует 75 процентов Херсонской области, заявил Сальдо // РИА «Новости». 19.01.2023. URL: <https://ria.ru/20230119/territoriya-1845878076.html> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵ По оценке председателя Госдумы В. Володина, Украина с 2014 г. потеряла более половины населения, в том числе 10,5 млн – вследствие эмиграции и 11,2 млн – в результате присоединения к России пяти новых регионов. См.: Володин заявил о потере Украиной больше половины населения за восемь лет // РБК. 3.11.2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/03/11/2022/636359939a79470dc9b09a12?from=article_body (дата обращения: 15.07.2023).

тате военных потерь, так и в результате «бегства от мобилизации». Как следствие, половозрастная структура населения этих территорий изменится в пользу женского населения и более старших возрастных когорт. Свой вклад в старение населения внесет и значительное падение рождаемости, которое было заметным еще до 24 февраля 2022 г. По данным директора Института демографии и социальных исследований имени М. В. Птухи Э. Либановой, суммарный коэффициент рождаемости на Украине за 2021 г. составлял 1,1 ребенка на женщину фертильного возраста, что два раза с лишним ниже уровня простого воспроизводства населения (2,15) [36], а в 2022–2023 гг. вследствие оттока женщин и молодежи рождаемость сократится еще сильнее.

В принимающих странах следствием кризиса является резкий рост украинских диаспор. Самой крупной в Европе после России является украинская диаспора в Польше, которая на 2023 г. насчитывает 2–3 млн чел. Второй по численности является диаспора в Германии, население которой за 2022 г. вследствие притока украинских беженцев выросло сразу на 1,3 %, или на 1,12 млн чел. Причем чистая иммиграция составила 1,46 млн чел., с избытком компенсировав естественную убыль населения в размере 327 тыс. чел. [37]. В Чехии миграционный кризис привел к удвоению численности украинской диаспоры, которая была самой крупной в стране еще до начала СВО. К декабрю 2022 г. на территории Чехии насчитывалось 355–390 тыс. беженцев с Украины, составлявших 3,4–3,7 % ее населения [5, с. 38]. Резкий рост численности украинских общин наблюдается и в Прибалтике. Так, в Эстонии на начало июня 2023 г. о намерении остаться в стране заявили 72,5 тыс. украинских беженцев, что составляет 5,4 % ее населения. Только за 2022 г. в Эстонию прибыли почти 50 тыс. иммигрантов, в связи с чем в местной прессе высказывались опасения по поводу распространения инфекционных болезней, ухудшения криминогенной ситуации и неспособности интегрировать их в эстонское общество [22].

Со временем выходцы с Украины и их потомки будут все более тесно интегрироваться в местные общества. По мере овладения языками, получения образования и продвижения по социальной и политической лестнице влияние украинских диаспор неизбежно усилится, что, ввиду распространения в их среде антироссийских настроений, будет оказывать соответствующее влияние на внешнюю политику принимающих стран.

Несмотря на то, что самый значительный контингент украинских иммигрантов приняла Россия, прогнозировать динамику численности ее украинской диаспоры сложнее. Большинство прибывших в Россию беженцев являлись выходцами из юго-восточных регионов Украины, большую часть жителей которых до начала военных действий составляло население с биэтнической русско-украинской идентичностью и этнические русские⁶. Выбор ими этнической идентичности на территории России не очевиден, а потому пропорционального увеличения численности

⁶ По данным опросов Киевского международного института социологии, проведенных в 2005–2007 гг., моноэтническую русскую и биэтническую русско-украинскую идентичность имело 55 % населения юго-восточных регионов Украины, в том числе 38 % – русско-украинскую. См. Хмелько В. Е., Оксамитная С. Н. Русско-украинская биэтническая идентичность и лингво-этническая гетерогенность в Украине // Electronic Kyiv-Mohyla Academy Institutional Repository. URL: <https://ekmair.ukma.edu.ua/server/api/core/bitstreams/0c5c56dd-66d6-4b1d-b10e-451ba8c6f195/content> (дата обращения: 21.07.2023).

украинской диаспоры в результате масштабного притока беженцев на протяжении 2022–2023 гг. может и не произойти.

В целом же по аналогии с сирийским миграционным кризисом, в ходе которого из 22,5 млн населения (на 2011 г.) [38] беженцами стали 5,5 млн [39], можно предположить потерю Украиной в ее довоенных границах от четверти до трети всего населения, а также изменение его возрастной структуры в пользу старших когорт. Вместе с тем возможность окончательной оценки итогов кризиса появится лишь после его завершения, а сами итоги во многом будут определяться условиями, на которых завершится военный конфликт.

Ссылки

1. Марианский А. Современные миграции населения / Пер. с польского В. Л. Кона. М.: Статистика, 1969. 224 с.
2. Ukraine Refugee Situation // Operational Data Portal. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 24.06.2023).
3. Любарт М. К. Миграционный кризис в Евросоюзе 2015-2016 гг.: Этнокультурный аспект. I – Франция // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., ИЭА РАН, 2017. Вып. 256. 47 с.
4. Потемкина О.Ю. Украинские беженцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2. С. 7–15. DOI: 10.15211/vestnikieran22022715
5. Ведерников М. В. Опыт Чехии по преодолению миграционного кризиса 2022 г. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 6. С. 32–41. DOI: 10.15211/vestnikieran620223241
6. Ван Цзяньган. Последствия современных миграционных кризисов для социально-экономической ситуации // Социология. 2023. № 1. С. 128–136.
7. Білоус О. В правительстве назвали численность населения Украины на начало 2022 года // РБК-Украина. 16.09.2022. URL: <https://www.rbc.ua/rus/news/pravitelstve-nazvali-chislennost-naseleniya-1663327492.html> (дата обращения: 23.07.2023).
8. Ukrainian families navigate green corridor to Russian-occupied territories // YouTube. 06.08.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zCijVcFdO5M> (дата обращения: 22.07.2023).
9. На Запорожье заявили, что удар ВСУ по автоколонне с беженцами был нанесен прицельно // ТАСС. 30.09.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15916963> (дата обращения: 11.07.2023).
10. Ukraine Refugee Situation // Operational Data Portal. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 04.04.2022)
11. Почти 550 тысяч беженцев из ДНР, ЛНР и с Украины пересекли границу России // РИА «Новости». 01.04.2022. URL: https://ria.ru/20220401/bezhentsy-1781216684.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 11.07.2023).
12. Число украинских беженцев в Германии почти достигло 300 тысяч // Европейская Правда. 01.04.2022. URL: <https://www.euointegration.com.ua/rus/news/2022/04/1/7137034/> (дата обращения: 12.07.2023)

13. Премьер Литвы оценила реальное количество украинцев в республике // Sputnik Литва. 31.03.2022. URL: <https://lt.sputniknews.ru/20220331/premer-litvy-otsenila-realnoe-kolichestvo-ukraintsev-v-respublike-22433316.html> (дата обращения: 12.07.2023).

14. 58,000 Ukrainians arrived in Turkey since start of war: Minister // Daily Sabah. 22.03.2022. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/58000-ukrainians-arrived-in-turkey-since-start-of-war-minister/news> (дата обращения: 11.07.2023).

15. У ЕС погодили план із 10 пунктів щодо українських біженців // Європейська Правда. 29.03.2022. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/news/2022/03/29/7136817/> (дата обращения: 11.07.2023).

16. Швеция опасается повторения миграционного кризиса из-за войны в Украине // Европейская Правда. 28.03.2022. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2022/03/28/7136806/> (дата обращения: 11.07.2023).

17. Демидов А. Кличко раскрыл текущие данные о численности населения Киева // Газета.Ru. 30.12.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/12/30/19397743.shtml?ysclid=liui77kgt0242697246&updated> (дата обращения: 21.07.2023).

18. Блинова М. С. Современные социологические теории миграции населения. М.: КДУ, 2009. 160 с.

19. Ukraine Refugee Situation // Operational Data Portal. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 24.07.2023).

20. За год с Украины и из Донбасса на территорию РФ прибыло 5,3 млн. беженцев // ТАСС. 20.02.2023. URL: https://tass.ru/obschestvo/17091725?ysclid=liuxw0jvo8929067183&utm_source=ritmeurasia.org&utm_medium=referral&utm_campaign=ritmeurasia.org&utm_referrer=ritmeurasia.org (дата обращения: 13.07.2023)

21. Президент Польши заявил об увеличении потока украинских беженцев // РИА «Новости». 12.06.2023. URL: <https://ria.ru/20230612/bezhentsy-1877695433.html> (дата обращения: 13.07.2023).

22. Яак Валге. Эстония уже переполнена, а украинцы продолжают прибывать // Rus.Postimees.ee. 07.06.2023. URL: <https://rus.postimees.ee/7790451/yaak-valge-estoniya-uzhe-perepolnena-a-ukraincy-prodolzhayut-pribyvat> (дата обращения: 13.07.2023).

23. Regional Intentions Survey Results (3rd round). Intentions and Perspectives Refugees from Ukraine // UN Refugee Agency. URL: <https://app.powerbi.com/view?r=eyJrJjoiNDNmNTYxMzQtZjlyOS00MmJkLWlxOGUtMjU4YjkkNWNhOGM0IiwidCI6ImU1YzZM30TgxLTY2NjQtNDEzNC04YTJjLTU1NDNkMmFmODBiZSIsImMiOjIj> (дата обращения: 13.07.2023)

24. Shaun Walker. EDTWarsaw feels like a mini Soviet Union': how Russian is gaining ground in Poland's capital // The Guardian. 11.06.2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jun/10/warsaw-mini-soviet-union-russian-poland-capital-exiles> (дата обращения: 13.07.2023)

25. 15 новых независимых государств. Численность населения на начало года, 1950–2019, тысяч человек [таблица] // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_ror.php (дата обращения: 13.07.2023).

26. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года // Всеукраинская перепись населения 2001. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/estimated/> (дата обращения: 13.07.2023).

27. Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.

28. Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 года // Всероссийская перепись населения 2002 года. 21.05.2004. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=7> (дата обращения: 13.07.2023).
29. Итоги переписи населения 2014 года в Крымском федеральном округе // Федеральная служба статистики. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prez_surinov\(1\).pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prez_surinov(1).pdf) (дата обращения: 13.07.2023).
30. Основные сведения о республиках Донбасса, Запорожской и Херсонской областях // ТАСС. 23.09.2022. URL: <https://tass.ru/info/15842977> (дата обращения: 13.07.2023).
31. Оприлюднено результати оцінки чисельності наявного населення України. Служба Міністра Кабінету Міністрів України, опубліковано 23 січня 2020 року о 12:00// Урядовий портал. URL: <https://www.kmu.gov.ua/news/oprilyudneno-rezultati-ocinki-chiselnosti-nayavnogo-naselennya-ukrayini> (дата обращения: 08.07.2023).
32. Степанов (Дзагудо) В., Соколов А. Украина теряет пятую часть территорий, населения и экономики // Ведомости. 28.09.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/09/27/942830-ukraina-teryaet-pyatuyu-chast-territorii> (дата обращения: 27.07.2023).
33. Оценка населения Украины и демографические перспективы // Lostarmour. URL: <https://lostarmour.info/articles/ukraine-population> (дата обращения: 15.07.2023).
34. На Украине оценили падение численности населения страны с февраля 2022-го // РБК. 05.06.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/06/2023/647db6f79a79474072aae73d?ysclid=liv03rhev927629264> (дата обращения: 15.07.2023).
35. Ukraine War Latest – Col Doug Macgregor // YouTube. 18.05.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ceYqmjDmCAw> (дата обращения: 23.07.2023).
36. На Украине спрогнозировали катастрофическое падение рождаемости в 2023 году // РИА «Новости». 27.12.2022. URL: <https://ria.ru/20221227/ukraina-1841538599.html> (дата обращения: 21.07.2023).
37. Zoe Schneeweiss. German Population Sees Biggest Jump in 30 Years on Ukraine War // Bloomberg. 20.06.2023. URL: <https://ria.ru/20230518/naselenie-1872782593.html> (дата обращения: 15.07.2023).
38. Основные демографические показатели по всем странам мира в 2011 году // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world2011_1.php (дата обращения: 21.07.2023).
39. Сирийский кризис беженцев. Проблемы вынужденного перемещения на Ближнем Востоке / В. А. Аватков, М. М. Сыртмач, Д. А. Якимова, Д. С. Крылов // Свободная мысль. 2018. № 6. С. 129–140.

Semantic structure of word-formation nests based on one Adyghe root in the Adyghe linguoculture

M. L. Kardanov¹, M. Y. Ezaova¹, J. Kh. Shugusheva¹

¹Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, 173 Chernyshevsky str., Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-314-323

Research article
Full text in English

Modern etymological and historical-semasiological studies, not limited to the framework of purely linguistic schemes, come to a cognitive nature. Such a scientific interdisciplinary approach provides the required depth to etymological and historical-semasiological analysis in content and word-formation aspects and corresponds to the modern humanitarian paradigm. Such a comprehensive approach to the study of the facts of the language is relevant, first of all, for research on the material of modern young-written languages that do not have a long-written tradition, which includes the Abkhaz-Adyghe. This article provides a multi-aspect analysis of a single Adyghe sound-root morpheme, which has not yet been considered as the starting base for the emergence of all derived words and all meanings that appeared as a result of its semantic evolution, that is, in all its lexical and word-formation diversity. All derived words in the article are combined into a lexical nest, which allows them to be considered in structural and substantive terms, so they form a systemic unity. The article also analyzes semantic and typological transitions of meanings related by etymological meaning and root morpheme.

Keywords: morpheme; root; semantics; etymology; Adyghe language

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kardanov, Musadin L.	E-mail: musadin07@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-3393-549X Cand. Sc. (Philology)
Ezaova, Madina Y.	E-mail: madinaezaova@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-0574-7299 Cand. Sc. (Philology)
Shugusheva, Juleta Kh.	E-mail: shugushd@mail.ru ORCID iD: 0000-0001-7162-5057 Cand. Sc. (Philology)

For citation: Kardanov M. L., Ezaova M. Y., Shugusheva J. Kh. Semantic structure of word-formation nests based on one Adyghe root in the Adyghe linguoculture // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 3. P. 314-323.

Семантическая структура словообразовательных гнезд на основе одного адыгского корня в адыгской лингвокультуре

М. Л. Карданов¹, М. Ю. Езаова¹, Д. Х. Шугушева¹

¹Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, ул. Чернышевского, 173, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-314-323
УДК 81.25

Научная статья
Полный текст на английском языке

Современные этимологические и историко-семасиологические исследования, не ограничиваясь рамками чисто языковых схем, выходят на когнитивный, ментальный уровень и приобретают не только описательный, но и объяснительный характер. Такой научный междисциплинарный подход обеспечивает необходимую глубину этимологическому и историко-семасиологическому анализу в содержательном и словообразовательном аспектах и соответствует современной гуманитарной парадигме. Подобный комплексный подход к изучению фактов языка актуален прежде всего для исследований на материале современных младописьменных языков, не имеющих длительной письменной традиции, к которым относятся и абхазо-адыгские. В данной статье проводится полиаспектный анализ отдельно взятой адыгской звуко-корневой морфемы гъу, которую до сих пор не рассматривали в качестве исходной базы для возникновения всех производных слов и всех значений, появившихся вследствие ее семантической эволюции, то есть во всем ее лексическом и словообразовательном многообразии. Все производные слова в статье объединены в лексическое гнездо, что позволяет их рассматривать в структурном и содержательном планах, так они формируют системное единство. В статье также анализируются семантико-типологические переходы значений, связанных этимологическим значением и корневой морфемой.

Ключевые слова: морфема; корень; семантика; этимология; адыгский язык

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карданов, Мусадин Латифович	E-mail: musadin07@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-3393-549X Кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы
Езаова, Мадина Юрьевна	E-mail: madinaezaova@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-0574-7299 Кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы
Шугушева, Джулета Хабасовна	E-mail: shugushd@mail.ru ORCID iD: 0000-0001-7162-5057 Кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы

Для цитирования: Карданов М. Л., Езаова М. Ю., Шугушева Д. Х. Семантическая структура словообразовательных гнезд на основе одного адыгского корня в адыгской лингвокультуре // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 3. С. 314-323. (на англ. яз.)

© ЯРГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Introduction

As is known, etymological science takes into account both the laws of phonetic correspondence and semasiological connections (semantic transfers) that exist between different words, as well as facts obtained as a result of comparing linguistic data of related languages or variants of one language. The most effective methods used in etymology are external and internal extrapolations, the essence of which is to identify missing links in the historical development of the word, reconstructed during the study, based on existing semantic and word-formation correspondences and relationships. The significance of etymology is due to the fact that it, like no other field of linguistics, accumulates «modern data, written history, pre-written reconstruction and semantic typology» for the purposes of its research [1, p. 148]. The modern stage of etymological research is distinguished by the fact that etymology goes beyond the limits of sound-semantic correspondences and increasingly applies methods of deep comprehension of linguistic processes based on cognition. As the famous scientist M. M. Makovsky writes: «It must be borne in mind that in a number of cases the secret of another word or a whole family of words may be hidden in one word, and in these words the secret of human thinking or even the secret of human being may be hidden. ... Only an etymological analysis can reveal outwardly completely non-obvious connections and show the absence of connections that are outwardly quite obvious» [2, p. 202].

The need for an anthropocentric approach in the analysis of language is, in our opinion, one of the important tasks in linguistics today. The world is perceived by an individual with the assistance of a language in which the historical and social experience of an ethnic group is fixed. Vocabulary, as you know, is the most dynamic part of the language. Since a word is always subject-oriented, it can be borrowed and formed from the elements available in the language. Being the product of a long historical development, the language undergoes great changes due to various reasons. These changes affect all aspects of the language structure [3, p. 176].

Cognitive modeling of the lexical nest on the Adyghe material is relevant for numerous reasons, because the issues of word formation, semantics, as well as the problem of the hierarchy of motivational features between single-root words remain unresolved. Starting the analysis, it is necessary to address the issue of differentiation of such concepts as lexical, word-formation, root and etymological nests. Despite the proximity of these concepts, there are subtle differences between them. The word-formation structure of a lexical nest, understood as a word-formation nest, can form several word-formation nests inside the lexical nest, formed on the basis of various word-formation models that differ in their way of reflecting reality.

Thus, the word-formation nest is not a linear system, but a complex multi-vector formation, the distinguishing feature of which is the variety of word-formation types that form it. In turn, the root nests are based on connected roots, so a root nest can consist of two or more sub-nests, between which there are no word-formation connections, which may have originally existed, but disappeared in the course of historical development. A complex structural and semantic description of a lexical nest begins with the initial stage of its formation, i.e. S. Y. Voronin also introduces the concept of a sound-imaginative system, which he understands as part of the archisystem of the language, in the words of which there is a necessary, essential, repetitive and relatively stable involuntary phonetic primarily motivated connection between the phonemes of the word and the denotation sign (motive), which is the basis of the nomination [4, p. 176].

Thus, the structural and content boundaries of nests of various types remain very blurred. A word-formation nest is a sequential development of an etymological or root nest. «A word-formation nest, being a system of semantically and structurally related lexemes formed as a result of multi-vector word-formation acts, is at the same time a subsystem or part of the general structure of a root or etymological nest. We understand the lexical nest as the unity of its etymological and semantic-word-formation structures. The analysis of motivational relations in the lexical nest should begin with the restoration of the original motivated feature, or features of the original lexeme or the original root morpheme. The language nest at various stages of its development represents a formal and semantic unity. All the words included in the structure of the nest reveal formal and semantic similarity, explained by the unity of the cognitive sphere they serve, but there is a limitation imposed by the logic of the internal development of the language, leading to a clash of the principles of derivability vs motivation» [5, p. 6].

The purpose of the study

The purpose of the study is to isolate the sound-complex $-g^{\prime}u-$, its etymological meanings, as well as to determine the typology of semantic transitions, given and motivated by the original form, the analysis of word-formation chains based on the material of the Abkhaz-Adyghe languages.

The modern cognitive approach to the issues of etymology and historical word formation makes it possible to analyze the initial sound-root units within the framework of etymological and word-formation nests, which, in our opinion, is promising in Adyghe studies, because Adyghe root morphemes have a high degree of productivity, which was demonstrated in the monograph of one of the authors of this article devoted to cognitive modeling of etymological nests in multi-system languages based on the material of French and Kabardino-Circassian [6]. The cognitive approach offers ample opportunities in the field of explication of semantic changes, their typology and systematization. We also use techniques of comparative-historical and semantic-motivational methods of analysis.

The results of the study

The motivation of color lexemes, dating back to prototypical denotations, is most clearly manifested in naive linguistic consciousness, is reflected in mythopoetics and folklore, therefore, it is logical to preface the analysis of color names in the Adyghe worldview with notes on the symbolism of color in the system of Adyghe mythopoetic representations.

The color designations in the Adyghe worldview are filled with deep symbolic meaning and semantic content, representing both the material world and ethnic moral, ethical and aesthetic principles and foundations [7, p. 322]. We can distinguish several concepts in the Adyghe picture of the world in the writer's work in connection with the study of the features of his artistic worldview, and it seems especially relevant on phraseological linguistic material, in which the «spirit of the people» is most clearly manifested [8, p. 195].

Based on the theoretical foundations stated above, we will proceed to the analysis of the root $-g^{\prime}u-$, the purpose of which is to determine its formal and meaningful content.

In the «Grammar of the Kabardino-Circassian literary language» $-g^{\prime}u-$ is considered either as part of a complex root or as a word-forming suffix: *za-my-fe-g^{\prime}u* – «not similar in color; multicolored»; *za-my-gue-g^{\prime}u* «of different pairs» [9, p. 100]; *Gurylue-g^{\prime}ue* «understandable» (ibid., 98). In the words reconstructed by N. R. Ivanokov, the component present in several nominations (*shyg^{\prime}u* «salt», *blag^{\prime}ue* «dragon», etc.) $-g^{\prime}u-$ is explained by the author as «a sign related to what is called the producing word» [10, p. 163] or «something,

a certain substance, an object» [Ibid., p. 51]. In our opinion, such interpretations of the value of the *-gʷu-* component not only do not reveal its essence, but, on the contrary, further distance it from the solution of the set goal. But it is necessary to pay tribute to the author that he was one of the first to go beyond the existing framework of etymology in Adyghe studies and put forward his view on the reconstruction of many etymons, hydronyms and other nominations.

The well-known Adyghe linguist scientist B. M. Bersirov reveals six meanings of the verb root *-gʷui-* which is a correlate of Kabardino-Circassian *-gʷu-*:

1. «to be, to be together»: *kligʷu*;
2. «add, add something to something»: *shlegʷu*;
3. «to dry, to wilt»: *megʷu*;
4. «to sympathize, to pity, to forgive»: *igy klegʷui*;
5. «to forgive, to be forgiven»: *fegʷuegʷu*;
6. «gnaw»: *yegʷu* [11, p. 28].

In modern Kabardino-Circassian, the component of interest to us *-gʷu-* occurs in the same meanings as above, but as is known, the root is transformed, due to semantic extensions, the appearance of new meanings, which leads to difficulties of varying degrees in reconstruction, during which the archaic meaning is restored.

All the examples in the etymological and semantic analysis provided by the author, in our view, come back to the primary meanings of «dryness» and «close object». In the fourth meaning, according to B. M. Bersirov, *igy klegʷui / igu shlegʷun* in the first part of the second word, apparently meant *shly* «do», and not *shle* «under» and had the meaning «heart to do together / side by side».

In turn, A. K. Shagirov considers the root of *-gʷu-* in the meanings «dry», «to dry out», «crack up» *gʷushlen*, to «dry out» [12, p. 138–141], which confirms our hypothesis about the primacy of this value. The term «dry out» should be interpreted as «dry to the bottom», consisting of the term «dry» *-gʷu-* and the term «bottom» *shly*.

The author sees the meaning of «to forgive» in *-gʷui-* in the verb *gʷun* «to go «unpunished (about injustice, atrocities)». To this root, A. K. Shagirov gives correspondences from the Abkhazian - - *a-gʷuara*, Abaza *gʷuara* «to dry» [Ibid., p. 138].

In our opinion, this root sound is one of the most productive, which underlies several word-formation nests forming a large etymological group or nest, as evidenced by the examples being analyzed in the groups below, united by one of the primary values.

In our opinion, this root sound is one of the most productive, which underlies several word-formation nests forming a large etymological group or nest, as evidenced by the examples analyzed in the groups below, united by one of the primary meanings.

1. The root sound stands out clearly from all the words that are close to the meaning of «that which is not wet, wet»: *gʷui* «dry», *gʷushe* «dry», *gyur* «dried up» [13, p. 105];

2. That which no longer grows, does not develop: *gʷua* - participle from the verb *gʷun* [Ibid., p. 104] (*jyg gʷua*) «not developing, withered tree», *psyr gʷuashch* «water dried up, deadened, there is no movement».

3. An object where there is nothing that should develop, grow: *gʷuegu* «road» [Ibid., p. 101], *lʷagʷue* «path» [Ibid., p. 489].

In the Grammar of the Adyghe language, the word *gʷuegu* is explained as «dry (*gʷui*) surface (*gui*)». A. K. Shagirov disagrees with this formulation of the second part of the word (*gui*), who denies the presence of «surface» here, arguing that *gui* in this sense is combined only with nouns [12, p. 132].

Agreeing with the authors of the Grammar with the interpretation of the meaning of the first part of the word in the form of «something dry», we are not inclined to consider the interpretation of the second part of the nomination *gui* as «surface» given by A. K. Shagirov to be correct. To prove the validity of our solidary point of view, we can cite as an example other lexeme of the modern language: *l'ag'ue* «path» [13, p. 489] (lit. «legs dry») «*l'a* (leg) + *g'ue* (dry, without vegetation) ». It is impossible to separate the second part of this example from the first part of the compound word – *g'uegu* «road» [Ibid., p. 101], where *g'ue/g'ui* «road» and *gu* «arba, cart» [Ibid., p. 67] (lit.: «dry, without vegetation for a cart, cart»). In the examples given, there is a logical, semantic relationship, since there is no vegetation on the trodden «path», «road», nothing multiplies there.

4. Close object/subject: *g'uneg'u* «neighbor» [Ibid., p. 105], «close» *Ieg'ue* «near, close» [Ibid., p. 826]. At first glance, it seems that the semantic structure of these tokens does not contain any common semantic features with the meanings «dried up», «not multiplying». But the first word decomposes into *-g'ui-* in the same meaning as in the words of the third group «to dry up». The second part *-ne-*, which we have highlighted, corresponds to the *-ne-* in the word *une* «house», which will be discussed below, the third part *-g'u-* later received the meaning of the affix of compatibility, i.e. the grammaticalized affix *-g'u-* and in general the word means «neighbor» or «close» – «that there can be nothing, no one closer to you», because the neighbor across the house is no longer your neighbor, but your neighbor's neighbor, so the Adygs say for clarification: *zyune dyakush* «There is one house between us». There is no question of consanguinity here, but only that there cannot be another subject closer to the subject speaking at such a distance. In the lexical system of the Kabardino-Circassian language, the opposition we are considering is represented by the antonymic pair «*blag'e/lyhly* – *hame*» (friend or foe). «*blag'e/lyhly*» (one's own) and «*hame*» (someone else's) «*blag'e/lyhly*» and «*hame*» oppose one another with contrasting meanings [14, p. 99].

In the second word, *Ieg'ue*, two roots stand out: *Ie* «hand» + *g'ue* «near», which takes the meaning «close» in modern Kabardino-Circassian, but contains within itself the meaning «to bring closer what can be reached by hand».

As A. K. Shagirov notes, this root is also represented in other languages of the Abkhaz-Adyghe group: abh. *agluyza*, abaz. *gluza*, ubykh. *glush'e* «companion», «fellow traveler» [12, p. 139]. In the presence of such examples in related languages, we can probably rightfully speak about the archaic nature of this root sound, i.e. the root of *-g'u-* originated in the era of the proto-language: Kabardino-Circassian → Adyghe → Adyg-Ubykh → Adyg-Ubych-Abkhazian → proto-language of the language group.

Color: *g'ue* «light red» [13, p. 100] is a semantic connection between the objectifying color, i. e. that which is no longer «green», «growing», but «dried up» and its «subsequent image». Hence the shades follow: *g'ua+fe* (*g'ua* «light red» + *fe* «image») «light red image», *fa+g'ue* (about a person) (*fe* «color» + *g'ue* «light red») «pale» (lit. «the image is dried up»), a healthy person cannot be completely white, since white is considered the absence of color at all, hence life. In the first example, the polysemous word *fe* in the modern Kabardino-Circassian dialect has exactly the meaning of «image»; other meanings of this word are «skin», «skin», «color», «you» [Ibid., p. 664]. It must be admitted that in the modern language, the component *fe* in compound words, which is read by many in the meaning of «color», does not have such a meaning. For example, in *udzy+fe*, *pl'yzh'y+fe*, *huzh'y+fe*, etc. part *fe* cannot have the meaning of «color», since the semantics of the roots and complex nominations in general negates such a fact: *udz* «grass» + *fe* «image» = «image of grass», *pl'yzh'* «red» + *fe* «image» = «image of something heated», *huzh'* «white» + *fe* «image» =

«image without color/white». To confirm this explanation of the *fe* component, other examples can be given: *psal" a+fe* (*psal" e* «word» + *fe* «image/ manner/style» = image/manner/style of speech. The most voluminous meaning of «image, manner, style» is embodied in the lexeme *shyfel" yfe*, which consists of *shy* «horse» + *fe* «image» + *l" y* «man» + *fe* «image» and translates as «image of a rider».

Hole, nest, hole: *g" ue* «hole» [Ibid., p. 100]; *abg" ue* «nest» [Ibid., p. 19] (something convex above the plane); *g" uane* «hole» [Ibid., p. 100], where *ne* «eye», which collectively matters «withered eye». The «withered eye», according to the Adygs, looks like a hole.

Time, time interval: *ue-g" ue* «to strike time», *guzeveg" ue* is the modern designation of «grief», which was formed by merging *gu* «heart» + *zev* «narrow» + *g" ue* «time», which carries the meaning of «heart narrowing time».

The analysis of the semantic evolution of the sound-the root *g" ue* demonstrates that at some stage of development one of its primary meanings in the process of desemantization turned into a word-formation formant. We observed the loss of proper meaning and the transition to a grammatical affix in the words: *dyg" u* «thief», *g" ude* «gadfly», etc.

To the group of words with the root *-g" u-* that interests us is the nomination «iron» *g" ushl* [Ibid., p. 106]. Being a fossil (not only a rock), iron itself is «something frozen, dried up». Probably, it is not legitimate to say that the nomination was formed in a later era, as evidenced by *g" ui* «something dry/ yellow» + *shly* the «ground», i.e. this is what was found in the ground, and accordingly it was «copper» of the *g" ua+pl" e* (lit. «yellowish-red»). A. K. Shagirov [12, p. 141] also noted that *g" ushl* «iron» is a derivative of *g" ui*, iron. In favor of the proposed version that the *g" uapl" e* «copper» goes back to the *g" u* A. K. Shagirov, correspondences from abh are given. *a-bglva*, abaz. *bglva* [Ibid., p. 131].

In the word *g" um* «fat», A. K. Shagirov believes that for the first component of the word, it is necessary to compare abh. -abaz. *ag" ui/g" ui* «board», ubykh. *g" ui* «pillar» [Ibid., p. 137]. In the same place, the author writes that the second component of the word (*my*) is of the same origin as Ubykh *by* «fat». To develop the scientist's version, one can use the examples *byrtlym* «full, dense» [13, p. 54], the *leshtlym* «fist» [Ibid., p. 834], in which the *m* is the same as in the *g" um* «thick». In this particular case, it is impossible to explain the semantics of the nomination *g" um* «full, dense» without the involvement of language examples identified by A. K. Shagirov in the Ubykh language. If we proceed from the fact that in Ubykh *by* is «thick», and *g" ui* is «pillar», then in Kabardino-Circassian *g" um* should be explained as «thick pillar», the proof of which is the presence in the modern language of the meaning «something thick».

The ubykh *by* would be in the meaning of «thick» correspond to the Adyghe *byrtlym* «thick», *byrybyn* «fluff» [Ibid., p. 54], *beten* «plump» [Ibid., p. 36], *sheryb* «bubble» [Ibid., p. 759], etc., which contain the meaning «something that is higher/larger than the plane». The root preserved in the Ubykh and Adyghe languages testifies not to borrowings from each other, but to its origin in the era of unity of these languages. The Ubykh example *g" uy* «pillar» does not in any way destroy the semantics of the root sound *g" uy* proposed in this article, since, in fact, the «pillar» is also «something dry, not developing, dried up». This meaning of the root indicates once again that none of the dialects of the Adyghe language can be taken as a basis for the etymological and semantic analysis of the word. The Abkhazian-Abaza *ag" uy/g" uy* «board» correspond to the Kabardino-Circassian *g" uy* in *pch" ebg" u* «board» [Ibid., p. 578], which decomposes into *pch" e* «firewood» + *by* «something not narrow» + *g" uy* «dry» and can be interpreted as «wooden wide dry».

It is also impossible not to agree that *-g" ue-* serves to form nouns exclusively from the bases of the verb with a temporal meaning: *lezh" e-g" ue* «working time», *k" uhe-g" ue*

«sunset (sun)» [9, p. 83], which fit into the semantic series in the meaning of «frozen» and data examples are explained as «time is frozen for work» – *lezh"eg"ue*; «time is frozen for setting» – *k"uhe-g"ue*, i.e. there is «time for the accomplishment of these actions and it does not multiply, is not subject to movement».

In the example of *g"uetyn* «to find» [Ibid., p. 103], *g"ue* in the same meaning as in *g"uegu* «road» and in general, the word itself can be explained as «to give/find the road», and its antonym *g"ueshen* «to get lost» [Ibid., p. 104] has the meaning «the road is rotting», that is, «lose the road». Here is the second part (right now) we associate «rot» [Ibid., p. 789] with (*she-shy*) which, in turn, stands out from the «soft» *shabe* [Ibid., p. 771]. The comparison of two opposite words *g"ushyn* «to dry» – *shyn* «to rot», which contains the same element *-shy-* in different meanings and positions, becomes another confirming fact that in the Adyghe languages the sound-root historically comes from the same starting point, developing two opposite meanings (enantiosemy). In the process of the historical development of the language, some of the sound roots lose their productivity, and some are transformed. If initially the element *-shy-* contained the meanings «rot» and «dryness», and the development of the language requires the appearance of new lexemes, the element *-shy-* containing the meaning “dryness” is added to the morpheme *-shy-* containing the meaning «dryness», and in modern Kabardino-Circassian the lexeme *g"ushe* functions to denote «dry».

Thus, in the presence of this element in many nominations *-g"u-* in the Abkhazian, Abaza and Ubykh languages, *g"uabzhe* «dark gray», *g"ue* «burrow», *g"uegu* «road», *g"uezh* «yellow», *g"ueshen* «get lost», *pch"e(m)bg"u* «board», *g"un* «dry», *g"use* «companion» [Ibid., p. 102], we can talk about the semantic community of sound-the root, which has received its further multi-vector development. But it should be pointed out right away that the semantic development of lexemes that go back to a single sound root does not go beyond the semantic limitations set by the original values.

The scope of the article does not allow us to consider all the word-formation nests that form the etymological and lexical nest *g"u* in question. We will focus only on one word-formation nest, which goes back to one of the primary meanings of *g"u*, namely the meaning of «hole», «nest»: *unag"ue* «family», *bynunag"ue* «family with children», *unag"ue ihen* «to enter the family (get married)», *unag"uecle* [13, p. 656] «family name (surname)», *unag"ue zehes* «families sitting together (big family)», *leg"une* «bedroom», *leg"unclykly* «a small room attached to the house with any sides», *leg"unley* «kitchen», *leg"unvak"e* «vintage women's indoor shoes, slippers», *uncledzheg"u* [Ibid., p. 484], «the family name is joint (namesake)». It should be noted that the Adygs in almost all of these nominations often cut down the element of the *g"uy/g"ue*, which does not destroy the integral meaning of what they said. For example, for *unag"ue ihen* «to enter the family (get married)», the full equivalent is *une ihen*; *bynunag"ue* – *bynune* «family with children»; *unag"uecle* – *uncle* «surname», whereas the Adyghe diaspora abroad, in most cases uses *unag"uecle*.

It is noteworthy that in the word *unag"ue* «house» there is already a root morpheme in the meaning of «receptacle» – *ne*, but after the formation of the nomination *y+ne* «house» by merging *u(y)* «man» + *ne* «receptacle» and rooting in the language of this lexical unit, it is formed in the process of language evolution – *unag"ue* with the meaning of «family burrow».

In the course of language development, the sound-root morpheme of *g"ue* in some cases could undergo a process of desemantization, turning into a word-forming affix. The cognitive approach considers the processes of grammatization as a manifestation of a person's cognitive activity, which manifests itself in his ability to conceptualize the world and master more complex, abstract entities through simpler, concrete ones. As E. S. Kubryakova writes,

the naming of concrete objects and concrete actions that have a visual physical nature becomes a source of formation of abstract vocabulary and grammatical units, which also include affixes [15, p. 74]. Based on the above, we can with good reason refer to the lexical nest of the *g"uy* | *g"ue* and the lexeme of the «occasion», referring to the causal vocabulary, where the process of grammatization of the root morpheme into an affix took place.

In the following example, *k"yshueg"eg"u* «forgive me», which consists of five elements: *k"y* – prefix «direction of action» + *-s-* – prefix «first person» + *hue* – prefix «inducement to something» + *g"e* – prefix causative «force» + *g"u* «dry», which ultimately means «directed in my direction, make it dry». In this nomination, the core element is the sound-the root of *g"u*, which, as our research has shown, manifests itself in words that are completely distant from each other in meaning. The entire vocabulary of the Kabardino-Circassian adverb of the Adyghe language with the letter *g"u* has the meaning of «dryness», which in the process of language development has developed to such forms that it is difficult to imagine their relationship in the modern language.

Conclusions

Despite significant differences in the distribution of meanings, semantic combinations, and word-formation models, a noticeable semantic and formal similarity was found between the studied lexemes. In the presence of this element in many nominations *-g"u-* in the Abkhaz, Abaza and Ubykh languages, *g"uabzhe* «dark gray», *g"ue* «burrow», *g"uegu* «road», *g"uezh* «yellow», *g"ueshen* «get lost», *pch"e(m)bg"u* «board», *g"ushe* «dry», *g"use* «companion» [13, p. 100–105], we can talk about the semantic community of the sound-root, which has received its further multi-vector development. But it should be pointed out right away that the semantic development of lexemes ascending to a single sound root does not go beyond the semantic framework set by the original values.

The presence of numerous identical word-formation models and semantic meanings does not allow them to be considered random. This fact is not explained solely by genetic kinship or language contacts. The typology and hierarchy of motivational features underlying the nomination is explained by the commonality of the laws of thinking, manifested in the similarity of semantic transitions at the language level. The analysis of the nest of words going back to the sound root of the *g"u*, lexical units, their components and their etymons showed that these lexico-semantic groups represent systems at two levels: word-formation and semantic. The article analyzes the semantic structures of single-root words, during which the motivational relationships connecting them are revealed and the main vectors of their semantic evolution are determined, which helps to clarify the nature of the entire system.

The basic meaning, out of the seven semantic and one word-formation meanings of the original word that we have identified, is the starting point for the appearance of a certain set of figurative meanings. Thus, the internal form of the original word, root, root morpheme is the basis for the creation of a new lexical unit. Motivational relationships linking the same-root words are the basis of word-formation chains. The whole complex of the analyzed single-root words reflects the specifics of the division of reality by the peoples speaking the Abkhaz-Adyghe languages.

The methodology of comparative historical analysis applied in the work can be used in the analysis of other sound-root complexes of the Abkhaz-Adyghe languages and has great prospects for further research.

In our study, we limited ourselves to only one root monosyllabic group *-gu-*. The main meaning of the root morpheme remains invariant in various positions within the derived

word. The presence of this element in the examples of different parts of speech indicates its hyper productivity in the Adyghe languages. Based on the values of the examples, we can say that regardless of the number of affixes adjacent to the root sound, there was no shift in the meaning of the root in verbs, whereas in a number of nouns, in modern Kabardino-Circassian, it is translated to affixal morphemes.

All the diversity of the semantic evolution of derivational acts, its multi-vector development is the result of the cognitive activity of a person who, in the process of cognition of reality, names its segments, giving them different characteristics and assessments.

Ссылки

1. Trubachev O. N. Etymological research and lexical semantics // Principles and methods of semantic research. M., 1976. P. 147–180.
2. Makovsky M. M. Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages. The image of the world and the worlds of images. M.: Vlados, 1996. 416 p.
3. Kardanov M. L. Generic and non-generic affiliation of the nominations of the lexical and semantic group «pse ZYUT Schiyueps» – «wildlife» – Kabardino-Circassian language // Questions of Caucasian philology. Nalchik: FGBUN IGI KBNTS RAS, 2013. № 9. P. 175–178.
4. Voronin S. V. Fundamentals of phonosemantics. L.: Publishing House of Leningrad University, 1982. 244 p.
5. Shomakhova M. H. Typology of motivational semantic models in lexical nests (Based on the material of the Russian and Kabardino-Circassian languages). Abstract of the dissertation for the degree. Degrees of Candidate of Philology Sciences. Vladikavkaz, 2012. 22 p.
6. Kharaeva L. H. Cognitive modeling of etymological nests in multi-system languages (based on the material of French and Kabardino-Circassian languages). Nalchik: El-Fa, 2007. 238 p.
7. Ezaova M. Yu., Kardanov M. L., Shugusheva D. H. The development of the linguistic and linguistic color picture of the world in the Adyghe linguoculture // Social'nye i gumanitarnye znania. 2022. Vol. 8. № 3 (31). P. 320–333.
8. Shugusheva D. H. Phraseological representation of the concept of gu (heart) in the works of A. P. Keshokov // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota. 2017. P. 194–197.
9. Grammar of the Kabardino-Circassian literary language. M.: Nauka, 1970. 216 p.
10. Ivanokov N. R. Selected works. Etymological analysis of some Adyghe (Circassian) words. Nalchik: Publishing house of M. T. V. Kotlyarov, 2015. 360 p.
11. Bersirov B. M. Structure and history of verb bases in the Adyghe languages. Maykop: GURIPPE «Adygea», 2001. 236 p.
12. Shagirov A. K. Etymological dictionary of Adyghe (Circassian) languages. T. I. T. 2. M.: Nauka, 1977. 292 p.
13. Dictionary of the Kabardino-Circassian language / IGI KBNTS RAS, I ed. M.: Digora, 1999. 860 p.
14. Ezaova M. Yu. Linguistic cultural codes in the lexico-semantic field of kinship of the Kabardino-Circassian language // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2017. № 11-3 (77). P. 98–101.
15. Kubryakova E. S. Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 560 p.

Features of the nomination flower shops in Russia and the Czech Republic

A. A. Talitskaya¹, Y. E. Zueva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-324-336

Research article
Full text in Russian

The article considers regional peculiarities of nominations in the field of ergonyms of flower stores on the example of names of the city of Yaroslavl and the city of Brno, Czech Republic. The tendencies of recent years in urban onomastics, as well as approaches to the classification of ergonyms are investigated. Semantic classification allowed us to identify groups and subgroups of ergonyms coinciding in the two cities, as well as to identify unique semantic groups for the city of Yaroslavl. Structural classification of the studied ergonyms showed that real ergonyms reflecting the location of the company and/or the nature of its activity prevail. Functional classification allowed us to determine that the majority of ergonyms of flower stores both in Russia and in the Czech Republic fulfill an advertising and informative function. Most Czech ergonyms belong to the group with a low degree of need for a nomenclatural term, while Yaroslavl nominatives need a nomenclatural term to a medium or high degree. It was concluded that the majority of flower store names in both cities are written in the native language of the country and are word combinations. As a result of the study, similarities and differences of onyms of different countries were identified and descriptions of typical ergonyms of both cities were compiled.

Keywords: ergonym; onomastics; Yaroslavl; Brno; Czech Republic; floristry; flower shop

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Talitskaya, Anna A. | E-mail: a.talitskaya@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Zueva, Yulia E. | E-mail: luzueva2002@mail.ru
Graduate

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-019).

For citation: Talitskaya A. A., Zueva Y. E. Features of the nomination flower shops in Russia and the Czech Republic // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 3. P. 324-336. (in Russ.)

Особенности номинации цветочных магазинов России и Чехии

А. А. Талицкая¹, Ю. Е. Зуева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-324-336
УДК 811.16

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются региональные особенности номинаций в области эргонимов цветочных магазинов на примере наименований города Ярославля и города Брно, Чехия. Исследованы тенденции последних лет в городской ономастике, а также подходы к классификации эргонимов. Семантическая классификация позволила выделить совпадающие в двух городах группы и подгруппы эргонимов, а также выделить уникальные семантические группы для г. Ярославля. Структурная классификация исследуемых эргонимов показала, что преобладают реальные эргонимы, отражающие местоположение компании и/или характер ее деятельности. Функциональная классификация позволила определить, что большинство эргонимов цветочных магазинов как в России, так и в Чехии выполняют рекламно-информативную функцию. Большинство чешских эргонимов принадлежит к группе с низкой степенью необходимости номенклатурного термина, а ярославским номинативам номенклатурный термин необходим в средней или высокой степени. Был сделан вывод о том, что большинство названий цветочных магазинов в обоих городах записаны на родном для страны языке и представляют собой словосочетания. В результате исследования выявлены сходства и различия онимов разных стран и составлены описания типичных эргонимов обоих городов.

Ключевые слова: эргоним; ономастика; Ярославль; Брно; Чехия; флористика; цветочный магазин

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Талицкая, Анна Александровна	E-mail: a.talitskaya@uniyar.ac.ru Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной филологии
Зуева, Юлия Евгеньевна	E-mail: luzueva2002@mail.ru Студент факультета филологии и коммуникации

Финансирование: ЯрГУ (проект № VIP-019).

Для цитирования: Талицкая А. А., Зуева Ю. Е. Особенности номинации цветочных магазинов России и Чехии // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 3. С. 324-336.

Введение

Значимую часть современного городского пространства составляют номинации организаций и предприятий, которые являются предметом исследования ономастики. Развивающейся областью современной ономастики является эргонимия – дисциплина, изучающая историю образования и функционирования эргонимов, а также принципы и способы их образования в разных языковых системах.

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Исследование языка города становится одним из приоритетных и востребованных направлений современной лингвистики и способствует выявлению и изучению новых тенденций в жизни общества. На месте одних предприятий появляются новые, владельцы которых выбирают свою тактику привлечения клиентов, в том числе с помощью яркого, запоминающегося названия [1, с. 153]. Тенденции эти так или иначе связаны с усилением личностного начала, стремлением к языковой игре, со спонтанностью общения, с общей либерализацией языка и отражены в городских эргонимах, активно функционирующих в атмосфере все более разрастающейся межкультурной коммуникации [2, с. 94]. В нашей работе будут рассматриваться особенности номинации в городском пространстве разных стран.

Исследования последних лет, посвященные изучению языка города, выделяют доминирующие в нем аспекты: в первую очередь лингвистов интересует устная городская речь с точки зрения ее связи с литературным языком; исследуются особенности речи горожан, формируется своеобразный письменный код города, изучается структурно-смысловой компонент разговорного дискурса; и наконец, исследуются номинации городского пространства [3, с. 87]. Главное отличие эргонимов от других видов онимов заключается в индивидуальности каждого вида номинации, тесной связи имени с именуемым объектом и с культурно-историческим фоном, на котором оно возникло [4, с. 221].

Первая попытка классификации наименований коммерческих и некоммерческих организаций была предпринята А. В. Суперанской в монографии «Общая теория имени собственного». Автором работы выделяются два основных типа наименований для обозначения предприятий и учреждений: реальный, отражающий местоположение компании и характер ее деятельности (например, Мытищинский машиностроительный завод), и символический, «дающий лишь некоторый намек на характер деятельности» (например, кинотеатр «Родина») [5, с. 197].

В монографии «Проблемы современной эргонимии» Т. П. Романова основой для классификации эргонимов выбирает главные функции коммерческих имен: номинативную, информативную и рекламную [6, с. 86]. Согласно этой классификации, эргонимы подразделяются на информативные, рекламно-информативные, рекламные и номинативные.

Основываясь на работе Т. А. Новожиловой, принято выделять три группы эргонимов по степени точности их указания на объект номинации и, следовательно, по степени необходимости в их составе номенклатурного термина (слова-сопроводителя типа салон, кафе, бутик и др.): 1) наименования с низкой степенью необходимости номенклатурного термина; 2) эргонимы со средней степенью необходимости; 3) названия с высокой степенью необходимости слова-сопроводителя [7, с. 153].

Стоит заметить, что в лингвистике отсутствует специальный термин для наименования цветочных магазинов и других предприятий флористики. Несмотря на это, не вызывает сомнений факт, что эти наименования относятся к разряду эргонимов – наименований коммерческих предприятий и деловых объединений [8, с. 326].

Методы

Исследование осуществлено на материале, отобранном методом сплошной выборки при помощи Google-карт. Нами было отобрано 96 эргонимов цветочных магазинов города Ярославля и 60 эргонимов цветочных магазинов города Брно, Чехия.

Методы, которые использовались в проведенном исследовании, – структурный и сравнительно-типологический, количественного и компонентного анализа.

Результаты

На первом этапе нашего исследования было выявлено 96 наименований цветочных магазинов города Ярославля: *Первая цветочная лавка, Ателье цветов, Цветы на Пятёрке, Цветы и воздушные шары, Цветторг, Цветы, Городские Цветы, Розы76, Цветопт24, FlorBazar, Botanica, Travinka, Memories, KluKva, Kara Bala, Fresh Букет, Цветковы, Камелия, Миллион роз, Цветочная фантазия, Цветочный гараж, Теплица, Мир цветов, Дом цветов, Квартира 29, Лазаревское, Глориоза, Веник, Ёж, Норики, Клевер, Розалия, Лилия, Зелта, Валенсия, Дела Цветочные, Цветочный магазин, Вальс цветов, магазин цветочной продукции, Цветочный магазин Flowers box, Rose Center, Цветочные истории, Магазин цветов, Flower Fantasy, Белая Лилия, Цветы для Вас, Ваш букет, Флора сити, Орхидея, Магазин цветов и семян, KAN Flowers, Euro Flora, Цветочный, Цветочная лавка Интернет магазин, Цветы Под Аркой, Цветочный рай, Цветы опт розница, Wow Buket, FloGoods, служба доставки цветов, Maison Cassiopée, Дом роз, Tani Star, Цветы Сотовая Связь, Зерно, ЦветОк, Зелёный мир, Цветы Букеты, Белая роза, LAVANDA, Мегафлора, Крокус, Флоренция, Flora76, Виктория Роз, Флорист.ру, Ежевика Букет, Студия цветов и съедобной флористики, Ателье цветов Ярославль Диваевой, ТриБукета, Люпин, Ваш Цветочный рай, Букетная, Клумба, Пан Тюльпан, Флорис, The City Jungle, Greengarden, Flowers&Beauty, Твой цветочный, Хит букет, GreenDecor, Mi amor, Дариссимо, Цветомания, Цветы Элен, Мой Бамбук, Радуга цветов.*

Семантическая классификация исследуемых эргонимов позволила выделить следующие группы:

1. Названия, имеющие в своем составе элементы лексико-семантического поля «Цветы» (59):

а) эргонимы, включающие имя ЛСП «Цветы» и производные от него (35): *Первая цветочная лавка, Ателье цветов, Цветы на Пятёрке, Цветы и воздушные шары, Цветторг, Цветы, Городские Цветы, Цветочный гараж, Мир цветов, Дом цветов, Дела Цветочные, Цветопт24, Цветочная фантазия, Цветочный магазин, Вальс цветов, магазин цветочной продукции, Цветочный магазин Flowers box, Цветочные истории, Магазин цветов, Цветы для Вас, Магазин цветов и семян, Цветочный, Цветочная лавка Интернет магазин, Цветы Под Аркой, Цветочный рай, Цветы опт розница, Цветы Сотовая Связь, ЦветОк, Цветы Букеты, Студия цветов и съедобной флористики, Ателье цветов Ярославль Диваевой, Ваш Цветочный рай, Твой цветочный, Цветомания, Цветы Элен, Радуга цветов;*

б) эргонимы, включающие имя ЛСП «Flowers» (4): *Цветочный магазин Flowers box, Flower Fantasy, KAN Flowers, Flowers&Beauty;*

в) эргонимы, включающие названия конкретных цветов (16): *Розы76, Камелия, Миллион роз, Глориоза, Клевер, Лилия, Белая Лилия, Орхидея, Дом роз, Белая роза, LAVANDA, Крокус, Виктория Роз, Люпин, Пан Тюльпан, Rose Center (от англ. rose – роза);*

г) эргонимы, включающие названия других растений (4): *Travinka, KluKva, Ежевика Букет, Мой Бамбук.*

2. Наименования, связанные с пространством и местом (25): *FlorBazar, Ателье цветов, Цветочный гараж, Теплица, Мир цветов, Дом цветов, Квартира 29, Цветочный магазин, Цветочный магазин Flowers box, Rose Center (от англ. Center – центр), Магазин цветов, Магазин цветов и семян, Цветочная лавка Интернет магазин, Цветы Под Аркой, Цветочный рай, Maison Cassiopée (от фр. Maison – дом), Дом роз, Зелёный мир, Флоренция, Валенсия, Студия цветов и съедобной флористики, Ателье цветов Ярославль Диваевой, Ваш Цветочный рай, Клумба, Greengarden (от англ. garden – сад).*

3. Способ оформления цветов (10): *Веник* (пренебрежительное название букета цветов), *Fresh букет, Ваш букет, Wow Buket, Цветы Букеты, Ежевика Букет, ТриБукета, Букетная, Клумба, Хит букет.*

4. Наименования-имена собственные, связанные с цветами прямо или косвенно (9): *FlorBazar* (от лат. *Flora* – богиня цветов и плодородия), *Флора сити, Мегафлора, Flora76, Флорис, Euro Flora, Розалия* (женское имя, производное от лат. *rosa*), *Kara Bala* (персонаж ереванской легенды, даривший влюбленным цветы), *Цветковы.*

5. Наименования, указывающие на принадлежность определенному лицу (6): *Цветы для Вас, Ваш букет, Ваш Цветочный рай, Твой цветочный, Mi amor, Мой Бамбук.*

6. Наименования, указывающие на расположение организации, принадлежность городскому пространству Ярославля (5): *Розы76* (76 – автомобильный код Ярославского региона), *Flora76, Городские Цветы, Цветы на Пятёрке (Пятёрка* – разговорное наименование Ленинского района города Ярославля, возникшее в результате метонимии: 5 – номер маршрута трамвая, работавшего в Ленинском районе), *The City Jungle* (от англ. *city* – город).

7. Наименования, содержащие имена владельцев/совладельцев организации (5): *KAN Flowers* (название образовано слиянием фамилий владельцев – *Карпова* и *Коновалова*), *Ателье цветов Ярославлы Диваевой, Цветы Элен, Tani Star, Лазаревское* (от фамилии владельца Лазарева).

8. Названия, содержащие указание на цвет, символизирующий растительный мир (3): *Зелёный мир, Greengarden* (от англ. *green* – зеленый), *GreenDecor.*

9. Названия, указывающие на реальные географические объекты (3): *Флоренция, Валенсия, Лазаревское.*

10. Наименования, указывающие на услуги дистанционной покупки и доставки в организации (2): *Цветочная лавка Интернет магазин, FloGoods, служба доставки цветов.*

Нами было выделено наименование, указывающее на профессию, связанную с характером деятельности организации (1): *Флорист.ру.* При семантической классификации нами также были выявлены названия, не вошедшие ни в одну семантическую группу. К таким названиям относятся (6): *Ёж, Норки, Memories, Зелта, Botanica, Зерно.*

Для структурного анализа онимов обратимся к классификациям, предложенным исследователями. Опираясь на классификацию А. В. Суперанской, разделим эргони-мы на:

– реальные, отражающие местоположение компании и/или характер ее деятельности (72): *Первая цветочная лавка, Ателье цветов, Цветы на Пятёрке, Цветы и воздушные шары, Цветторг, Цветы, Городские Цветы, Розы76, Цветонт24, Fresh Букет, Камелия, Миллион роз, Цветочная фантазия, Цветочный гараж, FlorBazar, Мир цветов, Дом цветов, Глориоза, Клевер, Розалия, Лилия, Дела Цветочные, Цветочный магазин, Вальс цветов, магазин цветочной продукции, Цветочный магазин Flowers box, Rose Center, Цветочные истории, Магазин цветов, Flower Fantasy, Белая Лилия, Цветы для Вас, Ваш букет, Флора сити, Орхидея, Магазин цветов и семян, KAN Flowers, Euro Flora, Цветочный, Цветочная лавка Интернет магазин, Цветы Под Аркой, Цветочный рай, Цветы опт розница, Wow Buket, FloGoods, служба доставки цветов, Дом роз, Цветы Сотовая Связь, ЦветОк, Цветы Букеты, Белая роза, LAVANDA, Мегафлора, Крокус, Flora76, Виктория Роз, Флорист.ру, Ежевика Букет, Студия цветов и съедобной флористики, Ателье цветов Ярославлы Диваевой, ТриБукета, Люпин, Ваш Цветочный рай, Букетная, Клумба, Пан Тюльпан, Флорис, Flowers&Beauty, Твой цветочный, Хит букет, Цветомания, Цветы Элен, Радуга цветов.*

– символические, дающие лишь некоторый намек на характер деятельности (12): *Botanica, Travinka, KluKva, Kara Bala, Цветковы, Веник, Теплица, The City Jungle, GreenDecor, Зелёный мир, Мой Бамбук, Greengarden*.

Нами были выявлены названия, не относящиеся к подгруппам онимов, выделенным А. В. Суперанской. К таким названиям относятся (12): *Memories, Лазаревское, Квартира 29, Ёж, Норики, Зелта, Валенсия, Mi amor, Дариссимо, Флоренция, Maison Cassiopée, Tani Star*. Эти онимы не являются реальными или символическими, потому как семантически оторваны от понятий флористики.

Опираясь на классификацию Т. П. Романовой, исследуемые эргонимы можно разделить на 4 группы в соответствии с их функциями:

– информативные (24): *Ателье цветов, Цветы на Пятерке, Цветы и воздушные шары, Цветторг, Цветы, Городские Цветы, Дела Цветочные, Розы76, Цветопт24, FlorBazar, Цветочный магазин, Цветочный магазин Flowers box, Rose Center, Магазин цветов, Магазин цветов и семян, Цветочный, Цветочная лавка Интернет магазин, Цветы Под Аркой, Цветы Сотовая Связь, ЦветОк, Цветы Букеты, Flora76, Студия цветов и съедобной флористики, Цветы опт розница*.

– рекламно-информативные (57): *Первая цветочная лавка, Fresh Букет, Мир цветов, Дом цветов, Миллион роз, Цветочная фантазия, Цветочные истории, Flower Fantasy, Цветочный гараж, Вальс цветов, магазин цветочной продукции, Цветы для Вас, Ваш букет, Euro Flora, Цветочный рай, Wow Buket, FloGoods, служба доставки цветов, Дом роз, Зелёный мир, Ателье цветов Ярославы Диваевой, Greengarden, Flowers&Beauty, Твой цветочный, Хит букет, GreenDecor, Цветомания, Цветы Элен, Мой Бамбук, Радуга цветов, Botanica, Travinka, KluKva, Камелия, Теплица, Глориоза, Веник, Клевер, Розалия, Лилия, Белая Лилия, Зерно, Белая роза, LAVANDA, Мегафлора, Крокус, Виктория Роз, Флорист.ру, Ежевика Букет, ТриБукета, Люпин, Ваш Цветочный рай, Букетная, Клумба, Пан Тюльпан, Флорис, The City Jungle, Флора сити, Орхидея*.

– рекламные (9): *Memories, Квартира 29, Ёж, Норики, Зелта, Валенсия, Maison Cassiopée, Mi amor, Дариссимо*;

– номинативные (6): *Лазаревское* (от фамилии владельца Е. А. Лазаревой), *Kara Bala, KAN Flowers* (название образовано слиянием фамилий владельцев – Карпова и Коновалова), *Tani Star* (от имени владельца Татьяны Старжинской), *Цветковы, Флоренция*.

Основываясь на классификации Т. А. Новожиловой, эргонимы, обозначающие цветочные магазины города Ярославля, можно разделить на:

– наименования с низкой степенью необходимости номенклатурного термина (60): *Первая цветочная лавка, Ателье цветов, Цветы на Пятерке, Цветы и воздушные шары, Цветторг, Цветы, Городские Цветы, Розы76, Цветопт24, Миллион роз, Мир цветов, Дом цветов, Цветочная фантазия, Цветочный гараж, Дела Цветочные, Цветочный магазин, Вальс цветов, магазин цветочной продукции, Цветочный магазин Flowers box, Rose Center, Цветочные истории, Магазин цветов, Flower Fantasy, Белая Лилия, Цветы для Вас, Ваш букет, Орхидея, Магазин цветов и семян, KAN Flowers, Цветочный, Цветочная лавка Интернет магазин, Цветы Под Аркой, Цветочный рай, Цветы опт розница, Wow Buket, FloGoods, служба доставки цветов, Дом роз, Цветы Сотовая Связь, ЦветОк, Цветы Букеты, Белая роза, LAVANDA, Мегафлора, Крокус, Виктория Роз, Флорист.ру, Ежевика Букет, Студия цветов и съедобной флористики, Ателье цветов Ярославы Диваевой, ТриБукета, Люпин, Ваш Цветочный рай, Букетная, Клумба, Пан Тюльпан, Flowers&Beauty, Твой цветочный, Хит букет, Цветомания, Цветы Элен, Радуга цветов*.

– эргонимы со средней степенью необходимости номенклатурного термина (22): *FlorBazar, Botanica, Travinka, Fresh Букет, Цветковъы, Камелия, Теплица, Веник, Клевер, Розалия, Лилия, Глориоза, Kara Bala, Euro Flora, Флора сити, Flora76, Greengarden, The City Jungle, Флорис, Мой Бамбук, Зелёный мир, GreenDecor.*

– названия с высокой степенью необходимости слова-сопроводителя (14): *Memories, KluKva, Квартира 29, Лазаревское, Ёж, Норики, Зелта, Валенсия, Maison Cassiopée, Tani Star, Флоренция, Зерно, Mi amor, Дариссимо.*

По наличию элементов графической трансформации эргонимы цветочных магазинов города Ярославля можно разделить на:

– номинации, записанные кириллицей (73): *Цветковъы, Камелия, Миллион роз, Цветочная фантазия, Цветочный гараж, Теплица, Мир цветов, Дом цветов, Квартира 29, Лазаревское, Глориоза, Веник, Ёж, Норики, Клевер, Розалия, Лилия, Зелта, Валенсия, Дела Цветочные, Цветопт24, Цветторг, Цветы, Розы76, Цветы на Пятёрке, Городские Цветы, Первая цветочная лавка, Цветы и воздушные шары, Ателье цветов, Цветочный магазин, Вальс цветов, магазин цветочной продукции, Цветочные истории, Магазин цветов, Белая Лилия, Цветы для Вас, Ваш букет, Флора сити, Орхидея, Магазин цветов и семян, Цветочный, Цветочная лавка Интернет магазин, Цветы Под Аркой, Цветочный рай, Цветы опт розница, Дом роз, Цветы Сотовая Связь, Зерно, ЦветОк, Зелёный мир, Цветы Букеты, Белая роза, Мегафлора, Крокус, Флоренция, Виктория Роз, Флорист.ру, Ежевика Букет, Студия цветов и съедобной флористики, Ателье цветов Ярославля Диваевой, ТриБукета, Люпин, Ваш Цветочный рай, Букетная, Клумба, Пан Тюльпан, Флорис, Твой цветочный, Хит букет, Дариссимо, Цветомания, Цветы Элен, Мой Бамбук, Радуга цветов.*

– номинации, записанные латиницей, имеющие иноязычное происхождение (17): английский язык (7) – *Memories, Rose Center, Flower Fantasy, KAN Flowers, The City Jungle, Greengarden, Flowers&Beauty*, латинский и английский (2) – *Euro Flora* (от англ. *евро*, лат. *флора*), *GreenDecor* (от англ. *зеленый*, лат. *украшение*), латинский (1) – *Flora76*, французский (2) – *Maison Cassiopée, Wow Buket* (слово имеет французское происхождение, однако записано транслитерацией русского слова), итальянский (2) – *Mi amor, LAVANDA*, древнегреческий (1) – *Botanica*, турецкий (1) – *Kara Bala*, тюркский и латинский языки (1) – *FlorBazar* (заимствование из тюркского языка *базар*, лат. *флора*).

– русскоязычные номинации, записанные латиницей (3): *Travinka, KluKva, Tani Star.*

– смешанные номинации (3): *Fresh Букет, Цветочный магазин Flowers box, FloGoods, служба доставки цветов.*

Синтаксический анализ структуры онимов показал, что выбранные эргонимы можно разделить на следующие группы:

– эргонимы, представляющие собой словосочетания (52): *Первая цветочная лавка, Ателье цветов, Цветы на Пятёрке, Городские Цветы, Fresh Букет, Миллион роз, Цветочная фантазия, Цветочный гараж, Мир цветов, Дом цветов, Квартира 29, Дела Цветочные, Цветочный магазин, Вальс цветов, магазин цветочной продукции, Цветочный магазин Flowers box, Rose Center, Цветочные истории, Магазин цветов, Flower Fantasy, Белая Лилия, Цветы для Вас, Ваш букет, Флора сити, Магазин цветов и семян, KAN Flowers, Euro Flora, Цветочная лавка Интернет магазин, Цветы Под Аркой, Цветочный рай, Цветы опт розница, Wow Buket, FloGoods, служба доставки цветов, Maison Cassiopée, Дом роз, Tani Star, Цветы Сотовая Связь, Зелёный мир, Цветы Букеты, Белая роза, Виктория Роз, Ежевика Букет, Студия цветов и съедобной флористики, Ате-*

лье цветов Ярославы Диваевой, Ваш Цветочный рай, Пан Тюльпан, The City Jungle, Твой цветочный, Хит букет, Mi amor, Цветы Элен, Мой Бамбук, Радуга цветов.

– эргонимы, записанные словоформой (40): *Цветторг, Цветы, Розы76, Цветонт24, FlorBazar, Botanica, Travinka, Memories, KluKva, Цветковы, Камелия, Теплица, Лазаревское, Глориоза, Веник, Ёж, Норики, Клевер, Розалия, Лилия, Зелта, Валенсия, Орхидея, Цветочный, Зерно, ЦветОк, LAVANDA, Мегафлора, Крокус, Флоренция, Flora76, ТриБукета, Люпин, Букетная, Клумба, Флорис, Greengarden, GreenDecor, Дариссимо, Цветомания.*

– эргонимы, представляющие собой назывное предложение (2): *Цветы и воздушные шары, Flowers&Beauty.*

– эргоним, представляющий собой имя собственное (не является словосочетанием) (1): *Kara Bala.*

– эргоним, представляющий собой доменное имя (1): *Флорист.ру.*

Важным нам видится и тот факт, что некоторые из рассматриваемых эргонимов образованы путем аббревиации. К таковым относятся (4): *Цветторг, Цветонт24, FlorBazar, FloGoods.*

Говоря о других особенностях номинативов, следует отметить, что в создании некоторых онимов использованы тропы. Рассмотрим их подробнее (27).

Цветы на Пятёрке: Пятёрка – разговорное наименование Ленинского района города Ярославля, возникшее в результате метонимии: 5 – номер маршрута трамвая, работавшего в Ленинском районе.

Memories (от англ. *воспоминания*) – можно говорить о том, что в названии организации использована метонимия, так как цветы традиционно принято связывать со значимыми памятными событиями жизни человека.

Kara Bala – метонимия, связывающая персонажа легенды и характер деятельности организации.

Fresh Букет – эпитет *свежий*, употребленный в английском переводе, акцентирует внимание покупателя на важнейших качествах продукта.

Цветковы – название с использованием фамилии, прямо отражающей характер деятельности организации, символ заинтересованности организации в продукции, символ семейного дела.

Миллион роз – гипербола, заостряющая внимание на богатом ассортименте магазина, символ широкого жеста.

Мир цветов, Дом цветов, Дом роз – метафора, обозначающая особую атмосферу организации.

Веник – метафора, сложившаяся в разговорной речи, обозначающая букет цветов.

Вальс цветов – метафора, обозначающая богатый ассортимент продукции, отсылающая к известному произведению П. И. Чайковского.

Цветочные истории – метафора, олицетворяющая цветы, приписывающая им свойство человека иметь истории.

Цветы Под Аркой – метонимия (расположение магазина).

Цветочный рай, Ваш Цветочный рай – метафора, формирующая благоприятный, абсолютно положительный имидж организации.

Пан Тюльпан – олицетворение, мотивированное рифмой.

Зеленый мир, Greengarden, GreenDecor – эпитет *зеленый* отсылает к цветку, символизирующему природный мир, экологию.

The City Jungle – метафора, обозначающая принадлежность ассортимента к живой природе, формирующая экзотический образ организации.

Среди выбранных нами эргонимов было обнаружено название, построенное на стилистической фигуре разъединения. *Дела Цветочные* – название организации построено с помощью инверсии.

Особенностью отобранных нами эргонимов можно назвать стремление к языковой (в том числе графической) игре.

Например, название *ЦветОк* фонетически не отходит от нормы, однако графически выделенные последние буквы наименования обозначают английское слово *Ок* («хорошо»).

Некоторые названия, являющиеся словосочетаниями, записаны слитно и представлены в виде словоформы: *ТриБукета*, *Greengarden*.

Название *Флоренция*, помимо прямого значения, может иметь семантику, связанную с корнем *flor*.

Наименование *Радуга цветов* может восприниматься двусмысленно в связи с многозначностью формы слова *цветов*.

Эргоним *Tani Star* включает языковую игру, так как, помимо заложенных в нем имени и фамилии владельца, отсылает к английскому слову *star* (звезда).

Для семантического и структурного анализа эргонимов города Брно нами были отобраны следующие номинативы (60): *Kytka jako Brno*, *Květinářství GALERIE Brno*, *Květinářství Deluxe a Rozvoz květin*, *Květinové Boxy*, *Brno flowers*, *Květiny*, *PORT květiny*, *Stánek-květiny Z.Illkova*, *Fleurs&Decoration*, *Květinářství Brno*, *Květinové Taxi*, *Květiny M. Huszárová*, *Květiny FLORIS*, *Květiny u radosti*, *Kala Flower shop*, *Květiny Gelnarová*, *Květiny Radost*, *Florist U Štěpánky*, *KVETU květinový ateliér*, *Květinářství «Brno.rose»*, *Flowers of the Forest*, *Simply Flowers*, *Like Home & Florist*, *Květiny*, *Flower Bar s.r.o.*, *Výdejní místo Frutiko cukrárna&květinářství – Brno*, *Fantastic flowers*, *Barbora Rous Květová*, *TIME4FLOWERS*, *Květiny Vonekl*, *Flamengo s.r.o.*, *Floristika Klára Uhlířová*, *Flowers by Decstore*, *Květiny Holland Garden*, *Flora Jeane*, *Květinářství Nerine*, *Kvítky z lesa*, *Květiny Drápalová Lenka*, *Květiny V*, *La Plevela*, *Erica – květiny, v.o.s.*, *Rosebud Květinářství*, *Květinářství Nekolný*, *Květinářství AmErica*, *Květiny V&Š*, *Květiny Petr Matuška*, *Květiny Arancio*, *Květiny Florissant*, *Květinářství OXALIS*, *Květiny Lucie*, *P.S.květiny*, *Květiny Anna*, *Květinka Bellis*, *Květinářství Lubomír Mizera*, *Květiny Ája*, *Anemos Brno*, *Carmen Flora*, *Květinářství Azalka*, *Romana Hanáčková – Květiny Incana*, *Svatební kytice*, *smuteční kytice*, *Brno*.

Семантическая классификация отобранных нами эргонимов может быть представлена следующим образом:

1. Названия, имеющие в своем составе элементы лексико-семантического поля «*Květiny*» (52):

a) эргонимы, включающие имя ЛСП «*Květiny*» и производные от него (43): *Kytka jako Brno*, *Květinářství GALERIE Brno*, *Květinářství Deluxe a Rozvoz květin*, *Květinové Boxy*, *Květiny*, *PORT květiny*, *Stánek-květiny Z.Illkova*, *Fleurs&Decoration*, *Květinářství Brno*, *Květinové Taxi*, *Květiny M. Huszárová*, *Květiny FLORIS*, *Květiny u radosti*, *Květiny Gelnarová*, *Květiny Radost*, *KVETU květinový ateliér*, *Květinářství “Brno.rose”*, *Květiny*, *Výdejní místo Frutiko cukrárna&květinářství – Brno*, *Barbora Rous Květová*, *Květiny Vonekl*, *Květiny Holland Garden*, *Květinářství Nerine*, *Kvítky z lesa*, *Květiny Drápalová Lenka*, *Květiny V*, *Erica – květiny, v.o.s.*, *Rosebud Květinářství*, *Květinářství Nekolný*, *Květinářství AmErica*, *Květiny V&Š*, *Květiny Petr Matuška*, *Květiny Arancio*, *Květiny Florissant*, *Květinářství OXALIS*, *Květiny Lucie*, *P.S.květiny*, *Květiny Anna*, *Květinka Bellis*, *Květinářství Lubomír Mizera*, *Květiny Ája*, *Květinářství Azalka*, *Romana Hanáčková – Květiny Incana*;

б) эргонимы, включающие имя ЛСП «Flowers» (8): *Brno flowers, Kala Flower shop, Flowers of the Forest, Simply Flowers, Flower Bar s.r.o., Fantastic flowers, TIME4FLOWERS, Flowers by Decstore;*

в) эргонимы, включающие названия конкретных цветов (1): *Kala Flower shop.*

2. Наименования, содержащие имена владельцев/совладельцев организации (21): *Stánek-květiny Z. Illkova, Květiny M. Huszárová, Květiny Gelnarová, Florist U Štěpánky, Barbora Rous Květová, Květiny Vonekl, Floristika Klára Uhlířová, Květinářství Nerine, Květiny Drápalová Lenka, Erica – květiny, v.o.s., Květinářství Nekolný, Květinářství AmErica, Květiny Petr Matuška, Květiny Arancio, Květiny Lucie, Květiny Anna, Květinka Bellis, Květinářství Lubomír Mizera, Květiny Ája, Květinářství Azalka, Romana Hanáčková – Květiny Incana.*

3. Наименования, указывающие на расположение организации, принадлежность городскому пространству города Брно (8): *Kytka jako Brno, Květinářství GALERIE Brno, Brno flowers, Květinářství Brno, Květinářství «Brno.rose», Výdejní místo Frutiko cukrárna&květinářství – Brno, Anemos Brno, Svatební kytice, smuteční kytice, Brno.*

4. Наименования, связанные с пространством и местом (7): *Květinářství GALERIE Brno, KVETU květinový ateliér, Kala Flower shop, Flowers of the Forest, Like Home & Florist, Flower Bar s.r.o., Kvítí z lesa.*

5. Наименования, указывающие на услуги доставки в организации (3): *Květinové Taxi, Květinářství Deluxe a Rozvoz květin, Výdejní místo Frutiko cukrárna&květinářství – Brno.*

6. Наименования, указывающие на профессию, связанную с характером деятельности организации (2): *Florist U Štěpánky, Like Home & Florist.*

Обратимся к структурному анализу эргонимов, называющих цветочные магазины города Брно. Опираясь на классификацию А. В. Суперанской, разделим эргонимы на:

– реальные, отражающие местоположение компании и/или характер ее деятельности (57): *Kytka jako Brno, Květinářství GALERIE Brno, Květinářství Deluxe a Rozvoz květin, Květinové Boxy, Brno flowers, Květiny, PORT květiny, Stánek-květiny Z. Illkova, Fleurs&Decoration, Květinářství Brno, Květinové Taxi, Květiny M. Huszárová, Květiny FLORIS, Květiny u radosti, Kala Flower shop, Květiny Gelnarová, Květiny Radost, Florist U Štěpánky, KVETU květinový ateliér, Květinářství “Brno.rose”, Flowers of the Forest, Simply Flowers, Like Home & Florist, Květiny, Flower Bar s.r.o., Výdejní místo Frutiko cukrárna&květinářství - Brno, Fantastic flowers, Barbora Rous Květová, TIME4FLOWERS, Květiny Vonekl, Floristika Klára Uhlířová, Flowers by Decstore, Květiny Holland Garden, Flora Jeane, Květinářství Nerine, Kvítí z lesa, Květiny Drápalová Lenka, Květiny V, Erica - květiny, v.o.s., Rosebud Květinářství, Květinářství Nekolný, Květinářství AmErica, Květiny V&Š, Květiny Petr Matuška, Květiny Arancio, Květiny Florissant, Květinářství OXALIS, Květiny Lucie, P.S.květiny, Květiny Anna, Květinka Bellis, Květinářství Lubomír Mizera, Květiny Ája, Carmen Flora, Květinářství Azalka, Romana Hanáčková – Květiny Incana, Svatební kytice, smuteční kytice, Brno;*

– символические, дающие лишь некоторый намек на характер деятельности (3): *Flamengo s.r.o., Anemos Brno, La Plevela.*

Опираясь на классификацию Т. П. Романовой, представленные эргонимы можно разделить на 4 группы в соответствии с их функциями:

– информативные (14): *Květinové Boxy, Brno flowers, Květiny, PORT květiny, Květinářství Brno, Květiny FLORIS, Kala Flower shop, KVETU květinový ateliér, Květinářství «Brno.rose», Květiny, Květiny V, Květiny Florissant, Květinářství OXALIS, P.S.květiny;*

– рекламно-информативные (43): *Kytka jako Brno, Květinářství Deluxe a Rozvoz květin, Květinové Taxi, Květiny u radosti, Květiny Radost, Stánek-květiny Z. Illkova, Květiny M. Huszárová, Květiny Gelnarová, Florist U Štěpánky, Fleurs&Decoration, Květinářství GALERIE Brno, Flowers of the Forest, Simply Flowers, Like Home & Florist, Flower Bar s.r.o., Výdejní místo Frutiko*

cukrárna&květinářství – Brno, Fantastic flowers, Barbora Rous Květová, TIME4FLOWERS, Květiny Vonekl, Floristika Klára Uhlířová, Flowers by Decstore, Květiny Holland Garden, Flora Jeane, Květinářství Nerine, Kvítí z lesa, Květiny Drápalová Lenka, Erica – květiny, v.o.s., Rosebud Květinářství, Květinářství Nekolný, Květinářství AmErica, Květiny V&Š, Květiny Petr Matuška, Květiny Arancio, Květiny Lucie, Květiny Anna, Květinka Bellis, Květinářství Lubomír Mizera, Květiny Ája, Carmen Flora, Květinářství Azalka, Romana Hanáčková - Květiny Incana, Svatební kytice, smuteční kytice, Brno. К данной категории нами были отнесены онимы, содержащие указание на имя владельца/совладельца организации, как наименования, имеющие рекламный посыл, сформированный личный бренд владельца;

– рекламные (содержат характеристику называемого объекта) (3): *Flamengo s.r.o., La Plevela, Anemos Brno;*

– номинативные (информация об объекте номинации скрыта в подобных онимах): в исследуемой группе не представлены.

Основываясь на классификации Т. А. Новожиловой, эргонимы, обозначающие цветочные магазины города Брно, можно разделить на:

– наименования с низкой степенью необходимости номенклатурного термина (55): *Kytka jako Brno, Květinářství GALERIE Brno, Květinářství Deluxe a Rozvoz květin, Květinové Boxy, Brno flowers, Květiny, PORT květiny, Stánek-květiny Z.Illkova, Fleurs&Decoration, Květinářství Brno, Květinové Taxi, Květiny M. Huszárová, Květiny FLORIS, Květiny u radosti, Kala Flower shop, Květiny Gelnarová, Květiny Radost, Florist U Štěpánky, KVETU květinový ateliér, Květinářství «Brno.rose», Flowers of the Forest, Simply Flowers, Like Home & Florist, Květiny, Flower Bar s.r.o., Výdejní místo Frutiko cukrárna&květinářství - Brno, Fantastic flowers, Barbora Rous Květová, TIME4FLOWERS, Květiny Vonekl, Floristika Klára Uhlířová, Flowers by Decstore, Květiny Holland Garden, Květinářství Nerine, Kvítí z lesa, Květiny Drápalová Lenka, Květiny V, Erica - květiny, v.o.s., Rosebud Květinářství, Květinářství Nekolný, Květinářství AmErica, Květiny V&Š, Květiny Petr Matuška, Květiny Arancio, Květiny Florissant, Květinářství OXALIS, Květiny Lucie, P.S.květiny, Květiny Anna, Květinka Bellis, Květinářství Lubomír Mizera, Květiny Ája, Květinářství Azalka, Romana Hanáčková - Květiny Incana, Svatební kytice, smuteční kytice, Brno;*

– эргонимы со средней степенью необходимости номенклатурного термина (2): *Flora Jeane, Carmen Flora;*

– названия с высокой степенью необходимости слова-сопроводителя (3): *Flamengo s.r.o., La Plevela, Anemos Brno.*

По наличию элементов графической трансформации эргонимы цветочных магазинов города Брно можно разделить на:

– эргонимы, состоящие только из слов чешского языка (36): *Kytka jako Brno, Květinové Boxy, Květiny, PORT květiny, Stánek-květiny Z.Illkova, Květinářství Brno, Květinové Taxi, Květiny M. Huszárová, Květiny u radosti, Květiny Gelnarová, Květiny Radost, Florist U Štěpánky, KVETU květinový ateliér, Květiny, Výdejní místo Frutiko cukrárna&květinářství - Brno, Barbora Rous Květová, Květiny Vonekl, Floristika Klára Uhlířová, Květinářství Nerine, Kvítí z lesa, Květiny Drápalová Lenka, Květiny V, Erica – květiny, v.o.s., Květinářství Nekolný, Květinářství AmErica, Květiny V&Š, Květiny Petr Matuška, Květiny Arancio, Květiny Lucie, Květiny Anna, Květinářství Lubomír Mizera, Květiny Ája, Anemos Brno, Květinářství Azalka, Romana Hanáčková - Květiny Incana, Svatební kytice, smuteční kytice, Brno;*

– эргонимы, состоящие только из слов отличного от чешского языка (10): английский язык (7) – *Flora Jeane, Flowers of the Forest, Simply Flowers, Like Home & Florist, Fantastic flowers, TIME4FLOWERS, Flowers by Decstore,* французский язык (1) – *Fleurs&Decoration,* словенский язык (1) – *La Plevela,* латинский язык (1) – *Carmen Flora;*

– эргонимы, включающие в себя слова нескольких языков (14): чешский и французский (4): *Květinářství GALERIE Brno, Květinářství Deluxe a Rozvoz květin, Květiny Florissant, Květinka Bellis*; чешский и английский (6): *Brno flowers, Květiny FLORIS, Květinářství «Brno.rose», Květiny Holland Garden, Flower Bar s.r.o., Rosebud Květinářství*; арабский и английский (1): *Kala Flower shop*, чешский и латинский (2): *Květinářství OXALIS, P.S.květiny*, чешский и португальский (1): *Flamengo s.r.o.*

Перейдем к синтаксической классификации исследуемых эргонимов:

– эргонимы, представляющие собой словосочетания (52): *Kytka jako Brno, Květinářství GALERIE Brno, Květinové Boxy, Stánek-květiny Z.Illkova, Květinářství Brno, Květinové Taxi, Květiny M. Huszárová, Květiny u radosti, Kala Flower shop, Květiny Gelnarová, Florist U Štěpánky, Brno flowers, PORT květiny, Květiny FLORIS, Květiny Radost, KVETU květinový ateliér, Květinářství «Brno.rose», Flowers of the Forest, Simply Flowers, Flower Bar s.r.o., Výdejní místo Frutiko cukrárna&květinářství – Brno, Fantastic flowers, Barbora Rous Květová, Květiny Vonekl, Flamengo s.r.o., Floristika Klára Uhlířová, Flowers by Decstore, Květiny Holland Garden, Flora Jeane, Květinářství Nerine, Kvítí z lesa, Květiny Drápalová Lenka, Květiny V, Erica - květiny, v.o.s., Rosebud Květinářství, Květinářství Nekolný, Květinářství AmErica, Květiny V&Š, Květiny Petr Matuška, Květiny Arancio, Květiny Florissant, Květinářství OXALIS, Květiny Lucie, Květiny Anna, Květinka Bellis, Květinářství Lubomír Mizera, Květiny Ája, Anemos Brno, Carmen Flora, Květinářství Azalka, Romana Hanáčková – Květiny Incana, Svatební kytice, smuteční kytice, Brno;*

– эргонимы, записанные словоформой (4): *Květiny, TIME4FLOWERS, La Plevela, Květiny*;

– эргонимы, представляющие собой назывное предложение (4): *Fleurs&Decoration, Květinářství Deluxe a Rozvoz květin, Like Home & Florist, P.S.květiny.*

Говоря об использовании тропов и стилистических фигур в номинации цветочных магазинов, стоит отметить, что они довольно редко отмечаются в чешских эргонимах (8).

Прием сравнения использован в названии *Kytka jako Brno* и призван подчеркнуть значимость организации, выполняет функцию рекламы и формирования имиджа заведения.

Метафора, использованная в названии *Květinové Taxi*, сообщает покупателем об услугах доставки цветов.

Flower Bar s.r.o. – метафора, сообщающая о доступности продукта, его близости потребителю.

Эпитет в названии *Fantastic flowers* формирует благоприятный имидж организации.

Květiny Holland Garden – метафора, указывающая страну, чей образ традиционно связан с цветочными полями.

В названиях *Květiny u radosti, Květiny Radost* использовано слово с эмоциональной окраской *radost* для создания приятных ассоциаций у покупателей.

TIME4FLOWERS – в названии используется графическая трансформация английского предлога *for*, созвучного с *four* – «четыре».

Обсуждение

Таким образом, семь семантических групп и подгрупп из выделенных в обоих городах совпали: включающие имя ЛСП «Цветы»/«Květiny», ЛСП «Flowers», названия конкретных цветов, указывающие на пространство и место, на имена владельцев, на профессию, связанную с деятельностью организации, на услуги доставки, уникальными среди ярославских оказались 6 групп (включающие способ оформления цветов, названия других растений, цвет, символизирующий растительный мир, географиче-

ский объект, указание на определенное лицо, связанные с цветами прямо или косвенно), среди чешских уникальных не выявлено.

Классификация А. В. Суперанской показала, что большинство (73 % русских и 95 % чешских) эргонимов являются реальными.

Классификация Т. П. Романовой позволила выявить, что ярославские эргонимы выполняют все названные исследователем функции, в отличие от чешских, которые не выполняют номинативную функцию. При этом большинство чешских эргонимов (71,7 %) выполняет рекламно-информативную функцию.

Согласно классификации Т. А. Новожиловой, подавляющее большинство эргонимов города Брно (91,7 %) можно отнести к группе номинативов с низкой степенью необходимости номенклатурного термина, среди ярославских же чаще встречаются те, которым номенклатурный термин в средней или высокой степени необходим (лишь 62,5 % эргонимов номенклатурный термин необходим в низкой степени).

Классификация по наличию элементов графической трансформации показала, что большинство номинативов обеих групп записаны на русском и чешском языках соответственно.

Синтаксическая классификация отобранных эргонимов позволила выявить общее в номинациях города Ярославля и города Брно: большинство отобранных для анализа эргонимов в обеих группах представляют собой словосочетания.

В обеих исследуемых группах было выявлено использование тропов и стилистических фигур в объеме до 30 % от общего числа эргонимов.

Таким образом, можно составить описание типичного эргонима для каждого из городов. Для Ярославля это: реальный эргоним, включающий в себя имя ЛСП «Цветы», выполняющий рекламно-информативную функцию, записанный кириллицей в виде словосочетания и в низкой степени нуждающийся в наличии номенклатурного термина, имеющий стремление к языковой игре. Для Брно это: реальный эргоним, включающий в себя имя ЛСП «Květiny», выполняющий рекламно-информативную функцию, записанный только словами чешского языка в виде словосочетания и в низкой степени нуждающийся в наличии номенклатурного термина, употребленный в прямом значении. Проанализировав эргонимы города Ярославля и города Брно, Чехия, мы пришли к выводу о том, что номинативы разных стран имеют множество схожих черт и характеристик.

Ссылки

1. Доржиева Г. С. Информационный потенциал эргонимов г. Улан-Удэ // Межкультурная коммуникация: аспекты дидактики. Материалы межрегионального методического семинара. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 2020. С. 150–156.
2. Дударева З. М. Межкультурная коммуникация в лингвистическом пространстве городской эргоники // Лингвокультурология. 2018. № 12. С. 93–97.
3. Федотова Т. В. Репрезентация региональной идентичности в эргонимическом поле Кубани // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 85–90.
4. Алистанова Ф. Ф. Функции эргонимов в ономастическом пространстве города // Современный ученый. 2019. № 2. С. 219–223.
5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
6. Романова Т. П. Проблемы современной эргоники // Вестник Самарского государственного университета. 1998. № 1 (7). С. 82–90.
7. Новожилова Т. А. Номинация современных коммерческих предприятий: дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2005. 170 с.
8. Иванова А. В. Эргонимикон г. Читы // Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект: коллективная монография. Казань: Бук, 2019. С. 316–344.